

Литературно-исторический проект
«Соликамские
вёрсты»

Поморский город Соликамск

Соликамск

580

Поморский город
Соликамск

Поморский город Соликамск

580-летию соляной столицы России
посвящается

Редакционная коллегия:

Баньковский Л.В.,
кандидат географических наук

Келлер Т.Д.

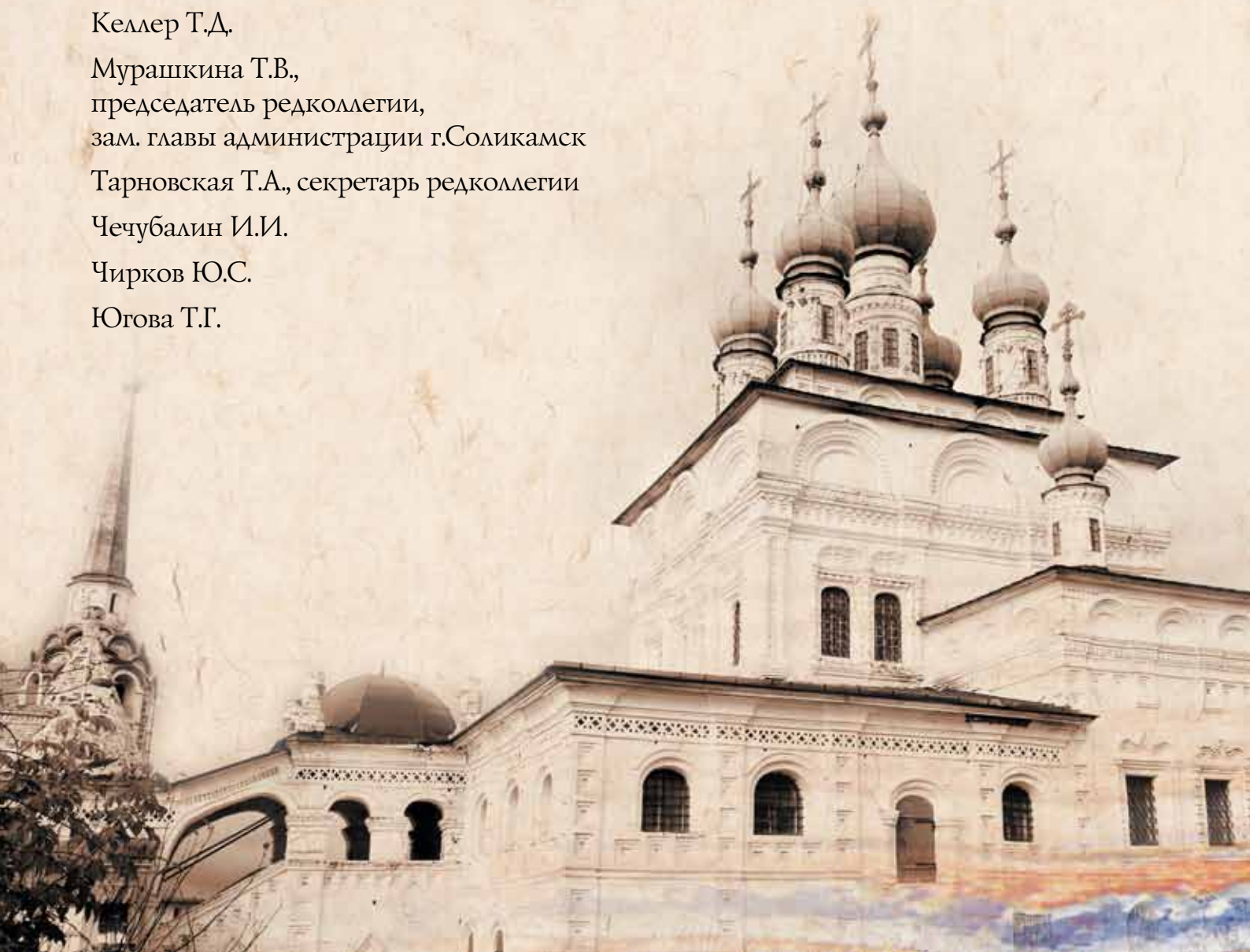
Мурашкина Т.В.,
председатель редколлегии,
зам. главы администрации г.Соликамск

Тарновская Т.А., секретарь редколлегии

Чечубалин И.И.

Чирков Ю.С.

Югова Т.Г.

До Ро ГИе зе МЛя КИ, Со ЛИКАМцы, ЧИТАТе ЛИ!

В юбилейный для нашего города год 580-летия, все мы ещё и ещё раз признаёмся в любви к родному Соликамску.

зодчие древности своим мастерством поставили Соль Камскую в один ряд с такими древними русскими городами, как Суздаль, Псков, Великий Новгород. В «каменной сказке», созданной их руками, ожила душа города, рождённая нелегким трудом людей, их упорством, отвагой и мечтой.

Видя упорство многих поколений, сама природа открыла перед нами неиссякаемые сокровища древнего Пермского моря. Пермский период давно в прошлом, и вот уже почти шесть столетий на нашей с вами земле ведёт отсчёт времени период Соли Камской. Мы связаны с древностью накрепко, кровью и солью, которая поистине стала для нас солью жизни. Вслед за мудрыми предками нам выпало продолжать Соликамский период, сохраняя бесценные богатства и опыт прошлого, созидавая своё настоящее и заботясь о будущем прекрасного города. Соляная столица России и родина отечественного калия, отправная точка движения Государства Московского на восток до его нынешних пределов и столица седого Урала на протяжении полутора веков. Эти высокие титулы наш город заслужил и всегда носил с достоинством, как и орден Трудового Красного знамени, которым страна оценила трудовой подвиг Соликамска.

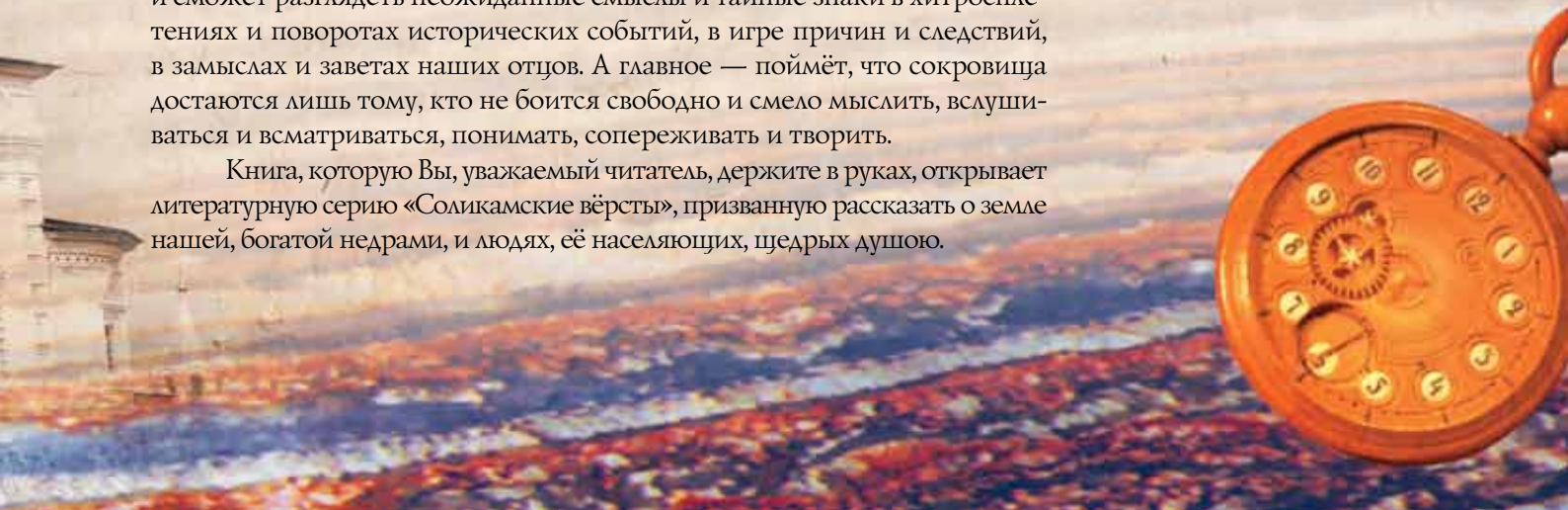
Юбилей Соликамска — наш общий праздник, поэтому мы хотим преподнести вам особенный подарок. С детства запомнилось наставление, что лучший подарок — книга. И мы с гордостью представляем вам книгу «Поморский город Соликамск».

Уверен, что внимательный, творческий читатель, равнодушный к истории и культурному наследию нашего древнего «поморского города», не только откроет много нового и интересного на этих страницах, но и сможет разглядеть неожиданные смыслы и тайные знаки в хитросплетениях и поворотах исторических событий, в игре причин и следствий, в замыслах и заветах наших отцов. А главное — поймёт, что сокровища достаются лишь тому, кто не боится свободно и смело мыслить, вслушаться и всматриваться, понимать, сопереживать и творить.

Книга, которую Вы, уважаемый читатель, держите в руках, открывает литературную серию «Соликамские вёрсты», призванную рассказать о земле нашей, богатой недрами, и людях, её населяющих, щедрых душою.

**Сергей Валентинович
Девятков,**
глава местного
самоуправления
г. Соликамск

От авторов

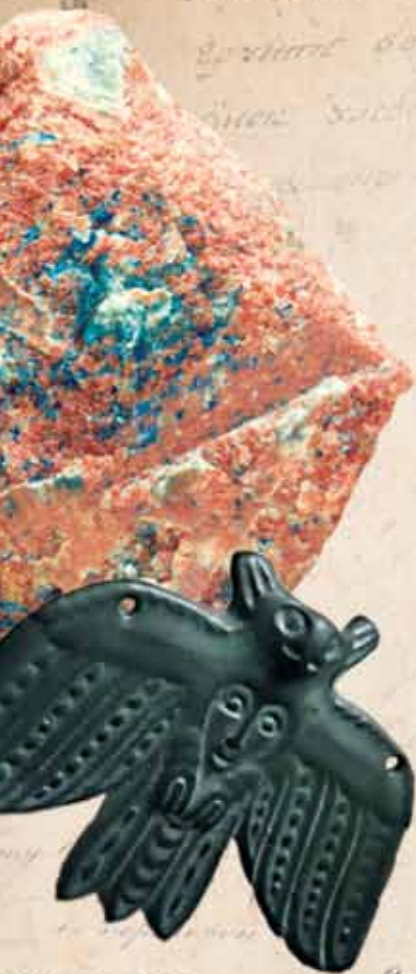
Назвать книгу к 580-летию города «Поморский город Соликамск»... Даже нам, авторам, изначально это показалось чересчур смелым, хотя мы знали, что ответить тем, кто скептически заметит, мол, где ближайшее море, а где Соликамск... Во-первых, ближайшее море у нас под ногами — на глубине около ста метров. Во-вторых, в XVII веке статус «поморского» городу был пожалован официально.

звание «поморского города» было связано не столько с морем, как можно предположить, сколько с освоением Сибири. В те годы для обеспечения населения недавно приращенных к России восточных земель хлебом купцы зимой закупали зерно и муку и до вскрытия рек складировали в определенных городах, именуемых «поморскими». Соль Камская, стоящая на дороге в Сибирь, таким городом как раз и является.

И чем более мы углублялись в работу, тем очевиднее для нас становился факт, что с «поморством» Соль Камскую связывают не только торгово-купеческая деятельность и организация хлебных запасов. Чудным образом город возник на том самом месте, где встретились силы самой природы и человеческого предвидения.

«Поморство» в городе — во всём. В самом его названии, в образе мыслей, просоленном воздухе и промысле. Иначе и быть не может: промысел и великая река по тогдашней границе Московской Руси и неведомой ещё Сибири шесть веков назад дали название Соликамску. А за 250 миллионов лет до этого соль и вода породили Пермское море. На этих бескрайних доисторических просторах город представляется малым островком посреди бушующей соленой стихии, о открытое наукой в XX столетии одно из крупнейших в мире Верхнекамское месторождение калийно-магниевых солей — наследие древнего моря.

А когда море ушло и пришло время Соли Камской, судьба её оказалась тесно соотнесённой со всеми вытекающими из глубин прошлого рассолами и последствиями. И вот уже на протяжении многих поколений

соль, без которой невозможно представить вкус моря и вкус жизни, — главное богатство Соликамской земли, служит нам.

И всей своей историей Соликамск подтверждает статус «поморского», межевого города. Города, возникшего на стыке воды и тверди земной, Европы и Азии, войны и мира, жизни и небытия, христианства и язычества, промысла и торговли, «походов встречь солнцу» и ссыльной несвободы. Всё встречается лицом к лицу на этой земле, скрещивается, борется и уживается, наполняя воздух жизни особым напряжением, казалось бы, непримиримых противоречий, на сшибке которых только и возможно рождение новых мировоззрений, уникальных образов и смыслов. Этакий географический, исторический, культурный, и ещё какой хотите, перекрёсток.

Наша соликамская история являет собой самую достоверную иллюстрацию к общей теории эволюции: когда-то мы вышли из воды, наша кровь помнит вкус моря. И потому нас не удивляет, что именно образы неведомых ящеров из доисторического прошлого отливают наши предки в бляхах пермского звериного стиля.

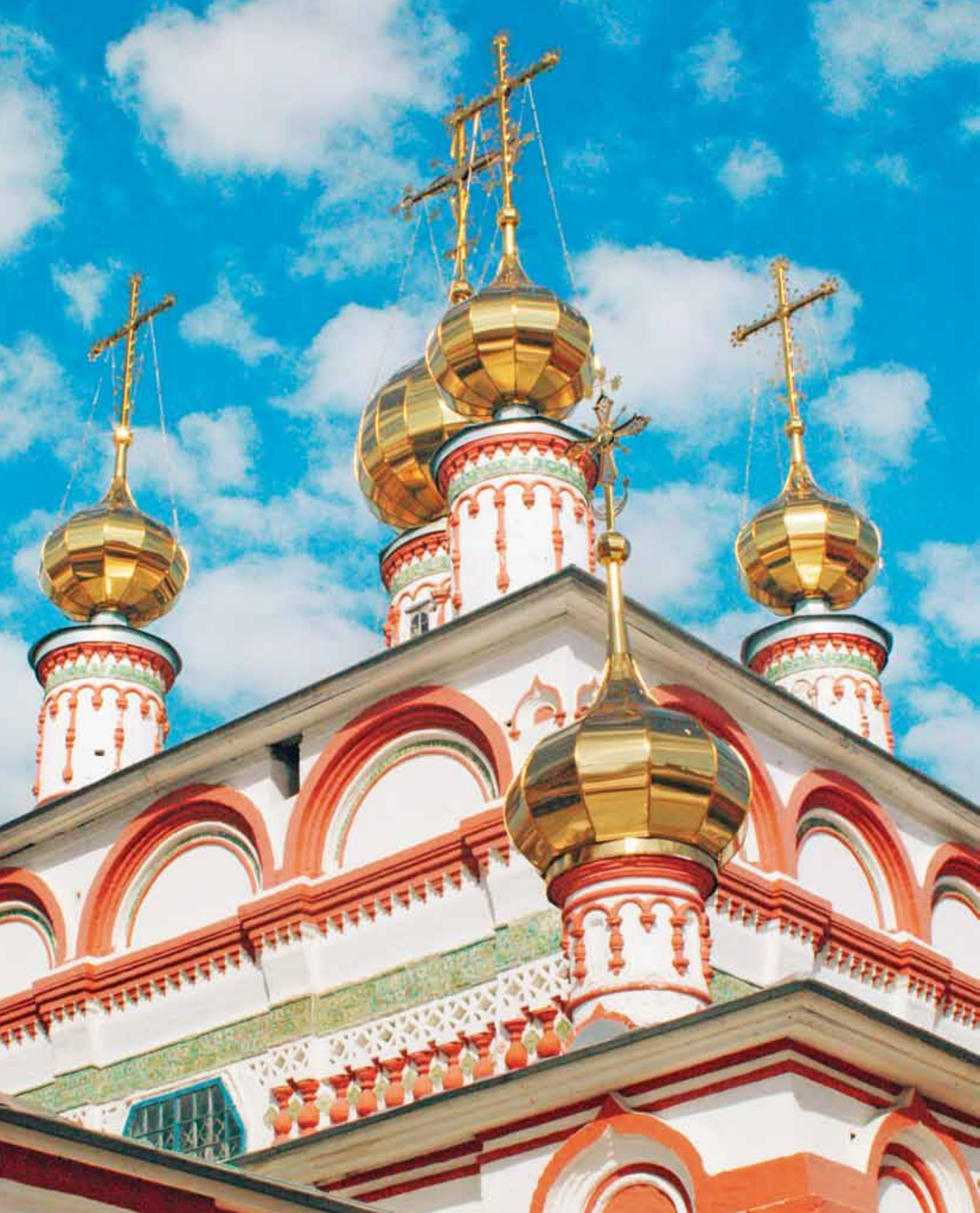
В нашей Вере — та же сшибка времён и идей. Вразрез с канонической строгостью, ничто не покоряется здесь и не отмирает бесследно, ничто ничем не уничтожается: всё сливается в тонких, порой едва уловимых, сплетениях диалектики. Вот и деревянные скульптуры святых из местных православных храмов так напоминают расколых языческих идолищ, сидящих перед жертвенным очагом. А сами храмы, взрослея и обрастая постепенно серьёзной каменной основательностью, остаются верны своей памяти, словно грёзам об юности, красочной радости орнаментов, резных кружев и оборок своей изначальной древесной поры. Просторные вместилища соборной духовности, встречи человека с Божественным, храмы наши всегда служили и потребностям социально-заведённого порядка, нуждам обиходного — торгового и трудового — течения жизни. В этом мы видим необщее выражение лица Соликамска, его соль.

Линия судьбы непрерывна и нескончаема. задуманный провидением в недрах Пермского моря, рождённый от соляных источников, выросший среди дикой природы и покоривший её своей упрямой энергией жизни, не раз пожираемый стихиями огня и чужой веры, возрождавшийся из пепла, подобно Фениксу, с новой силой и новыми замыслами, примеряя на себя одежды различных укладов и систем, вкусив сполна вольницы и тюрьмы, познав славу и забвение, город живёт своей, неостановимой никем и ничем, жизнью.

Прошедший долгий путь, умудрённый опытом, Соликамск сегодня не блещет столичным лоском, в «демисезон» огорчает невнимательных к истории родной земли жителей и заезжих гостей угрюмостью и скукой. Но глубина и вдумчивость здесь будут вознаграждены полной мерой: вас поразит не только живая история, волшебным образом застывшая прямо под небом, но и скрытое, непоказное трудовое величие, достоинство повседневной и важной работы, прочно удерживающее за Соликамском и сегодня статус «поморского города».

о б этом наша книга...

Часть I

с о своей колокольни...

Вот, старые-то люди не зря говорят: «Каждый человек на все со своей колокольни смотрит...». И то верно: вроде одинаково глазами глядим, да видим по-разному. Ну да это не беда. Беда — у кого своей колокольни совсем нету.

В самом сердце Соликамского мироздания, словно ухваченная в недрах человеческой рукой и вытянутая наружу земная ось, проколола небеса Соборная колокольня.

И ввысь времён стремится колокольня, и в глубину прошлого обернуться норовит, память покоя не даёт, тянет. Так и застыла соляным столпом на перекрёстке миров. Рвутся о шпиль северные ветры, мечутся, гудят, ищут себе колокольного ответа, да так и улетают ни с чем, уносят в чужие земли лишь горьковатый привкус соли.

И ты подними голову, посмотри на небо. Видишь, белые огромные облака медленно плывут в голубой вышине? Бескрайняя высь, безмерность синевы и света наполняют тебя тишиной и благостью, легко кружат голову и отрывают от грешной земли. Сквозь сеточку прищуренных ресниц, сквозь спящие радужные блики твой взгляд скользит, растекается по воздуху, словно медовая акварель по влаге прозрачно-тонкого листа. Всё плывёт и качается: и ты, и земля, и небо, и птицы, и купола, и кресты. И сама колокольня плывёт и качается, словно мачта в безбрежности океана. И белые облака текут и клубятся, меняются, превращаются в диковинные виденья.

Посмотри, там, среди глыбистых льдов и спящего снега большие медведи, и, правда, ворочаются и трутся о земную ось своими белыми, просоленными боками.

По ночам белые звери исчезают во мгле, но ты без труда найдёшь на карте неба мерцающие контуры пары Медведиц. Они всегда над тобой, сторожат твой путь, щедро сыплют из своих ковшей звёздным дождём, бросают тебе в ладони драгоценные кристаллы мечты, это соль твоих будущих свершений, цели и смыслы жизненных дорог.

Не зря ведь наш край прозвали когда-то медвежьим углом. Медведи — отцы древней Пармы. Они вращают ось, пространство, время, вершат круговорот в этой части Вселенной.

От этого трения и вращения, как искры с кремня, разлетается во всех направлениях тонко перемолотая столетиями соль существования. В жару проступает она с трудовым человеческим потом, а в лютые холода согревает, укутывая землю пуховой периной. С вешними водами уходит соль в глубину, в самые недра Пармы, и застывает там, пополняя бескрайние залежи вековых сокровищ. Каменья под тяжестью времен, людских грехов и прессом многометровой земной толщи, кристаллы обретают свой вкус и форму, расцвечивают подземелье всеми цветами радуги. А когда придёт время, руки людей вновь извлекут соль земли на свет Божий...

Так что, не только благодаря косолапым вершится сей круговорот: день сменяет ночь, проходят тысячелетия, утекают, словно вода сквозь пальцы, эпохи с привкусом соли, омывают и питают землю солёные ручейки истории. Эта соль в нашей работе, в наших слёзах, в нашей крови...

Ну что ж, остановившись у звонницы, оказавшись в центре Соликамского жития, посмотри вокруг. Очертания многих событий размыты в тумане времени, нити сюжетов рвутся, путаются ходы причин и следствий, прошлое порой теряет резкость, настоящее — смысл, а будущее — ясность. Нет у людей прав на последнюю Истину, нет у них точного Знания и единственного Смысла. В этой качке и безбрежности хорошо бы какой-нибудь ориентир найти, хоть за какой-нибудь стержень ухватиться. Но у соликамцев есть редкая привилегия — смотреть на мир, судить обо всем на свете, со своей, соликамской, колокольни...

с он древнего города

Начало XVIII века в России выдалось бурным. Конечно, даже с высоты соликамской звонницы трудно разглядеть, как царь Пётр I изо всех сил «рубит окно в Европу». Но «щепки» исправно долетают и до наших пределов.

Все, что происходит там, где по подобию западных столиц на уральской лиственнице и народных костях ставится новый престольный Петров град, где вчерашние потешные полки ломают непобедимую дотоле армию шведского короля Карла XII, эхом отзывается в Соликамске. Отзывается, и колесом истории катится далее по Государевой Бабиновской дороге через неразведанную еще толком Сибирь к берегам Русской Америки...

Свидетельницей этой славной эпохи и стала Соборная колокольня, что высится на пути Петровских реформ, словно верстовой столб. Высится, и вот уже почти три столетия ведет летопись Соли Камской...

...Неприметная дверь в белокаменном кубе-кристалле. Пригнувшись, ныряешь в нее, и сразу направо и вверх. Узкий в толще стены ход — двоим не разминуться. Крутые ступеньки, истертые течением временем и тысячами ног, они несут на себе отпечатки истории и убегают вверх. Поспешим за ними.

На спрессованной веками кладке нижнего яруса внутри самой звонницы краской столетней давности аршинно выведено: «1883 годъ». Может быть, тогдашние школяры оставили о себе память? Да, современные граффити не ограничились бы столь скромным автографом. Но сегодня чья-то давняя невинная шалость стала уже артефактом местного значения.

Центральный архитектурный ансамбль Соликамска — один из наиболее выдающихся примеров каменного зодчества Урала. Он включает в себя: 1) Троицкий собор (1684-1697), 2) Крестовоздвиженский собор (1698-1709), 3) Соборную колокольню (1713), Богоявленскую церковь (1687-1695), 4) Воскресенскую церковь (1721-1725) и Дом воеводы (1688).

К нему примыкают: 5) общественный банк Черкасова (втор. пол. XIX в.), 6) здание уездного казначейства (1905 г.), 7) здание уездной управы (втор. пол. XIX в.), 8) дом купца Баранова (втор. пол XIX в.).

Благодаря этим памятникам и уникальной градообразующей планировке, Соликамску в 1970 году присвоен статус исторического города-заповедника.

Соликамск, Спасо-Преображенская церковь, 1683-1692 гг., архитектор Л.Корсаков.

Соликамск, Богоявленская церковь, 1687-1695 гг.

Стиль «барокко» порождает противоречия между видимостью и знанием, идеалом и действительностью, иллюзией и правдой. Согласно ему, чем неправдоподобнее произведение искусства, чем резче оно отличается от наблюдаемого в жизни, тем оно интереснее, привлекательнее с художественной точки зрения.

Виктор Власов,
искусствовед, художник
«Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства».

Так и большая история: живое когда-то волнение моря, полное водами больших и малых рек, солёных источников и человеческих слёз, лежит теперь в наших ладонях таинственно мерцающими камушками, магическими кристаллами древней соли. Хорошо бы и великое удержать, и малого не рассыпать. И если взглядеться в каждый согретый руками кристалл — что покажется в его неясном свете? А что покажется, то для нас и оживёт...

На самом вершине, там, где раньше гудели колокола, даже в жаркий летний день гуляет пронизывающий ветер. Так вот кто веками раскачивал благовест и саму колокольню! Может от этих-то порывов звонница и кренится к северо-западу?!

Отсюда, с высоты птичьего полета, Соликамск — как на ладони: более высокой и близкой к небу точки в городе за три столетия так и не проросло. Может, это оттого, что сегодняшние строители все что угодно возводят от земли, а их далекие предки, наоборот, любое сооружение строили с высоты. От Бога! И в XVIII веке зодчие сначала выяснили высоту будущей колокольни от верхушки креста, и только потом задали ее остальные параметры. Что же за способ такой удивительный? Мы специально остановимся на этом чуть позже.

А пока наше внимание приковано к белокаменным православным церквям, высящимся вокруг колокольни и вдоль петляющей, некогда судходной, Усолки.

Взгляд, брошенный с колокольни, отсекает обступившую их сегодня безликую, местами сумбурную жилую застройку, прозванную в народе именами вождей советской эпохи: «сталинки», «хрущевки», «брежневки»... Она ярусами домов бывшего села Красное и Больничного лепится на холмах к югу и западу от колокольни, подковой Третьего микрорайона калийщиков охватывает исторический центр города с востока, издали маячит «панельками» Боровска и Клестовки. Но все же не эти серые унылые коробки, коим от роду не более полувека, определяют лик Соли Камской, а русское барокко, «прописавшееся» в нашем городе ещё в XVII веке!

Но барокко — это не только стиль в архитектуре. Это образ жизни и образ мышления. Барочная идея облагораживания естества на началах разума, как мы видим сегодня, в Соликамске прижилась. Может, и оттого, что семена упали на благодатную почву. Сами соликамцы вносят свой мощный вклад в мировую копилку великих, и не очень, географических и естественно-научных открытий.

Конечно, проведанная Артемием Бабиновым дорога в Сибирь, бравшая начало в окрестностях Соликамска, не может соперничать по своей значимости с открытием Америки Колумбом. Да и путешествие нашего земляка Михайлы Захарова в составе экспедиции Дежнёва не стоит в одном ряду с кругосветным путешествием Магеллана или исследованиями Галилея. Однако нам эти события не менее интересны, и мы ниже подробнее поведаем вам о них. И дело тут не в квасном патриотизме. Просто в мо-

заике общей истории обнаружили камешки хоть и помельче, да без них общей картины не сложить.

Несмотря на разновеликий масштаб открытий, все вместе — эти учёные, мореплаватели, первопроходцы, положили начало разрушению привычных представлений о замкнутом и неподвижном мире, в центре которого находятся Земля и сам человек.

Без этого вчерашнего опыта и сегодня не были бы возможны ни полёты в космос, ни Большой адронный коллайдер. А ведь ему, этому новому прорыву научной мысли, в который уже раз предстоит подтвердить или опровергнуть наши устойчивые представления о мире и материи. Это произойдет в случае обнаружения с помощью хитроумного устройства уже предсказанной учёными, но ещё не открытой сверхмалой частицы — «бозона Хиггса». Ещё не открытой, но уже получившей в массовом толковании звучное имя — «частица Бога».

Одно только предположение, что искусственное получение частицы, которая создаёт всю массу Вселенной, может вызвать появление чёрной дыры, вызывает страхи. В сравнении с этими мрачными прогнозами гелиоцентрическая картина мироздания, за которую Галилей в XVII веке был предан суду инквизиции, — просто цветочки.

Глядя с высоты прошедших столетий, мы констатируем: сегодня учёных на кострах уже не сжигают — это плюс. До сих пор мы крайне мало знаем о нашей Вселенной — это минус.

А представляете, каково было малограмотным современникам Бабинова, Галилея, когда то, что казалось абсолютно ясным, безупречным и вечным, стало рассыпаться у них на глазах?! Когда выяснилось, что и за Урал ходить можно посуху, а сама Земля вовсе не плоская лепешка, но шар, который на немыслимой скорости вращается вокруг Солнца. Есть, есть от чего душе мирянина прийти в смятение.

Барокко вошло в Соликамск не с научными трудами Коперника, а с диковинной картошкой и замысловатой архитектурой церкви ещё до появления нашей колокольни. И если заморский корнеплод долго вызывал к себе недоверие и даже неприязнь, то каменное зодчество вросло в местный колорит без враждебности, с творческим энтузиазмом новаторства и уважительным пиететом к традиции.

Фигурный и лекальный кирпич стен Богоявленки, Свято-Троицкого собора, опоясанных изразцами, создает неповторимый рельефный, словно вырезанный по дереву, орнамент. Чудо объясняется просто. Приглашенные на строительство соликамских храмов московские каменные мастера обучали своему искусству местных зодчих, позволяя и им излить свою фантазию. А местные мастеровые в деревянной-то резьбе были зело искусны...

Благодаря этому гармоничному созвучию двух школ и столь разных материалов новые соликамские храмы избавляются от былой строгости; они радуют глаз, привлекают своей нарядностью, праздничностью.

Большой адронный коллайдер.

Нiggs boson, **H** — теоретически предсказанная в 1964 году шотландским физиком Питером Хиггсом, но до сих пор не открытая, элементарная субатомная частица. По сути, она — единственное недостающее звено в Стандартной модели элементарных частиц.

Сторонники теории убеждены, что Хиггсов бозон сыграл основную роль во время Большого взрыва, когда некоторые частицы — кварки, лептоны приобрели массу, а другие — фотоны — остались безмассовыми.

Подтверждение или опровержение существования бозона Хиггса — один из ключевых вопросов физики высоких энергий.

После упразднения в 1781 году воеводства в Соликамске, приказная изба освободилась и была продана. Поселившийся в ней солепромышленник Максим Суворцев в одном из ходов обнаружил лапидар с деньгами и драгоценностями. Но как только он внес находку в дом, его и всех домашних поразила странная болезнь: у всех головы свело набок. Никакие лекари исцелить их не могли. И только после пожертвования найденных драгоценностей на строительство церкви пришло выздоровление, а Суворцев приказал своим слугам накрепко заложить вход в подземелье. Так гласит одна из городских легенд.

Можно попытаться разглядеть с колокольни историю Дома воеводы — первого каменного гражданского здания на Урале. Среди его обитателей — представители именитых российских родов — Нарышкины, Прозоровские, Голенищевы, Корсаковы, Черкасские. Назначение на воеводство в Соль Камскую было делом не только ответственным и почетным, но и прибыльным.

Даже беглого взгляда хватит, чтобы согласиться с академиком архитектуры И.Грабарем, который называл этот дом «одним из самых драгоценных памятников гражданского зодчества Древней Руси». Стены резиденции царского наместника, выстроенной в стиле «нарышкинского» барокко, — в два метра толщиной, внутри них расположены переходы, которые соединяют первый этаж с подклетом и подземными ходами. Через окна-киотцы в ажурных наличниках видны сводчатые палаты, связанные узкими коридорами. Из каждой палаты вел отдельный выход на теремное крыльцо, украшавшее парадный фасад, обращенный к Усолке. Оно не сохранилось, как не сохранились и подземные лазы, о которых в Соликамске, тем не менее легенды ходят до сих пор. Предполагается, что подземный ход, начинавшийся в Доме воеводы, разветвлялся на три направления: к Богоявленской церкви, другой связывал Дом воеводы с Соборной колокольней и Троицким собором, а третий вел к Усолке.

За воеводским домом, если смотреть с реки, прячется Богоявленская церковь. Скромничает. Но с колокольни она предстает во всей красе. Фасады её проработаны до мельчайших подробностей. Конечно, прежде всего — это ряды изумрудно-сверкающих изразцов, опоясывающих расколерованные фасады. А среди многочисленных оконных наличников нет ни одного повторяющегося. Каждый наличник — единоличник! Каменные дыньки, перехваты, зубчики, «дольки лимонов» — вот вам весь богатый арсенал деревянного зодчества.

Интерьер Богоявленки восхищает не меньше резным, четырёхъярусным золоченым, весьма тонкой изящной работы четырнадцатиметровым тябловым иконостасом строгановской школы XVIII-XIX веков. Есть ли среди этих семидесяти пяти икон те, что писаны рукой одного из лучших русских иконописцев XVII века, царского изографа соликамца Федора Зубова? Святые лики сквозь века смотрят тебе в глаза, но дать ответа не могут.

К большому сожалению, не смогли дать ответа на этот важный для нас вопрос и столичные реставраторы, работавших в Богоявленке в середине восьмидесятых годов прошлого столетия. В одном лишь они уверены: семьдесят процентов иконостаса — из давно сгинувших деревянных церквей.

И древнейшая среди всего этого великолепия, со времен поморов, — икона священномученика Климента Папы Римского, покровителя мореплавателей. Она писана, вероятно, ещё до раскола Русской православной церкви, то есть почти четыреста лет назад. В Соликамске этот святой издав-

Фрагмент иконы священномученика Климента, Папы Римского (перв. пол. XVII в.) из иконостаса Богоявленской церкви.

Резной четырехъярусный тябловый иконостас Богоявленской церкви, выполненный в стиле нарышкинского барокко, богатейшее собрание икон строгановской школы XVII века и более поздних икон XVIII-XIX вв. Иконостас установлен в конце XVIII в. на месте алтарной преграды взамен несохранившегося иконостаса XVII столетия. Иконы из старого иконостаса были нарощены, записаны и выставлены в новую алтарную преграду. Иконостас является блестящим образцом творчества соликамских резчиков по дереву.

Центр иконостаса — царские врата, целиком покрытые ажурной резьбой «на проем», отличаются особым пластическим богатством форм, достигших здесь предельной выразительности. С большим мастерством и вкусом в иконостас вплетены резные фигуры ангелов, бутоны роз, гроздь винограда, листья, гирлянды цветов, замысловатые рамы и картуши. Мастерски исполнены фигуры ангелов, их позы свободны и естественны. Неизвестный художник сумел вложить в эти вдохновенные творения свою мечту о подлинной красоте души человека. Венчает царские врата резная корона. Резьба иконостаса позолочена по левкасу, что ещё более усиливает впечатление богатства и нарядности.

1 | 3 | 4

1. Фрагмент иконостаса Богоявленской церкви.
2. Фрагмент царских врат иконостаса.

3. Иконостас Богоявленской церкви конца XVIII-начала XIX вв. с иконами XVII, XVIII и нач. XIX вв.
4. Фрагмент декора иконостаса.

«Сидящий Спаситель», вывезенный из Воскресенской церкви г. Соликамска, сегодня является одной из жемчужин экспозиции деревянной скульптуры Пермской художественной галереи.

на почитался особо — его имя носила деревянная церковь, стоявшая там, где сегодня сверкает своим великолепием Богоявленка.

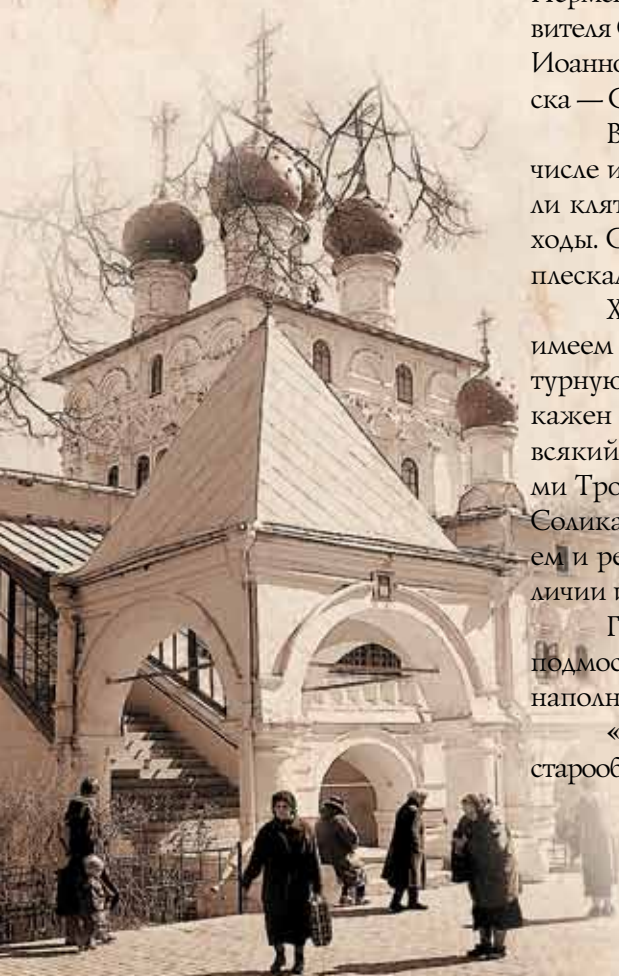
Под сводами этого храма среди других священных раритетов хранится одна из самых значимых и особо чтимых святынь Соликамской, да и всей Пермской земли — складная икона Николая Чудотворца — небесного покровителя Соли Камской, по преданию, подаренная горожанам в 1552 году царем Иоанном Грозным. Раньше она была «прописана» в главном храме Соликамска — Свято-Троицком соборе, который был средоточием жизни Соликамска.

В Троицком служили молебны, зачитывались царские указы, в том числе и те, по которым рубили бороды и подола кафтанов, здесь приносили клятвы городские головы и бургомистры, отсюда начинались крестные ходы. Собор словно парит над городом, у его подножья в ярмарочные дни плескалась и гудела торговая площадь.

Холм, за подножие которого и зацепилась колокольня, и который мы имеем честь именовать Троицким, определяет и структурирует архитектурную перспективу всего Соликамска. В XX веке ландшафт холма был искажен посадкой дурного тополиного сквера, и ещё до недавнего времени всякий приезжающий в город видел за зарослями лишь маковки с крестами Троицкого собора. Сегодня, как и в былые времена, храм, который для Соликамска, что Собор Василия Блаженного для Москвы, своим пятиглавием и резным, застывшим в камне, узорочьем является путнику во всем величии и ювелирной изощрённости деталей.

Глядя сверху на храм, построенный по «образцу» Казанской церкви в подмосковной резиденции русских царей — Коломенском, видишь, как он наполняет воздух города своей богатой архитектурой.

«Бочки» на алтаре, рундуки, балясины, оконные наличники, повторяющие старообрядческие кюты, — всё это вклад старых плотницких дел мастеров.

Немного моложе ещё один образчик русского барокко — зимний Крестовоздвиженский собор, выросший подле Усолки и омываемый ее водами. Приземистый храм накрепко врос в берег реки, и даже ежегодные весенние разливы не смогли заставить его сдвинуться и уступить хотя бы пядь своей земли. Но присмотритесь — и вы заметите, с каким трудом удаётся ему удержаться: словно в стремительном движении внезапно остановившийся перед обрывом былинный богатырь, он с силою упёрся ногами в землю, а корпусом для равновесия подался назад, в сторону звонницы.

А вот и Воскресенская церковь, что смотрит на торговую площадь Соликамска. Соборная колокольня хорошо помнит этот большой пятиглавый храм и ее трехъярусную, восьмериком звонницу, которых она лишилась в 1934 году.

В 1713 году, завершая весь комплекс, между двумя соборами — Троицким и Крестовоздвиженским — проросла и соборная колокольня, отчётливо обозначив центр архитектурного комплекса.

Строилась колокольня в духе уже ушедшего «московского узорочного стиля», но оказалась совершенно не похожей на свои образчики. И статью, и характером своенравная вышла красавица — наша родная, соликамская. Перебежка закомар, восьмерик, шатер — все это наследство московского зодчества. Но вот кресты, языки пламени, шахматная кладка — таких нарядов не встретишь больше нигде. Нигде, кроме как у местных умельцев-мастеров, деревянных дел «кутюрье». Так вот откуда такая самобытная красота!

Центральный архитектурный ансамбль Соликамска — явление неповторимое и уникальное — как в завораживающей своей красоте, так и в многозначной сложности форм и сакральных смыслов. Словно древний ритуальный танец, словно праздничный хоровод духовной гармонии, застывший в гибкой и прочной пластике материи. Глубинная символика земного и небесного знания, мудрости об устройстве бытийного космоса, всё, что зашифровано нашими предками в этой музыке орнаментов и камня, в этом по истине коренном языке, — всё это ещё не до конца оценено, понято и разгадано нами.

Там, где может подвести память, где недостаточно окажется логики и интеллекта, современникам и будущим поколениям остаётся уповать на остроту интуиции и силу своего со-чувствия прошлому, на ощущение события и со-причастности с предками, на резкость прозрения и слуха, чтобы услышать и понять шепот крови, бегущей непрерывно по артериям людей, поколений, рек, дорог, столетий...

С площадки звона хорошо видно, как со всех сторон света к колокольне сбегаются и разбегаются эти дороги. Дороги, по которым шагает история России. Мы тоже пройдем по ним, чуть позже, в следующей главе.

А пока холодный ветер настойчиво гонит нас вниз. Вновь под ногами крутые ступени. И вот люди, деревья, здания опять стали большими... Здрав голову, мы вновь пытаемся разглядеть Соборную колокольню.

...Чудно-таки она построена! Пытливому глазу здесь есть за что зацепиться.

Соликамск, Троицкий собор. Его прообразом послужила Казанская церковь (стр. 18) в подмосковной резиденции русских царей в селе Коломенское.

1	2	3	4	5	6
---	---	---	---	---	---

1. Скульптура Богоматери (резьба, дерево, XVII в.), из экспозиции СКМ в Богоявленской церкви.
2. Богоявленская церковь (1687-1695 гг.). Фото нач. XX в.
3. Фрагмент изразцового пояса Богоявленской церкви.

4. Декор фасада Богоявленской церкви.
5. Обломок колокола Богоявленской церкви, сброшенного с колокольни в годы воинствующего атеизма.
6. Элемент декора наличников Богоявленской церкви.

семь раз «всемер»

Соликамск, Соборная колокольня.

Видимо, чтобы Соборная колокольня не умчалась ракетой в небо, к ее основанию пристроили огромный каменный куб, в котором в разные годы свои дела вершили градоначальники и судьи. А в подклете её соликамские купцы для пущей надежности хранили в виде балласта всяческие товары. Сейчас в колокольне «прописано» наше культурное наследие, хранимое зрителями Соликамского краеведческого музея.

Героиня нашего повествования никогда не была сугубо церковным либо исключительно гражданским строением. Соликамцы всегда умели отделять Божово от кесарева, что отражено даже в архитектурном облике колокольни.

Облик её вобрал едва ли не всю историю нашего города, и даже страны, весь русский уклад жизни. Испокон повелось: есть у нас лёгкие паруса мечты, неудержимо рвущиеся к неведомым горизонтам, да всегда найдётся и тяжёлый якорь, который эту устремлённость всё-таки приудержит. Готовая отправиться в дальний полёт стрела, и одновременно краеугольный камень нашего мироздания. Такая вот соликамская диалектика в стиле московского барокко.

В палатах, над которыми надстроена звонница, изначально размещалась воеводская канцелярия. Со стороны Троицкого холма палаты двухэтажные, а если глядеть с Усолки, то в них набегаёт ещё два. Этажей прибавляет подклет с восемью палатками, где купцы хранили свои запасы, большая часть из которых направлялась в Сибирь.

Над горизонталью мирской, «низкой», высоко вырастает божественная вертикаль — устремленная в небо колокольня. Звонница всем своим естеством про-

Колокольня «построена осодо от лѣтняго Троицкаго и зиньяю Крестовоздвиженскаго собора на двухэтажном каменном доме, принадлежащем собору, и прилѣгательна по своей архитектурѣ. Она восьмигранная с восемью слухами для колоколов; вместо купола, или крыши, сделаны закомары, или небольшія полукруглыя арки в три яруса, которыя в каждом ряду соединяются своими подожженныя, опираются на верх полукруглой нижняго яруса и, расположенныя уступами с уменьшением их величины кверху, образуютъ свод и крышу колокольни и увенчиваются высокими, саженъ в 7, шпилемъ. Архитектура ея легка и красива.

Вероятно, с самаго начала она раскрашена была в азиатскомъ вкусе чрезвычайно пестро, красками зеленою, голубою и красною».

Александр Луканин, протоиерей.

«Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска», 1856 г.

тивостоит массивному кубу палат: узорчатую башню венчает аркада с тремя ярусами кокошников, поверх которых многометровый шпиль на восьмигранном кирпичном барабане. Они противостоят друг другу по своей сути и виду, и в то же время гармония и отточенность пропорций строения очевидны любому.

Диаметр башни — около десяти метров, основание палат — примерно семнадцать на семнадцать метров. Но даже при такой разнице объемов, чтобы удержать тысячи тонн камня, стены здания сделаны очень толстыми. Толщина наружных — около двух метров, внутренних, на которых и лежит основная нагрузка, — три. Высота колокольни от основания до креста составляет почти 62 метра.

Но это сейчас длину, ширину, высоту мы определяем в метрах, а вплоть до введения в XX веке на 1/6 части земной суши метрической системы мер все измерения производились в саженьях.

Поэтому для выявления потаенной пропорции соликамской колокольни метровый слиток платины и иридия, который уже более столетия хранится в Международном бюро мер и весов под Парижем, нам не пригодится в силу своей молодости и удаленности.

Так что, многоуважаемый метр, мы не намерены Вас сегодня беспокоить. Можете и дальше оставаться под стеклом в своем футляре — при постоянных температуре, давлении, влажности.

Тогда вот загадка: а в каких саженьях измерять звонницу, с высоты которой соликамцы могут обозревать окружающий мир? На Руси в ту пору в ходу было несколько десятков, если не сотен, их разновидностей.

Среди основных — простая сажень, косая, царская, церковная, народная, кладочная... Вдобавок, в каждой местности могли быть свои — черниговские, московские, новгородские, владимирские... Возможно, и у соликамцев, учитывая высокую степень экономического развития территории, вполне могло бы быть своё, доморощенное, мерило.

В таком обилии саженьей современному человеку непросто сориентироваться и выбрать нужные для определения архитектурных закономерностей колокольни. Мы не оговорились: нужные — поскольку при строительстве храмов на Руси издавна использовали не менее семи саженьей различной длины. Почему?

Семь — число Христа, священное и сакральное. И православный храм зодчие всегда выстраивали по системе сдвоенных мер: мирской, учитывавшей четное количество каких-либо саженьей и открытой для всех, и по потаенным пропорциям, — кратным семи. И делали они это настолько умело, что непосвященные не замечали ни сдвоенности, ни кратности. Эта законспирированность была возможна благодаря множеству взаимосвязанных саженьей.

Правила «семи сажений» передавались от мастера к мастеру, из поколения в поколение и, возможно, в бурях XX века, а может, и ещё раньше,

Брюгге, бelfфруа (XIII в.).

Флоренция, кампанилла кафедрального собора Санта-Марии-Дель-Фьорте, так называемая колокольня Джотто (1334-1349 гг.).

Колокольни теоретиками архитектуры условно разделены на два типа — кампанила и бelfфруа. Кампанила в переводе с итальянского — «колокольня». Круглая или квадратная в основании, она, как правило, стоит отдельно от храма, однако является его частью.

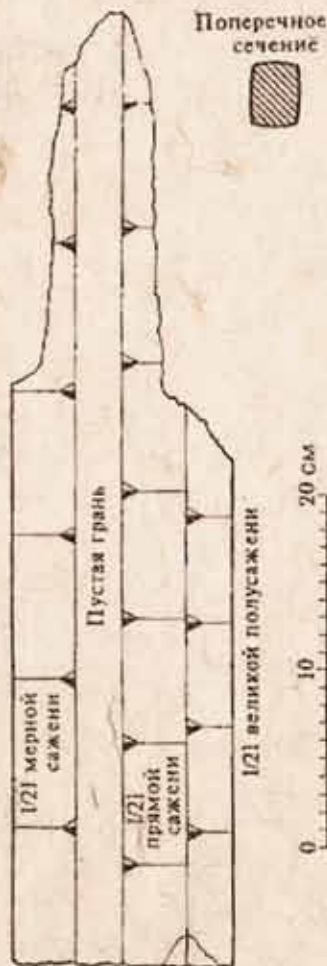
Бelfфруа же — или «вечевая башня» — это уже объект гражданской архитектуры, к религии отношения не имеет, и обычно является городской ратушей.

Древнерусский всемер А.Пилецкого позволяет получать утраченные числовые взаимосвязи, отображающие пропорциональное «золотому числу» — 1,618 — совмещение длин саженей.

Древнерусские сажени

(по А.Пилецкому, в сантиметрах):

Городовая — 284,8
 без названия — 258,4
 Великая — 244,0
 Греческая — 230,4
 Казенная — 217,6
 Царская — 197,4
 Церковная — 186,4
 Народная — 176,0
 Кладочная — 159,7
 Простая — 150,8
 Малая — 142,4
 без названия — 134,5...

были утрачены. По крайней мере, до 80-х годов прошлого столетия о них ничего не было известно.

Именно тогда архитектору А.Пилецкому удалось восстановить «древнерусский всемер», в который входило пятнадцать саженей. И, удивительное дело, они оказались взаимосвязаны друг с другом через пропорцию, известную ещё древним грекам, которую Леонардо да Винчи назвал «золотым сечением».

Облом мерила в виде двух четырехгранных еловых брусков, плотно складывающихся воедино, был найден в 1970 году при раскопках в Новгороде и относится к XIII веку. Три грани бруска размечены на клетки трех различных длин, четвертая грань — пустая. Исследования показали, что фактически это древнерусская логарифмическая линейка. Сумма длин ячеек каждой стороны мерила даёт длины всех основных саженей. Зодчий на пустой стороне откладывал длину сажени, ставил засечку и, умея считать до полуста, брал соотношение количества клеток до засечки одной стороны к двум другим. Получались пропорции высоты к ширине и длине. Своё предположение Пилецкий подтвердил практическим числовым разложением различных объектов древнерусского зодчества.

Почему мы так подробно говорим о новгородской находке сорокалетней давности? Возможно, она позволит будущим исследователям соликамских храмов разгадать имена их строителей. До нас они не дошли, но известно, что наши церкви возводились по московским, новгородским, сольвычегодским «образцам». А каждый мастер обладал своим неповторимым почерком, что могло выражаться и в используемом им наборе саженей, который он всегда носил при себе: в виде кожаного ремешка или тканевого пояска с узелками. Удастся ли выявить эти закономерности, сравнивая с помощью «всемера» соликамские храмы с постройками в различных уголках России?

Но даже если имена зодчих так и останутся для нас потаенными, выстроенная на основе этой метрики саженей Русская числовая матрица, кратная «золотому числу», может приблизить реставраторов к точному воссозданию соликамских храмов и их утраченных элементов. Например, мы сможем узнать точный изначальный «рост» звонницы, которую три столетия и собственная тяжесть вдавили в землю, а реставраторы наградили шпилем.

А значит, одним белым пятном на карте истории Соли Камской станет меньше.

С оликамские вертикали

Но все эти открытия — в будущем, хотелось бы верить, в недалеком. А пока нашего современника не перестает восхищать универсальность звонницы, выстроенной неизвестными зодчими по принципу, который бы сегодня назвали «три в одном», о чем мы начали разговор ещё в предыдущей главке.

Божественное начало и мирское бытие здесь разведены по разным уровням — площадка звона и подклет. Чтобы никогда не пересечься, между ними представлена власть кесаря в лице соликамского воеводы и градоначальника — городской магистрат. Позже это помещение займет резиденция представителя сил небесных — епископа Соликамского.

Для русского человека начала XVIII столетия такое соседство в стенах одного здания было делом совершенно естественным и прагматичным. Вертикаль колокольни представляет собой иерархию ценностей, свойственную его мировоззрению. Давайте попробуем проследить, как время меняет эти взгляды.

На заре своей юности, в 1723 году, колокольня, где уже размещается городской магистрат, по государеву распоряжению приютила первую на Урале цифирную школу: «Прислан к Соли Камской из Санкт-Петербурга Академии учитель Степан Жеребцов, для учения детей арифметической и геометрической науке». Учеников сюда набирают независимо от сословия. Преподают грамоту, счет и основы геометрии. Обучение — бесплатное.

Несмотря на поручение, спущенное по вертикали власти, школа в Соли Камской тогда просуществовала всего три года и «за недостатком учеников» была

Соликамскому воеводе предписано: «отвести школу и выслать учению учеников, дать для топления дров, к караулу школы определить трех человек солдат, дулаши в год давать три стоны, да в нождре и декабре и генваре по десять свегей на день, кроме праздничных и воскресных дней».

закрыта. Неужто всех переучили?! Да нет вроде бы — на ту пору на весь город грамотеев — раз-два, и обчелся. Да что наша глушь, посмотри, что в столицах-то делается! Боярских-то недорослей царь Пётр чуть ли не силком отрывает от мамкиных подолов и посылает в Европу на обучение ремеслам и наукам. А что тогда говорить про наши простые нравы?!

Те, у кого деньги есть, по стародавней традиции обучают своих чад письму и счёту на дому. Посадской же ребятне не до такой роскоши, как «аз», «буки», «веди» и разные там «цифири». С одной стороны, некогда детворе за книжками рассиживаться, с другой, — пустое брюхо к ученью глухо...

Детям солеваров на роду прописано продолжать дело отцов — из недр земных черпать крепче пота рассолы, выпаривать из них пермянку, что хранится потом в кулях в подклете прямо под школой. А звонницы, в небо устремленные, и без них есть кому отстраивать и грамоту постигать есть кому. Как говорится, богу — богово, кесарю — кесарево, а посадскому человеку — что уж останется... Такова вертикаль общественного устройства трехсотлетней давности ...

К концу XVIII века, когда золотые деньки Соли Камской миновали, — Бабиновка уступила свою роль главной дороги в Сибирь той, что пролегла южнее, через Пермь, — торг в городе пришёл в упадок. Опустели и складские палатки под колокольней. Не по-хозяйски это, решают городские власти, и нижний ярус звонницы вскоре занимает тюрьма. Это не только рачительно, но и удобно, поскольку этажом выше заседает суд. Ещё выше, под самым небом, — «Глас Божий» — колокола. Так сама история вычерчивает новую соликамскую вертикаль.

Современный человек здесь, возможно, никакой закономерности не увидит, а вот для наших предков она совершенно очевидна.

Звон колокола являет собой присутствие божественной силы и в народных представлениях связан с истиной. По поверьям, он вынуждает раскаиваться самых закоренелых клятвопреступников. С другой стороны, если во время разговора ли, допроса с пристрастием ли, зазвонит колокол, то все сказанное в это время считается непреложной истиной.

Как не похоже это на нас. Зачастую о священных знаках мы вспоминаем по определённым поводам и датам православного календаря или когда оказываемся в Божьем храме, а в суете будничной толкучки и бесконечных дел об этих смыслах забываем, в наших делах они нам не подмога. А вот в старину верили не понарошку. И хоть Богово и кесарево не путали, но и земное без небесного в отдельности не мыслили. Божий промысел умели видеть в каждом событии, в каждом серьёзном шаге на него полагались и в деловых решениях им руководствовались, укрепляя свои человеческие силы силой и истиной небес.

Наступившее вслед за «галантным» веком столетие ещё более поляризует пересекующиеся в обыденной жизни мира, населяющие коло-

кольню. Прямо над арестантами, томящимися в ожидании своей участи, в 1838 году размещается духовное училище. Доносящееся сверху пение псалмов, по разумению устроителей такой близости, должно размягчать души преступников и содействовать их раскаянию, однако.. «Такое соседство представляется крайне неудобным, — жалуется те, кому вскоре предстоит учить терпению и смирению мирян, — поскольку невозможно учиться из-за доносящихся снизу стонов и криков узников».

По этой ли, иной ли причине, но духовное училище вскоре съехало. А вслед за ним опустела и темница — через дорогу от колокольни был выстроен тюремный замок.

К середине XIX века звонарь уже редко поднимается к своим колоколам. Чтобы исполнить свои обязанности, ему достаточно на первом этаже палат протянуть руку к шахте и дернуть за веревки, спускающиеся от языков колоколов.

О ГОНЬ, ВОДА И...

А ещё раньше, в 1806 году, звонаря основательно потеснил пожарный караульщик, который отныне ведет круглосуточный дозор на площадке звона.

И то верно: к чему каланчу городить, в смысле строить, коли площадка, с которой весь город — как на ладони, уже есть, да ещё и с колоколами! И опять соликамская звонница подновляет свой социально-общественный статус. Культовое сооружение все больше приобретает прикладной характер.

Справедливости ради отметим, что для превращения колокольни в пожарную каланчу были все основания: только с 1581-го по 1806 год, по летописям, Соликамск от набегов ли язычников, или умысла «злонамеренного зажигателя», или актуального и на сегодня неосторожного обращения с огнем, город горел не менее девятнадцати раз.

23 июля 1743 года на фабрике медной посуды, только что выстроенной в усадьбе самого богатого горожанина Алексея Турчанинова, вспыхнул пожар. Солепромышленника, его жену, дворовых и фабричных людей спасло чудо. Вместе с фабрикой сгорело около семисот домов, почти все варницы и церкви Соликамска. Пламя было такой силы, что на колокольнях приходских церквей колокола расплавились. От всего города уцелело лишь три церкви — Богоявленская, Преображения и Введения — да домов двадцать.

Невероятное количество пожаров и их частота поражают воображение. Кажется, они приходили в город с постоянством неведомо кем установленного цикла: почти пятое время года. И точно как после зимнего умирания положено возрождение весны, после очередного пожара Соликамску положено воскреснуть и доказать право на своё существование.

С 1581 до 1806 года, в течение 225 лет, Соликамск страдал от пожаров девятнадцать раз, именно: в 1581, 1635, 1657, 1672, 1688, 1695, 1711, 1712, 1720, 1726, 1730, 1743 (два раза), 1753, 1756-59, 1794 и 1806 годах.

Александр Луканин,
протоиерей,
«Церковно-историческое и
археологическое описание
г.Соликамска», 1856 г.

Для борьбы с пожарами и предотвращения оных, — сообщает одна из соликамских летописей, — создана пожарная команда в составе: трубачей, пожарные ямщики, брандмейстер, пожарные караульщики. Все должности были выданы, но с назначением жалования». Только после этого нововведения сильные пожары в Соликамске прекратились.

Глядя из сегодняшнего дня, удивляешься этой чудесной стойкости и способности города восставать из пепла раз за разом, обновляясь, обрастая новой кожей, неумолимо и упрямо двигаясь в своём развитии вперёд, не выбываясь из общего ритма истории и не теряя своего неповторимого лица, превращая грандиозные потери в драгоценную мудрость опыта.

Помните, есть у Достоевского слова о том, что поле битвы между дьяволом и ангелом всегда находится в сердце человека. Уж не таким ли сердцем русского мира, полем битвы, и, если хотите, экспериментальной площадкой, была назначена Провидением наша земля, хребет России, граница между материками. Здесь издревле ведётся долгий спор тёмных и светлых сил о том, каким быть человечеству, какой путь ему выбрать, по какому жить закону.

Пожар, уподобляясь геенне огненной, пожирает дома, храмы, амбары, солеварни словно в наказание за все явные и неведомые грехи. Но огонь не только испытание, но и милость: знак избранничества и высшего присутствия, открывающий обитателям Соли Камской после каждого своего набега уникальную возможность, пусть не по своей воле, начать обустривать своё бытие с чистого листа.

Неоконченная книга, которая пишется и пишется кем-то многократно, всё возвращаясь к истокам и начинаясь вновь. Сколько накоплено таких черновиков, вариантов существования! Соликамск проживает эти главы, пробуя различные общественные структуры, примеряя культурные модели и способы обустройства своего городского пространства. Так, от пожара к пожару, упорядочивается и планировка города. Его кварталы становятся ещё более прямоугольными, улицы и переулки — более широкими, дома выстраиваются в одну линию.

Мы, в свою очередь, с интересом и уважением листаем эти страницы, опалённые пожарами истории.

На 25 число августа 1711 года, ночью, некто Усолец Лаптев, не известно по каким подурядениям, поджег хлевные амбары, стоявшие на берегу Усолки, у большого моста. От амбаров загорелся самый мост, соляные амбары на берегу Усолки, лавки с товарами, воеводская канцелярия, земская изба, таможня, обывательские дома, — и все сделалось жертвою пламени...

Через несколько дней после пожара открыли злонамеренного зажигателя. Жители так озлоблены были на злоумышленника, что суд был решителен, и расправа с ним коротка: его живого закопали в землю.

*Александр Луканин, протоиерей.
«Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска», 1856 г.*

Казнь — закапывание живого человека в землю в России применялась к женщинам-мужеубийцам. Виновную закапывали по горло, иногда по грудь, возле неё ставили охранников. Прохожим запрещалось подходить и помогать чем-либо пока та ещё была жива.

В 1740 году воеводой был в Соликамске капитан Гилгинский. При нём две женщины «вкопаны в публичном месте живыми в землю» — одна, Марфа, «за убийство и сожжение своего мужа», а другая, Парасковья, «за удушение своего мужа в постели».

Предание в 1711 году такой казни мужчины — «соликамского злонамеренного зажигателя» Егорки Лаптева, подчеркивает тяжесть содеянного им преступления в глазах современников.

Соликамск. Фрагмент декора Соборной колокольни с «дымами» и «языками пламени».

Насколько наши предки использовали эти новые возможности для структурирования городского пространства, претворения новых, только нарождающихся социальных и культурных моделей поведения нам ещё только предстоит понять.

Жесток бывает народ, когда превращается в разъяренную толпу. Против этой ярости даже наместник кесарев не устоит. А потом вдруг, без всякой логики, на том самом месте, где свершился страшный суд, через пару лет будет начато строительство колокольни.

Да, это нашей, современной человеческой логики оказывается недостаточно. Но причины и следствия всего сущего задаём не мы: возможно, совсем не случайно сходятся в одной точке концы и начала, казнь и созидание, грехи и искупление. Это и есть точка отсчёта, поле неоконченной битвы.

Сегодня, глядя на звонницу, можно только представить, насколько пожары потрясали и сознание соликамцев: дымы и языки пламени, «прежде расписанные ярко, в восточном стиле», на столетия вперед оказались запечатлены в её декоре. Само рождение колокольни связано с огнём. Огонь — источник разрушения, огонь — причина обновления, его лики всегда будут вызывать священный трепет — и ужаса и восторга!

Что же давало соликамцам поддержку, где брали они силы продолжать свою жизнь? Как указывает в своей летописи протоиерей А.Луканин, «соляные промыслы, бывшие тогда в полном развитии, обогащали жителей и доставляли средства поправляться после таких огромных потерь». Поистине неисчерпаемые запасы природы в согласии с высшими силами оберегали и хранили город от гибели.

Свидетельством этому богатству и людской благодарности являются многочисленные и просторные соликамские храмы, выстроенные на рубеже XVII—XVIII веков. Но если спустя две сотни лет в Соликамске проживает всего около четырех тысяч жителей, то для кого они строились? Ответ очевиден: церкви и колокольни были функционально необходимы и в культурном, и в социальном пространстве: например, они служили купцам для демонстрации безмерности — как их достатка, так и их благочестия.

Кроме огневого, Соликамск регулярно и по своей воле предавался другому бедствию, — наводнениям. Город, выстроенный на берегу Усолки, впадающей в Каму, — главной транспортной магистрали Урала, подтапливало каждую весну. С издержками промысла приходилось мириться и расплачиваться сполна. По весне рекой, делавшейся судоходной до самой колокольни и соляных амбаров, шла отправка вываренной за год продукции. Водой же сплавали лес на постройку барж и дрова для солеварен.

Вот так, на соликамской меже сошлись две природные стихии — вода и огонь. И как бы каждая из них не была губительна для Соли Камской, именно благодаря им, собственно, получили развитие и промысел, и сам город.

М инуй нас пуще всех пе Чалей...

Сегодня, глядя с высоты прошедших лет, можно уверенно говорить, что испепеляющие пожары и положили начало каменному зодчеству в Соли Камской, а значит, и самой колокольне.

В 1688 году, когда в апреле выгорел весь соликамский посад, как раз и началось в Соликамске строительство первого каменного гражданского здания на Урале — именуемого сегодня в путеводителях не иначе, как Дом воеводы.

Посадские, недолго думая, уже через неделю после пожара направили в Москву челобитную: пожаловать деньги на окончание строительства каменного Троицкого собора, начатого ещё четыре года назад, и чудом уцелевшего в огне.

И, удивительное по нынешним временам дело, — глас народа был почти тут же услышан! Всего через пару месяцев, 26 июня, в ответ на прошение соликамцев, последовал указ соправителей российских — великих князей Иоанна и Пётра Алексеевичей и царевны Софьи Алексеевны о пожаловании на строение соборной церкви двести рублей.

Быстро царская воля пришла, да не быстро дело делается. Заложенный ещё 19 июня 1684 года храм был закончен только через десять лет. И выстроен он был так экономно, что часть денег, пожалованных Москвой, осталась. И когда в 1713-м году соликамцы вознамерились на «сэкономленные» средства возвести рядом с Троицким собором каменную же колокольню, о значке-то и вспомнили.

Соликамск. Здание бывшего начального мужского училища и детского приюта (1910 г.).

В 1688 году в апреле 14 дня в субботу Великую на страстной неделе все церкви Божии погорели, и весь посад, и солские варницы, — сообщает летопись. — Из 807 дворов и изб осталось только два тляных двора и «последних нищих изденок малое число».

Из Новгородского приказа в Приказ большой казны велено: соликамскому земскому старосте Дмитрию Емельянову с товарищами и мирскими людьми дать великих государей жалованье на строение соборной церкви двести рублей из тамошних таможенных и кабацких доходов».

В память о царском жаловании в южную стену Троицкого храма был вставлен круглый изразец с изображением двуглавого орла. А на западном фасаде выложили из кирпича корону.

В настоящее время сохранилась только корона, изразец, как символ царской власти, был уничтожен после февральской революции 1917 года.

1 2 3 4 5 6

1. Облечение церковнослужителя из экспозиции СКМ в Троицком соборе.
2. Троицкий собор (1684-1697 гг.).
3. Императорская корона в декоре Троицкого собора.

4. Жучковый орнамент.
5. Северное крыльцо.
6. Опорная колонна западного крыльца.

В январе в 11 день по неправой отписке воеводы Хилкова под суд за караулом взяты к Москве Соликамские лучшие люди: Иван Суровцов дольшой, земской староста Никола Сапожников, Якова Самойлова взяли и сына его Ивана да племянника его Ивана ж и Филиппа Колмогоровых, Ивана Петрова, Степана Мартышевца, Михаила Ксенофонтова, Филиппа Сапожникова, Бориса Холкина, Ивана Харитоновца, Никифора Колохматова, Ивана Свблова, Ивана Туронтасва, Герасима Фолина, Даниила Шестакова. А наказание или утнено в Семеновском приказе, пытанья, опричь Ивана Суровцова, из них сослано 15 человек в Азов.

Фамильный герб рода Строгановых.

Григорий Строганов (1656-1715) активно поддерживает связи с Западной Европой, является одним из ближайших людей к Петру I, — им подарены царю четыре корабля. Строганов — один из немногих, если не единственный, в то время человек в государстве, кого величают по имени-отчеству — Григорий Дмитриевич.

Деньги-то есть, да не про вашу честь! Пока не получено храмозданной грамоты и нет Государева разрешения, соликамцы начинать строительство не спешат. Они уже на своей шкуре испытали царский гнев и хорошо помнят, что бывает с теми, кто попадёт государю в немилость.

Случилось это, как свидетельствует летопись, в 1696 году, когда «под суд за караулом взяты к Москве соликамские лучшие люди». За то, что устроили на воеводском дворе драку и оттаскали за бороду нелюбимого в народе «ближнего стольника князя Юрия Яковлевича Хилкова».

Причина бунта — неправый раздел соликамских общественных земель по речке Лёнве в пользу Строгановых. Расправа последовала незамедлительно, поскольку не на воеводу посадские подняли руку, и даже не на князя Тюфякина, который сие межевание учинил. А на Самоё, чьи имена все даже страшно даже произнести! Земли-то по Каме Строгановым пожалованы были государевым указом.

К этому времени Григорию Строганову, которому в Прикамье принадлежит территория больше Голландии, а в одном только Усолье — столице его торговой империи — четыре десятка соляных скважин, стало уже тесно, и он положил глаз на соликамские земли, обильные рассолом. В конце XVII века из 233 прикамских варниц, 162 принадлежит этому «имени-тому человеку». Именно тогда сложилась поговорка: «Богаче Строганова не будешь».

С крупнейшим землевладельцем и богатейшим человеком России, как сказали бы сегодня, «олигархом», много ли поспоришь?!

..Вернувшийся в Соликамск Иван Суровцев, который, видимо, был отпущен, в том числе и в целях острастки, поведал землякам о страшных пытках, учиняемых в Семеновском приказе, чем всякую охоту к неповиновению государю у земляков отбил надолго.

Поэтому-то и со строительством колокольни в 1713 году без разрешения «сверху» не спешат, при этом надеются на божественное провидение и особое благосклонное расположение Пётра I.

Глядя с сегодняшней колокольни, кажется: отчего бы царям благоволить к Соли Камской, затерянной в глухой уральской Парме, тем более по таким частностям?! Может, сегодня это и вызывает недоумение, но триста лет тому назад все выглядело по-другому...

Особым к себе отношением государей Соликамск обязан своим экономическим могуществом и стратегическим положением форпоста на восточной окраине России.

В XVII веке Соликамск достигает своего зенита, входит в число тридцати крупнейших городов Руси. Ежегодно здесь вываривают до семи миллионов пудов пермянки — семьдесят процентов всей соли России.

Одних соляных варниц здесь действует две с половиной сотни. В них вываривается две трети российской соли. Через Соликамск же проходит Государева дорога в Сибирь. Не учитывать этих заслуг перед Отечеством не может даже сам император, который дает «добро» на строительство Соборной колокольни.

Вот уж, действительно, не всякий сказ нам указ. Так, известное литературное «заклинание»: «Минуй нас пуше всех печалей и барский гнев, и барская любовь», на Соль Камскую не распространяется. Древний город не миновало ни то, ни другое.

Много горькой справедливости в приведенных выше словах мыслителя о нашем современном и прошлом, о государстве и личности, об онтологической несовместимости свободолюбия индивида и несвободы общества, и об ответственности человека за свой выбор в условиях такого неразрешимого противоречия. Всё это «прелести», стократ обострённые новейшим, модерновым, веком.

А вот смотришь на город наш, на течение жизни в нём в исторической, как говорится, перспективе и диву даёшься! Может быть, это река времени сгладила углы, отшлифовала острые грани кристалла бытия?! Да только, кажется, мудрее нас были наши далёкие предки и особого горя от своего ума не испытывали. Не боялись гнева, не гнушались милости. И то и другое принимали как Божью волю, но при том и сами не плошали. Если надо, если прижмёт дюже, могли и против высокой воли глухой и угрюмой толпой на бунт двинуть. А ради общинного, Богу угодного дела не загордились бы голову склонить, испросить нижайше и принять с благодарностью помощь с жесткой царской длани. Вот в чём разгадка видится: свободе, достоинству, смелости хитроумной хватки смирение тогда помехой не было, а гордыню матерью всех грехов называли...

Мераб Мамардашвили (1930-1990), доктор философских наук, профессор.

*Почти два столетия этой крылатой фразе Грибоедова, во-
дравшей в себя многовековую российский опыт. Но и сегодня,
по-прежнему, наше сознание, все наши ожидания организованы
вокруг дарской милости, которая, конечно же, лучше дарского не-
ва. Но и милость, и нева одинаково не могут быть основаниями ни
гражданской жизни, ни исторической жизни, ни нашего сознания.*

*Иначе и быть не может, когда живешь в стране, где самодержавие
неистребимо при любой названии власти, и твоё действие по-
падает в поле зрения самодержца».*

Мераб Мамардашвили, советский философ.

Крупнейшие города России в XVII веке

(в порядке уменьшения численности населения)

1. Москва
2. Ярославль
3. Псков
4. Астрахань
5. Казань
6. Калуга
7. Воронеж
8. Нижний Новгород
9. Вологда
10. Великий Устюг
11. Великий Новгород
12. Суздаль
13. Кострома
14. Елец
15. Балахна
16. Болхов
17. Владимир
18. Хлынов (ныне Киров)
19. Симбирск (ныне Ульяновск)
20. Ростов
21. Тверь
22. Торопец
23. Тула
24. Курск
25. Торжок
26. Олонец
27. Рязань
28. Арзамас
29. Космодемьянск (ныне Козьмодемьянск)
30. Соль Камская (ныне Соликамск)
31. Соль Вычегодская (ныне Сольвычегодск)
32. Галич
33. Старая Русса
34. Архангельск
35. Смоленск

Геннадий Бординских

«История Соликамского края с древнейших времён по XIX век».

ПОКЛОН с по Чтением

Строительство звонницы, начавшееся 28 сентября 1713 года, из-за непогоды, а потом, как у нас обычно бывает, неожиданно нагрянувшей зимы, к Рождеству встало окончательно.

По весне, когда выяснилось, что колокольную «повело», пока судили-рядили, кто виноват и за государевы денежки ответ держать будет, ещё немало времени ушло.

У мастеровых-то другого выбора, как достраивать звонницу «под градусом», и не было: деньги-то государевы уже потрачены, а кому за них охота ответ держать в Семеновском приказе?!

А спросить есть кому: в том же, 1713 году, по указу Великого Государя прибыл в Соликамск фискал Максим Бобров. Этот «ревизор» — не чета гоголевскому самозванцу: ведет тайный надсмотр над всеми делами и даже воеводой, является негласным правителем города и уезда. При таком-то «недреманом оке государеве» не построить колокольную — приговор себе подписать! Добровольцев на дыбу не нашлось, вот и пришлось ставить звонницу с «поклоном».

Не остановил строительство даже подписанный 20 октября 1714 года Петром I указ о запрещении каменного строительства по всей России и о возведении в новой столице исключительно каменных «образцовых домов».

Камень и камешки нужны для новой столицы — Петербурга. Нарушители царской воли строго караются, но на соликамскую колокольную Петровский запрет не распространяется в виду особого отношения.

Вот так: на западе только-только начинает обретать свои очертания новая столица России, а ее соляная столица переживает бурный расцвет.

Наклон итальянской «падающей колокольни», при высоте около 56 метров, составляет почти 4° (отклонение примерно 3,9 метра от вертикали), соликамской звонницы, возвышающейся на 62 метра, около 2°.

Может здесь (в Петербурге) каменное строение zelo медленно строится от того, что камень для того дела трудно достать и за довольную цену, того ради запрещается во всем государстве на несколько лет всякое каменное строение какого бы имени ни было, под страхом разорения всего имени и ссылки.

...Первое, что бросается в глаза, если смотреть на соликамскую звонницу с Воскресенской площади, — сходство со знаменитой Пизанской башней, строительство которой было начато в 1173 году. К слову сказать, апологетам пифагорейцев и нумерологии, показалась бы весьма интересной и значимой такая переключка цифр: 1173 и 1713. Возможно, и здесь скрыты от поверхностного взгляда тайные коды providения.

На этом, пожалуй, сходство двух «высоток» и заканчивается. В отличие от итальянской родственницы, которая на протяжении нескольких веков ежегодно наклонялась более чем на миллиметр, угол соликамской башни остается неизменным вот уже много десятилетий.

Но и от стоящей криво башни может быть толк. Это ещё в XVI веке доказал Галилео Галилей, кстати, родившийся в Пизе. Бросая с верхнего этажа башни на головы земляков различные предметы, он установил, что скорость падения тела не зависит от его веса.

Нам ещё в школе рассказывали, как под пытками инквизиторов и угрозой сожжения на костре великий астроном дрогнул и отрекся от другого своего ещё более известного открытия — теории вращения планет... Однако сей факт нисколько не умалил величия его научного и человеческого подвига, который навеки вписан в историю мировой культуры и цивилизации.

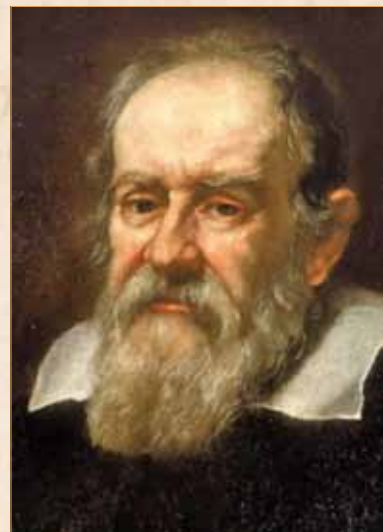
22 июня 1633 года Галилей судом инквизиции был признан виновным в распространении книги с «ложным, еретическим, противным Св. Писанию учением» о движении Земли. После оглашения приговора Галилей, стоя на коленях, публично отрекся от учения Коперника. Копии приговора были разсланы во все университеты католической Европы.

Так, на какое-то время, обращение Земли вокруг Солнца опять было отменено, но даже страх сожжения на костре не может остановить стремительных изменений картины мира. Это время болезненных изменений мировоззрения, неожиданных поворотов человеческой мысли, отчасти вызванное великими естественно-научными и географическими открытиями. К некоторым из них, как мы вскоре узнаем, соликамцы имеют самое прямое отношение.

Соликамск, 1744 год. Прошло 111 лет от отречения Галилея; запрет «на Коперника» в Европе ещё действует. Ватикан, конечно, Соликамску не указ, но и православная церковь привычную русскому человеку картину мира, отвергать не спешит.

Тем более удивительно то, что мы наблюдаем со своей колокольни. «От 2 января по 15 февраля» некоторые просвещённые соликамцы, коих галилеева теория о движении небесных светил не оставила в равнодушии, поднимаются на звонницу с подозрными трубами, дабы получше разглядеть «звезду с востоку, к солнцу хвостом грядущую».

Увы, кто же были те далёкие просвещённые соликамцы, авторам книги рассмотреть, к сожалению, никак не удаётся. То ли из-за ранних сумерек в это время года, то ли за давностью лет...

Галилео Галилей (1564-1642), итальянский физик, механик, астроном, философ, инженер. (Юстус Сустерманс, 1635 г.).

Твердили пастыри, что вреден и неразумен Галилей, но, как показывает время: кто неразумен, тот умней.

Ученый, сверстник Галилея, был Галилея не глупее. Он знал, что вертится земля, но у него была семья...

Евгений Евтушенко,
1957

Речь идет о комете, открытой швейцарским астрономом Жаном Филиппом де Шезо. Эта комета стала ярчайшей в XVIII веке — её голова была отчетливо видна даже днём. К тому же комета имела аж шесть хвостов!

Русское духовенство выступало с критикой гелиоцентрической системы мира вплоть до начала XX века. До 1815 года с одобрения цензуры издавалось школьное пособие «Разрушение коперниковской системы», в котором автор называл её «ложной системой философической» и «возмутительным мнением».

Последним произведением стала книга священника Иова Немцева «Круг земли неподвижен, а солнце ходит», вышедшая в 1914 году, в которой автор «опровергал» систему Коперника цитатами из Библии и творений отцов Церкви.

Борис Райков,
историк естествознания.
«Очерки по истории
гелиоцентрического
мировоззрения в России».

Указ о монстрах или уродах. Чтобы в каждом городе приносили или приводили к коменданту всех человеческих, скотских, звериных и птичьих уродов... Генерал-прокурор, господин Злужинский, присоветовал ввести на уродов тарифу, чтоб платеж был справедливый. Плата така за живых — за человеческого по сту рублей, за скотского и звериного по 15, за птичьего урота по 7. Если же кто будет обличен в недостатлении — с того штраф вдесятеро против платежа.

Юрий Тынянов,
повесть «Восковая персона».

Но большая часть горожан при виде кометы неистово крестится. Точно так же, как и для европейских обывателей, комета для них — предвестница грядущих войн, неурожая и мора. Такая причинно-следственная связь и для обитателей «цивилизованной» Европы, и жителей европейской окраины, в ту пору представляется куда правдоподобнее всех открытий Галилея вместе взятых!

Но настоящий ужас овладел горожанами, когда они прознали, что в первый же день стояния кометы в Соликамск «неведомо кем принесен в скотской рыжей шерсти урод, а человек». Вот это уж точно, дьявольский знак!

Был ли младенец, во исполнение указа Петра I от 1704 года «О приносе родившихся уродов...», отправлен в Куншткамеру в коллекцию анатомических редкостей и аномалий, нам доподлинно неизвестно.

При всем при этом, нам не известно ни одного факта того, чтобы в ту пору в церквях соликамских любопытствующих кометой предавали анафеме. Надемся, не произойдет этого и в 2175 году, когда соликамцы снова смогут наблюдать в небе комету Шезо.

Вот, оказывается, сколько всего понаверчено да понагорожено вокруг соликамской соборной звонницы. И Галилей из Пизы, сконструировавший первый телескоп, и волосатое чудовище, средневековое иезуитство, и ещё неведомое нам будущее, уже ухваченное пятернёй (точнее, «шестернёй») хвостатой кометы.

Пространства, эпохи, люди и их нравы, великие открытия и заблуждения, стихи и проза жизни — всё здесь перемешалось и просолилось настолько, что трудно порой отделить правду от вымысла, быть от небылицы.

Только ведь и небылицы на пустом месте не рождаются и много чего могут объяснить. У каждой достоверной истории, как у кометы, свои неповторимые хвосты легенд и сказок. А в сказке, как известно...

Поэтому мы не берёмся утверждать, что зодчие, возводившие соликамскую звонницу, не имели представления о Пизанской башне. Тем не менее, факт остается фактом: Соборная колокольня вот уже почти три столетия замерла в легком поклоне, полном внутреннего достоинства, в сторону своей более именитой европейской родственницы...

ЛЮБИТЬ ПО-РУССКИ

Со смертью в 1725 году Петра I в России началась эпоха дворцовых переворотов с её превратностями и потрясениями. И каждое новое царствование означало благоденствие для одних и гонения, а то и гибель, для других.

Сколько именитых и титулованных особ, заслуженно и незаслуженно в одночасье лишившихся всего, в ту пору повидала колокольня! С высоты ей видно прекрасно, тем более что городской магистрат, где ссыльно-му надо отметить подорожную грамоту, находится как раз на первом этаже звонницы. И вчерашние вельможи смиренно ожидают, когда наступит их черед подойти к столу коллежского регистратора, коего бы у себя в столицах они и за человека-то не держали. Но сегодня именно этот «елистра-тишка» определяет ближайшее будущее разжалованных графьев, енералов, и их мадам: где тем остановиться на ночлег, какое количество лошадей и подвод получить.

Словно тени, следовали они в Сибирь и скопом, и поодиночке, телегами и крытыми возками, — где тут за каждым углядеть, всех упомянуть?! Но почтили Соликамск своим присутствием и такие столпы истории Государства Российского, не узреть коих просто невозможно.

Колокольне из всех запомнился Александр Меншиков, везенный в Берёзов в 1728 году. В 1741-м — другой регент, — герцог Курляндский Эрнст Бирон, который, всё тем же путём — от величия к небытию — проследовал в ссылку в Пелым. К регентам — великим и низвергнутым — мы ещё вернемся, а сейчас поговорим о превратностях любви.

...В 1742 году в Соликамск на «вечное поселение» под конвоем доставлен один из высших вельмож императорского двора — разжалованный

Обер-гофмаршал — придворный чин II класса в «Табели о рангах». По значимости соответствовал в гражданских чинах действительному тайному советнику, вице-канцлеру, в военных — адмиралу. По нынешним временам — управляющий делами президента.

В обязанности старшего дворецкого входило ведать делами по доволствию императорского двора, организации приемов и путешествий. Он также руководит придворными служителями и содержит стол императорской семьи.

За XVIII век всего насчитывалось одиннадцать обер-гофмаршалов, на 1 января 1915 года — всего один.

Соляная Контора «под ведением Кабинета Её Величества, для общего надзора над продажей соли по губерниям и правильности исполнения обязанностей владельцами промыслов». В её функции входит создание условий для развития русских соляных промыслов. Руководитель конторы должен был надзирать за состоянием соляного производства, заключением подрядов на поставку соли в назначенные пункты, сбором доходов от продажи соли.

Значимость поста подчеркивает и тот факт, что руководитель её мог обращаться с докладами прямо к императрице.

Сергей Кульбиков,
«Как в Соли Камской соль варили».

Правители из династии Романовых, при дворе которых продолжалась карьера Рейнгольда-Густава Левенвольде:

Пётр I Алексеевич,
годы правления: 1682-1725;

Екатерина I,
годы правления: 1725-1727;

Пётр II Алексеевич,
годы правления: 1727-1730;

Анна Иоанновна,
годы правления: 1730-1740;

Иоанн VI Антонович,
годы правления: 1740-1741;

Елизавета Петровна,
годы правления: 1741-1761.

Левенвольде Рейнгольд-Густав, фаворит Екатерины I и гофмаршал. При Елизавете сослан в Соликамск за растрату казенных денег.

«Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона».

граф и обер-гофмаршал Рейнгольд-Густав Левенвольде. Вот уж кто, действительно, умел из дворцовых интриг на протяжении долгого времени извлекать для себя практическую пользу. Особого ума для этого оказалось вовсе не надо — достаточно привлекательной внешности. Служа при шести правителях России, Левенвольде благодаря ей сделал головокружительную карьеру. Начав ещё при Петре I с одного из низших придворных званий — камер-юнкера, к 1730 году уже достиг чина обер-гофмаршала.

Возвышение прибывшего к русскому двору малознатного остзейца, всё богатство которого тогда состояло в пышном камзоле да туфлях на высоком красном каблуке, началось в короткое царствование Екатерины Алексеевны. Вскоре барон уже камергер и один из галантов стареющей императрицы.

После неё Левенвольде способствует вступлению на престол Анны Иоанновны. За усердие, проявленное при этом, он пожалован в обер-гофмаршалы, русские графы и награжден высшим орденом империи — Андрея Первозванного. При этом ему также поручено управление всеми соляными доходами Российской империи.

А при следующей правительнице — Анне Леопольдовне, полным доверием которой он также пользовался, — Левенвольде занимает ещё более исключительное положение при русском дворе.

Русский историк Николай Костомаров сообщает, что именно Левенвольде предупредил свою покровительницу о заговоре цесаревны Елизаветы Петровны. Но та, на свою беду и беду своего верного царедворца, не прислушалась...

Точку в головокружительной карьере Левенвольде поставила «дщерь Петра», взошедшая на престол в 1741 году. В ночь переворота в числе других высших сановников — Остермана, графа Миниха, князя Головкина — Левенвольде арестован и заточён в Петропавловскую крепость.

Вельможа обвинен в злоупотреблении служебным положением, в том, что советовал Анне Леопольдовне принять титул императрицы всероссийской, в расточении суммы, сбиравшейся от казенной продажи соли. Но самое страшное — старшего дворецкого обвинили в противозаконном отстранении от престола и унижении дочери Петра Великого. Долгое время он, как ответственный за дворцовый этикет, отводил Елизавете неподобающее — в дальнем конце стола — место. Такое оскорбление, и при дворе все это понимали, должно быть смыто только кровью...

Однако даже в этой, казалось бы, безвыходной ситуации, фортуна улыбнулась Левенвольде. Елизавета, поклявшаяся, что в ее царствование не произойдет ни одной казни, смягчила приговор, и «главный по соли» в Российской империи, лишенный всех чинов, орденов, дворянства и имущества, был отправлен на «вечное поселение» в Соликамск.

Тут надо отдать должное чувству юмора Елизаветы Петровны: сослать бывшего управляющего соляными доходами всей России не куда-нибудь, а в столицу промысла...

А вскоре вслед за Левенвольде в ссылку последовала и его давняя и верная поклонница, страстно влюблённая в него, — петербургская красавица Наталья Лопухина, статс-дама при дворах Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, к которой последняя так же, как и к Левенвольде, тёплых чувств не питала.

Поводом для ссылки послужил невинный привет, который Наталья Фёдоровна попыталась передать опальному любовнику со сменным офицером охраны Бергером: «Мужайтесь, придут лучшие времена».

Но молодому кирасирскому поручику, любившему весёлую столичную жизнь и желавшему делать карьеру при дворе, вовсе не улыбался зачехлённый Соликамск и его радости, поэтому он рассчитывал: донеся на Лопухину, одним ударом избежать нежелательной командировки и продвигаться по службе.

Расчет курляндца оправдался. Во дворце во фразе придворной красавицы с лёгкостью был усмотрен намёк на государственный заговор. При этом с самого начала всем было понятно, что «лопухинское дело» — ложно. Но против императрицы у Натальи Фёдоровны шансов никаких.

Бывшую статс-даму жестоко пытаются. И когда кажется, что смерть неминуема, казнь заменяют ссылкой. Но перед этим придворную красавицу принародно бьют кнутом и в довершение позора урезают ей язык.

Палач Лопухиной постарался на славу, и весь остаток жизни изъясняться Наталье Фёдоровне стоило невероятных усилий и мук.

На следующий день после кровавой экзекуции, 1 сентября 1743 года, Лопухины были уже в пути в Селенгинск. А поскольку путь в Сибирь родственницы первой жены Петра I Евдокии Лопухиной лежал через Соликамск, то Соборная колокольня неминуемо должна была стать свидетельницей встречи двух любовников, «постоянных в своем сильном и взаимном чувстве на протяжении многих лет»...

Потухшая свеча

На закате сентября обоз Лопухиных въехал в Соликамск. Город встретил ссыльных страшными ожогами недавнего пожара — обугленными останками изб, руинами соляных амбаров и варниц. У почерневшей от копоти белокаменной колокольни они остановились.

Изуродованная и немая Лопухина, несмотря на пережитые унижение и пытки, все же сохранила горделивую осанку, а её взгляд всё ещё способен был привести в чувство многих, даже вечно пьяного драчливого невежду офицера, который сопровождал семейство Ло-

*Левенвольде счастьем своим был одъзан женщиной. Но и своим падением он также одъзан женщине — императрице Елизавете Петровне.
Перси де-Лирна,
испанский посланник при дворе императрицы Елизаветы Петровны.*

*Сдавлив горло, палач принудил несчастную высунуть язык: схватив его конец пальцами, он урезал его почти наполовину. Тогда захлебывающуюся кровью Лопухину свели с эшафота. Палач, показывая народу отрезок языка, крикнул, шутки ради: «Не нужен ли кому язык? Дешево продам!»
Михаил Семевский, русский общественный деятель, издатель исторического журнала «Русская старина».*

Казнь статс-дамы Натальи Федоровны Лопухиной, которая по повелению Императрицы была публично наказана кнутом по обвинению в заговоре.

Наказание в виде «урезания языка» в российских летописях впервые упоминается в 1545 году, в последний — в 1743-м. Нередко оно применялось к клятвопреступникам и тем, кто не умел держать язык за зубами. В прямом и переносном смысле.

15 мая 1591 года набатный колокол Спасского собора в Угличе оповестил народ о гибели царевича Димитрия. По приказу царя Бориса Годунова колокол был примерно наказан. Его сбросили на землю, вырвали язык, отрубили ухо, принародно на площади, наказали двенадцатью ударами плетей, а потом отправили в ссылку.

Целый год угличане на себе тянули колокол до Тобольска. Тамашний городской воевода велел запереть корноухий колокол в приказной избе, сделав на нем надпись «первосыльный неодоушевленный с Углича».

Набатный колокол Спасского собора «первосыльный неодоушевленный с Углича».

пухиных к месту ссылки. Его, правда, вскоре после Соликамска сменили за произведенные им по пути бесчинства, драки и иные безобразия и отвезли для суда в Петербург.

Пока капитан оформлял в магистрате подорожную грамоту, Лопухина снарядила посадского мальчонку к Левенвольде. И хотя любые сношения ссыльных с местными жителями были категорически запрещены, офицер, на которого единственно кто из всех имел влияние, так это Наталья Фёдоровна, предпочел сделать вид, что ничего не заметил. Как, впрочем, и муж её, — отношения между супругами уже много лет носили формальный характер. Саму же Лопухину любые запреты, казалось, уже не волновали.

Пацан обернулся за четверть часа и, получив положенную мзду, пристроился наблюдать у стены колокольни, — иных развлечений все равно не было. Тем более что он знал этого чудака, который прошлой зимой появился у них в Соликамске, и, которого уличная братия время от времени донимала своим вниманием. И ему было крайне любопытно увидеть, на каком языке немая барыня будет разговаривать с немцем.

День уже клонился к вечерне, надо было становиться на постой, чтобы поутру, как предписывала грамота, трогаться дальше, а Густава все не было...

Лопухина жестом подозвала паренька, который без лишних слов понял, что от него требуется. Сопроводить до места ночлега в одном из немногих уцелевших в пожаре домов, что стояли вдоль Верхотурской улицы, и сообщить об этом немецкому господину. Что и было им тот час же исполнено. Но ни вечером, ни ночью, ни утром никто так и не пришёл.

...Солнце уже поднялось высоко, и сопровождающий, дабы не иметь в будущем неприятностей, приказал маленькому обозу трогаться. Проведшая в пустых ожиданиях ночь Лопухина при этом, ничем и не выдала себя, даже не обернулась на остающийся позади Соликамск, с возвышающейся посреди него обгоревшей свечой колокольней. Только ещё плотнее сжала губы вчерашняя статс-дама, а по её запавшей щеке проскользнула одинокая слеза.

Левенвольде не пришёл потому, как не мог. И дело не в том, что зырянский малахай придворного законодателя мод плохо сочетался с почти вылезшим парижским париком, а парадный зелёный камзол, некогда обшитый чистым золотом, с золотыми же пуговицами, большую часть из которых пришлось продать, при последнем пожаре пришёл в столь унылое состояние, что уже не был годен не только для свиданий.

Смертельный страх парализовал его мысли и волю — слишком свежи были воспоминания об эшафоте, который в последний момент заменили ссылкой. Нежданное появление здесь, на самом

краю земли, а может и жизни, опальной возлюбленной, заговор, где прозвучало и его имя, этот страх в одно мгновение вновь пробудился в нём до дрожи в ногах... Ни преодолеть оцепенение, ни явиться на глаза своей любви в столь жалком виде, у Левенвольде не было никакой возможности...

То ли от этого страха, навсегда поселившегося в душе бывшего обер-гофмаршала, то ли от невыносимого позора и тяжких условий существования, он и умер 22 июля 1758 года. Левенвольде был похоронен без почестей возле Воскресенской церкви. Деньги на погребение дали солепромышленники Строгановы. Это последнее, что они смогли сделать для Левенвольде, который благоволил к ним с тех самых времён, когда в Санкт-Петербурге управлял всеми соляными делами Империи и их дворцы на Мойке стояли по соседству.

Сегодня могила придворного франта утрачена.

Три года спустя Наталья Лопухина, возвращенная в 1761 году ко двору Петром III, по пути в столицу посетила могилу возлюбленного. Время и невзгоды не пощадили её, и колокольне стоило большого труда узнать в шестидесятилетней старушке прежнюю придворную красавицу. Стоя перед милым сердцу надгробием, она молила Бога о скором конце и скорейшей встрече с возлюбленным. Жить безъязыкой красавице оставалось менее двух лет...

Эта драматическая любовная история привлекла не только наше внимание. В своё время её с позиции человека другой формации интерпретировал писатель Михаил Зощенко в своей «Голубой книге»:

Коварство

«Мы имеем намерение вам рассказать об одном человеке, который проявил исключительное коварство для достижения своей цели. Причем благодаря этому коварству многие пострадали, а двоим даже отрезали языки.»

Это было при русской императрице Елизавете Петровне. В общем, вот как это было. Сначала там правила, может, вы уже слышали, такая Анна Леопольдовна. Вообще молодая особа, со своим маленьким сыном. Но вскоре ее, конечно, прогнали, и на трон вступила Елизавета Петровна. А она была, между прочим, дочь Петра Великого, И, конечно, как это всегда бывает, там сразу после переворота начались аресты и так далее. Многих сенаторов и царедворцев вообще прогнали. Кое-кто угодил в тюрьму. А такой был у них обер-гофмаршал Левенвольд, — так его вообще решили выслать в Сибирь.

А это был в высшей степени красивый мужчина и фронт.

Достойный Левенвольде, сотворенный для того, чтобы блистать при великом дворе, к общему сожалению, умер в Соликамске, куда он сослан был в заточение. Беспристрастные труды воздать похвалу господам Строгановым, именным богатым заводя и соляные варницы в этом месте: сострадательные их сердца старались облегчать, сколько позволительно, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию.

*Эрнест Миних, граф,
«Замечания на «Записки о России генерала Маништейна»,
Обозрение Биронова ресептства.»*

Михаил Зощенко (1895-1958), русский и советский писатель.

Голубая книга (1934-1935) — цикл сатирических новелл М.Зощенко о пороках и страстях, которые наряду с историческими личностями переживают и современные мещане. Рассказы о современности перемежаются рассказами, действие которых происходит в различные периоды истории. И настоящее, и прошлое дается в восприятии героя, не обремененного культурным багажом и понимающего историю как набор бытовых эпизодов.

Эту книгу сам Зощенко называл «краткой историей человеческих отношений».

Идея книги была подсказана М.Горьким: «пестрым бисером изобразить-вышить что-то вроде юмористической истории культуры».

И он всем женщинам исключительно нравился. И он пользовался у них успехом. И когда стали ссылать такого мужчину, естественно, многие заволновались. А одна, красавица Лопухина, узнав, когда и куда он едет, вызвала к себе начальника отряда, который должен был сопровождать в Сибирь франта. Это был некий поручик Бергер. Этот поручик весело и интересно жил в Петербурге. Веселился и мотал наследство, и ему, конечно, просто не хотелось в Сибирь. А тут как раз приглашает его Лопухина и изъявляет желание с ним поговорить. Вот он приходит к ней, и она ему говорит: вот, дескать, заботьтесь хорошенько о вашем арестанте. И передайте ему, что я его искренно люблю и помню. И пусть он не особенно расстраивается и пусть надеется на лучшие перемены. Так она ему это откровенно сказала об этом и попрощалась. А молодой поручик, услышав подобную фразу о переменах, решил сделать себе карьеру. Он решил раздуть историю, надеясь, что его тогда не пошлют в Сибирь, а арестанта, может быть, даже тут повесят, на его счастье. В общем, только он тотчас забежал во дворец и с преувеличением рассказал камергеру Лестоку, как и чего ему было сказано.

Старая лиса Лесток, желая ещё больше выдвинуться, решил раздуть это дело до громадных размеров. Он решил создать из этого дела что-то вроде какого-нибудь заговора. Тотчас образовали какую-то комиссию, следствие, суд. И бедную красавицу Лопухину за неосторожную фразу о переменах подвергли пытке и казни. Мерзавцы отрезали ей язык, били ее кнутом и сослали в Сибирь. А этого Бергера императрица вызвала к себе и поблагодарила. Она ему сказала: «Хвалю. Вот так и впредь поступай. Вот теперь, говорит, я чувствую, что вполне могу положиться на тебя в этом ответственном деле — при охране государственного злодея Левенвольда. Поезжай с богом! Ещё раз хвалю».

Засим Бергер был допущен к царской ручке, и дня через три он, совершенно обалдевший от всех дел, трясся в кибитке, сопровождая арестанта в Сибирь. Так его негодяйство и не доставило ему того, чего он рассчитывал. И в противном случае нам было бы это слишком огорчительно читать. Вообще он оставался несколько лет в Сибири. И там он спился. И умер от водянки. Вот к чему приводят иной раз подобные коварные замыслы. Но эта история о поручике Бергере все-таки как-то понятна человеческой душе. Ну, хотел человек скомбинировать, чтобы не ехать в Сибирь. Но это ему не удалось. Подобные факты подряд бывают в истории — когда подлец строит свое счастье на чужом несчастье и для этой цели хитрит, травит и подсиживает. Это, так сказать, «великое вечное», и с этим во все времена следует горячо бороться. Но в другой раз коварство проявляется без особой на то нужды. Вот что нас крайне удивляет».

Но вернемся в Соликамск второй половины XVIII века. Тогда соликамская колокольная стала свидетельницей не только любовных драм и человеческих трагедий. Посчастливилось ей увидеть и другую историю. Такие в сказках всегда случаются, а в жизни выпадают как нежданное чудо, может, раз в сто лет, а то и в двести. Кому на радость — большинству на зависть.

Вот и у нас местный промышленник Алексей Турчанинов, выкарабкавшийся с самых низов до высокого положения в столичном обществе, овдовев на склоне лет, полюбил свою крепостную Филанцету Сушину, да мало того, захотел её в жены взять.

Как часто и бывает, всё само собой и уладилось. Любовь, счастливый брак, восемь детей, столица, признание заслуг, богатство... Что ещё нужно мужчине, чтобы встретить старость?! В Северной Пальмире 21 марта 1787 года Турчанинов и умер, и был похоронен с большими почестями в Александро-Невской лавре.

А Филанцета Степановна вместе с детьми вернулась в Соликамск, где ей предстояло наблюдать раздробление родственниками империи Турчанинова, поскольку покойный не оставил завещания «как о детях, так и о имении своем». А империя была немаленькой: Сысертский, Полевской, Северский и Троицкий заводы, соляные промыслы, дома, а также имения в Пермском, Владимирском, Костромском, Нижегородском, Пензенском, Тамбовском и Уфимском наместничествах.

И как только дело дошло до дележа, семейная идиллия и любовь в роду Турчаниновых закончилась. До дня своей смерти, — 6 февраля 1822 года, Филанцета Степановна с переменным успехом вела борьбу за наследство мужа. И бороться ей довелось против своих детей.

Уже на следующий год вдова предприняла попытку передела собственности, просившая петербургскую опеку позволить ей купить у своих малолетних детей части в заводах на том основании, что «они содержать и управлять оные не в состоянии». Дело почти выгорело, но тут выяснились некоторые обстоятельства сделки, которые совсем не красили любящую мать, и опека отказала Филанцете Турчаниновой в просьбе.

А когда детки подросли, то дочь Наталья, к тому времени уже не Турчанинова, а, по покойному мужу, Колтовская, фаворитка императора Павла (поговаривали, что сын её, — Павел Соломирский очень уж походит на императора) и первого министра юстиции, а по совместительству придворного поэта Гавриила Державина, показала маменьке коготки.

Некрасивая и долгая, надо сказать вышла история. Не как в сказке, как в жизни часто бывает. И даже то, что один из сыновей Турчанинова, — Александр пошел по стопам отца, женившись на дочери крепостного приказчика Сысертских заводов Филадельфия Дьячкова, Александре, уже не способно вернуть налета романтики и светлых чувств семейной легенде.

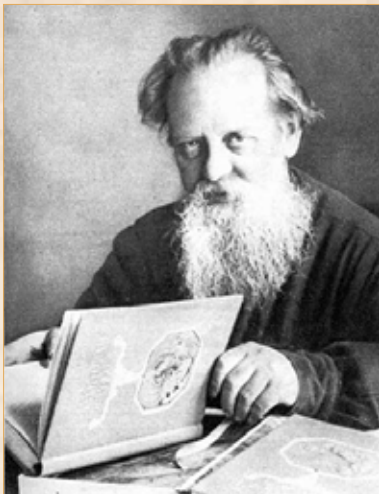
Фамильный герб рода Турчаниновых.

Алексей Турчанинов (Васильев) (??-1787), соликамский промышленник.

Родоначальником фамилии Турчаниновых, берущей начало в XVI веке, по легенде считается пленный турок. За заслуги перед Отечеством императрица Елизавета Петровна в 1782 году пожаловала Алексею Турчанинову дворянство и герб, на котором был изображен «щит, разрезанный надвое: в верхней части, в золотом поле, орлиное крыло, в знак императорской милости; в нижней части, в голубом поле, серебряная цапля, держащая в правой лапе камень в знак того, что он учинил многие услуги. Щит сей увенчан дворянским шлемом с тремя страусовыми перьями».

Предсудя самое намерение Турчаниновой, что она, забыв матернюю к детям любовь и одязанность опекунии пещись о пользе малолетних, хочет купить у них знатное имение на их же деньги.

Павел Бажов (18.-19.),
русский и советский писатель.

Молодой барин Турчанинов, слышь-ко, малоуменький был, лютватый. Одним словом, наследник. Щегольнуть ему было нечем, — как говорится, ни росту, ни голо-су, — так хоть камешки. И толк в камнях знал, даром что не шидко умный.

Павел Бажов, «Малахитовая шкатулка».

Надгробный памятник Алексею Турчанинову в Александро-Невской лавре, г. Санкт-Петербург.

Да и автор уральских сказов Павел Бажов свою руку к имиджу этого из рода Турчаниновых приложил, представив в своих сочинениях «молодого барина» не в лучшем свете.

Прагматичный XX век в быстротечности свершений и потрясений перескочил уже в век XXI и в новое тысячелетие. Как было замечено классиком, люди мало изменились в своей сущности, несмотря на некоторые специфически-современные вопросы, которые немного портят общую картину. Чувства, желания, пресловутые базовые потребности и основные инстинкты, по мнению науки, одинаково управляют нами в любом веке и в любой стране. Действительно, в сюжетах книг и фильмов, как и в старину, живут ещё идеальные герои, страсти кипят нешуточные, трагедии и драмы заставляют рыдать. А в жизни... Отдаваться страстям, совершать ради любви подвиги? Смешно, да и, честно говоря, некогда. Всё стало проще, бледней и примитивней: «и жить торопимся, и чувствовать спешим».

То, что было сакральным, священным, порой низводится до одномерной пошлости, где уже нет души, глубины и трепета. Хранящая в своих тайниках мудрость трёх столетий звонница для многих сегодня всё равно, что гигантский шприц с чудодейственным раствором или капсула виагры с пролонгированным действием: поднимаешься вверх — получишь любовную силу и будет тебе вечное счастье и кайф!

Безоблачной сказкой любовь бывает редко. Алексей Турчанинов со своей Филанцетой и по тем-то временам случай исключительный. А для нашей реальности, тем более. Не случайно, такие сюжеты всегда проходили по ведомству детской литературы, чтоб не омрачать суровой правдой розовых лет. Или «мыльных опер», для тех, кто ещё хочет верить в чудо. Нескончаемое телесериальное мыло, благодаря сентиментальным домохозяйкам и пенсионерам приносит его создателям хорошие доходы.

Для Данте и Шекспира, Бальзака и Пушкина подобные истории малопривлекательны и неинтересны. Поскольку действительная любовь — явление куда более загадочное и многогранное: счастье так и норовит обернуться трагедией, чьим-то страданием и жертвой.

Вот тут и просвечивают «две большие разницы» — именно в характере и степени страдания и той самой жертвы. Когда-то всё было величественней и трагичней: из-за любви вызывали на дуэль, в ссылку и на эшафот шли, могли издевательства и унижения стерпеть. Бедняжка Наталья Фёдоровна Лопухина! И для нас она образец преданности и верности если не мужу, то хотя бы своей страсти. Оказавшийся недостойным и жалким объект её любви, не заслуживая особого внимания, тем не менее, не умаляет красоты и высоты настоящей страсти. Любовь, как в народе говорят, зла... Вспомним и гениальное пушкинское объяснение самоценности и самодо-

статочности истинного чувства, которое абсолютно независимо от предмета воздыханий: именно тогда и бывает, что сердце «горит и любит оттого, что не любить оно не может».

Не то чтоб сегодня не любили... Тогда бы Земля перестала вращаться вокруг нашей колокольни. Только вот подвигов и жертв уже не требуют. Требуют всё больше доказательств. Именно так на ювелирном магазине и написано: «Любишь? Докажи!» Можно не только бриллиантами. Недвижимость, акции, автомобили, яхты — стодится всё более-менее материально-ценное. Желательно, более... Ценности духовные, порывы душевные на рынке отношений не котируются.

У церкви стояла карета...

В подражание Зоценко

(Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны)

Немало любовных историй повидала соборная звонница на своём веку... А эта случилась относительно недавно. Об ней даже во всех газетах писали. Ну-ка, и мы поглядим. Со своей, как у нас повелось, колокольни.

Жила-была в нашем городе девушка. Не красавица, народ говорит, но и не уродина, в годах уже довольно зрелых, как говорится, давно на выдане. Давно-то давно, но без доброго приданого, которое могло бы приказчика какого дальновидного заинтересовать. Но вот пришёл, наконец, час, — влюбился в неё без памяти добрый молодец.

Легендарная цапля запечатлена в гербе города Сысерти, где находился один из горных заводов Турчаниновых.

Только вот коня белого у принца не было. Сделал парень предложение руки и сердца, всё как полагается. Ну, какой бы дурак позарился, — судачили соликамские бабы, — если б не любил по-настоящему, не сох бы, не страдал.

Так нет, та ему в ответ: «Выйду за тебя, если приедешь за мной на карете, запряженной тройкой лошадей!» С фантазией оказалась дамочка, даже может, со средне-специальным культурным образованием. А может, просто скучно было, хочется ведь иногда подружкам нос утереть. А может, в шутку сказанула, не подумав. А парень-то, воспринял всерьез.

В общем, свадьбу сыграли через год. Всё это время жених собирал экипаж по старинным чертежам, отделявал его с любовью: снаружи — алый атлас, изнутри — голубой крепдешин. А откуда он три пары скакунов белых, всем на загляденье, взял, весь город гадал. Даже околоточный интересовался. В итоге, сошлись на том, что без доброй волшебницы из «Золушки» здесь точно не обошлось.

Хотите знать, жили ли они долго и счастливо? А вы сами-то, как думаете?

Конечно, логика сюжета в основе своей понятна и что-то такое знакомое с детства: корыто ли, карета — а потом конца-краю не будет. Парню, само собой, наше сочувствие. Ему бы сразу увидеть: дама сердца к нему вполне равнодушная была. Да только разве у Любви глаза есть? Разве она спрашивает, когда и к кому воспылать?

Вот такие у нас драмы, такие жертвы. И всё же, если серьёзно, не будем жалеть влюбленного парня. Пусть нелепы и смешны декорации нынешних пьес в современном театре жизни. Но суть любви не меняется: тот, кто любит по-настоящему, слепо, беззаветно, в самой своей любви уже вознаграждён. Тяжкая это награда, но благородная, чистая, душу человека очищающая и к небесам возносящая. И если любовь заставляет творить, создавать красоту и добро, воплощать свои муки сердечные в работе, в мастерстве, в высоком искусстве, то влюблённый и вовсе тогда счастливеец — богоподобный и избранный. Так лучше мы ему честно и по-хорошему позавидуем!

В ногу со временем, или опередившая эпоху

1837

год. То самое время, когда за любовь и честь стрелялись, в Санкт-Петербурге на дуэли убит Александр Сергеевич Пушкин. Но, признаться, это трагическое известие в Соликамске вызвало куда меньший интерес, чем развернувшаяся в этом же году реконструкция Соборной колокольни. После начатых семью годами ранее торговых рядов, столь крупного строительства в Соликамске более не случалось.

Только самые преданные поклонники творчества поэта, а такие в Соликамске, безусловно, были, припомнили городскую легенду, как в начале XVIII столетия через Соликамск проезжал прадед великого Пушкина — Ибрагим Ганнибал... «Тогда, — с грустью вздыхали они, — народ за «арапом Петра Великого» толпами ходил. А его великого правнука убили — и молчок». Одним словом: «Погиб поэт — невольник чести...»! О, цивилизация, куда ты катишься!

Зато, весь город живо следит за ходом работ на колокольне. Некоторые зеваки пребывают в наблюдениях целыми днями.

...И вот, маковка заменена на деревянный шпиль, который увеличил «рост» колокольни до шестидесяти с лишком метров. А когда в 1848 году церковный староста Семен Патрушев за свой счёт организовал раскраску колокольни по прежнему образцу «чрезвычайно пестро, красками голубую, зеленою и красною», главное стало очевидно всем и издалека. В этой, казалось бы, совершенно рядовой перестройке пусть и самого высокого здания уездного городка, к тому времени уже утратившего былую славу и величие, четко проявилась претензия Соли Камской на былую «столичность».

Не случайно ведь наши предки говаривали: «Соликамск-городок — Москвы уголок». По внешнему своему облику — многокупольный и многохрамовый, — отмечают соликамские краеведы, — по оживленности, по богатству Соль Камская мало уступала столице. И если Москва была объединяющим центром государства, то Соликамск — одним из немногих городов того времени, крепивших могущество державы.

Филипп Тольцинер (1906-1996), архитектор, воспитанник высшей школы строительного и художественного конструирования «Баухауз» (Германия).

4 апреля 1943 года в 20 часов 10 минут порывом сильного ветра был сорван с соборной колокольни деревянный шпиль, высотой 17 метров. Вся деревянная конструкция упавшего шпиля разбита на мелкие части, непригодные для восстановительных работ. Покрывавшее шпиль железо, луженое с двух сторон, по местам проржавевшее и состоявшее из кусков небольшого размера, разорвано и смято при падении. Медное золоченое «яблоко», бывшее под крестом, и железный крест смяты и разломаны на части.

...Из акта, подписанного директором музея, инженером стройконторы горкомхоза и инженером «Усоляга»

Упадок, по причине того, что новая сибирская дорога прошла южнее, Соликамск переживает остро. Ещё бы, только что ты был в самом центре российского мироздания и вдруг, на тебе, оказался бесцеремонно отодвинутым в сторонку. И теперь кипение жизни обходит тебя стороной.

Вот и прежняя маковка Соборной колокольни, которая однозначно роднит звонницу с «московским барокко», теряет свою актуальность вместе с уходящим в прошлое течением и стилем жизни. Веяния из Европы приносят к нам новую моду. В фаворе теперь не витиеватая плавность, а чёткие и прямые линии Северной Пальмиры.

Патриархальная Москва окончательно уступает роль первого города России Санкт-Петербургу, символом которого является шпиль Петропавловской крепости.

Чтобы узреть этот, как сегодня модно говорить, тренд, соликамцам вовсе не надо забираться на Соборную колокольню... И проигнорировать его, для сторонников реконструкции звонницы означает только одно: отстать от времени, навсегда остаться в патриархальном прошлом.

Так, следуя политическим и архитектурным тенденциям, Соликамская колокольня обрела новый, хорошо известный облик.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что она реконструкция стала единственным памятным событием в жизни соликамского общества в 1837 году. Здесь старались быть в курсе всего, следили и за новинками литературы, политической и светской хроники. Поэтому не меньше разговоров было о том, как «делегация из Соликамска участвовала в торжественной встрече 23 мая в Перми наследника Российского престола цесаревича Александра Николаевича», совершавшего в тот год большое путешествие по России.

И никто ещё, ни в Соликамске, ни в мире не догадывается, что шпиль простоит дольше, чем династия Романовых продержится на престоле.

Рухнувший в 1943 году шпиль восстановят только спустя полтора десятилетия, в 1957 году. Работами на колокольне будет руководить выпускник всемирно известной архитектурной школы «Баухауз» Филипп Тольцинер.

Сыну ремесленника Филиппу Тольцинеру идеи Гропиуса, который говорил: «Искусство — высшая ступень ремесла, между художниками и ремесленниками нет коренного различия. Архитекторы, скульпторы, живописцы должны стать мастерами» были близки и понятны. И в 30-ые годы прошлого столетия, когда нацисты закрывают «Баухауз», немецкий конструктивист приехал в Советскую Россию строить светлое будущее.

Он участвует в разработке проектов Дворца Советов, школы Коминтерна, «Колхозного жилища» в Москве. В активе архитектора осуществленные проекты учебных комбинатов для завода «Красное Сормово» в Горьком, типовые проекты школ ФЗО. По его чертежам возводятся первые дома соцгорода в Орске.

Соликамск, ул. Фрунзе — «Маленький Берлин». Фото середины 50-х гг. XX в. и сегодня.

Но в 1938 году Тольцинер будет арестован как «немецкий шпион» и проведет десять лет в соликамских лагерях. «Для строительства поселка в Боровске, — вспоминал Тольцинер годы заключения, — бумажный комбинат получил разрешение на сооружение ста одно- и двухэтажных деревянных домиков, которые необходимо было «привязать» к отведенной территории. Я предложил взамен монотонной застройки несколько вариантов с различным внешним оформлением домов, в том числе и подсобных помещёний, по разработанным мною проектам.

Эти дома были построены поквартально. В одном из кварталов были предусмотрены и четыре двухэтажных двухсекционных дома.

Улица Фрунзе, которую соликамцы до сих пор именуют «Маленький Берлин», была застроена одно- и двухэтажными типовыми домами из кирпича для одной или двух семей. На этой улице были построены прямо в лесу два двухэтажных детских сада... Служащие бумажного комбината, даже имевшие хорошие квартиры, охотно переселялись в эти дома.

По поручению администрации бумажного комбината мною были разработаны также проекты пионерского лагеря и стадиона, двухэтажного дома на четыре семьи для Камского пароходства».

Уже после освобождения Ф.Тольцинер первым поставил вопрос об охране не только отдельных памятников, но и всех архитектурных ансамблей Соликамска. При этом архитектора восхищает замысел безымянных самоучек — строителей колокольни, умудрившихся задолго до «Баухауза» предвосхитить принципы всемирно известной архитектурной школы.

Понятно, что зодчие, возводившие соликамскую звонницу, не имеют ни малейшего представления о философии «Баухауза». Тем не менее, они предлагают

Принципы конструктивизма, сформулированные одним из основателей «Баухауза» немцем Хансом Мейером в двадцатые годы XX столетия, понятны и просты: красота есть естественное свойство функционально организованного изделия, и она должна быть доступна всем и каждому. Благодаря своему природному демократизму конструктивизм стал одним из самых заметных художественных течений.

В начале 30-х годов конструктивизм вообще считается чуть ли не официальным архитектурным стилем молодого Советского государства.

Соликамские каменщики Емельян Тильков, Михаил Циплин, Свасой Агафонов, Данил да Роман Црэмьяховы, по указанию и под надзором каменщика подмастерья тюменца Ивана Борисова в 1708 году строили в иудерском Тодольске церковь каменную во имя Пресвятых Богородицы, честного и славного Ея Успения.

Фрагменты конструктивизма в архитектурном облике Соликамска сохранились до сих пор.

такое архитектурное решение, которое до сих пор поражает современников своим новаторством и вызывает множество споров. Так барочная витиеватость колокольни, сочетаемая с простотой «палат каменных», на два столетия опередила свою эпоху.

...Но пока жизнь в городе бурлит, такое смешение стилей в архитектонике колокольни, если и не органично, то совершенно в традиции Соликамска, — города купеческого, до недавнего времени, пограничного, где сходятся дороги, народы, культуры...

Но вернемся в середину XX века, который перевернул и перетряс складывавшийся веками соликамский уклад похлеще петровских перемен. В самом центре Соликамска высится почерневшая от выпавших испытаний и виденного за долгие годы человеческого горя, обезглавленная колокольня...

Революция 1917-го лишила колокольню права голоса. Сначала в ней устроили рабочее общежитие, в конце 1920-х годов в подклете содержались заключенные, присланные на строительство калийного комбината. По инициативе соликамского «Общества воинствующих безбожников» все двенадцать колоколов сброшены и отправлены на переплавку.

А в лютую зиму 1931 года, когда в колокольне размещалось общежитие спецпереселенцев, его обитатели за недостатком дров, порубили половицы, выломали и сожгли все перекрытия и лестницы внутри здания.

В тридцатые годы хозяева у колокольни и ее профиль меняются, как перчатки. Кем и подо что только она не используется. Пивзавод хранит здесь зерно, «Межрайторг» размещает обувную и швейную мастерские, горпромкомбинат — спичечную фабрику, «Главмолоко» — склады, управление лагерей «Усольлаг» — типографию. С началом Великой Отечественной в колокольне разместились контора пимокатной фабрики. Здесь же живут и её рабочие.

В пятидесятые годы при Филиппе Тольцинере в стенах колокольни создается одна из первых в СССР специализированная научно-реставрационная производственная мастерская. Стараниями ее сотрудников удалось сохранить уникальные памятники Соли Камской, ввести Соликамск в ранг исторических городов России.

...Человек творит историю и культуру. А история и культура творят человека, определяют его выбор. В этой неразрывной цепи много удивительных, ярких звеньев.

Огромный и значителен вклад в развитие нашего города Филиппа Тольцинера, человека, волею судьбы занесённого сюда из другого мира. Чужак, который стал родной и неотъемлемой частью нашего общего бытия. Именно он обновил, обогатил сложившийся веками уклад Соликамска современными формами, принёс сюда ещё одну модель организации жизни, событийного ландшафта на основе лаконичного удобства и комфорта.

Но молчаливая музыка камня, древняя мудрость неведомой пока земли, была услышана и понята этим тонким и талантливым мастером. Рождённый в вихре европейских идей прагматики и утилитаризма, конструктивизм Тольцинера оказался весьма чувствительным и восприимчивым к исконной красоте и замысловатой барочной эстетике местных архитектурных памятников. Их азиатская щедрая роскошь так необходима человеческому глазу и сердцу, особенно здесь, в суровом климате, в тяжёлых трудовых буднях.

Такое внимание к прошлому, к естественным идеям облагораживающей красоты и уюта, к осмысленности архитектурных решений и наполненности их человеческим отношением, приводило замыслы творца в противоречие с футуристической концепцией конструктивистской школы и вызывало критику со стороны коллег.

Но кто знает, возможно, каменный хоровод церковей Соликамска вокруг красавицы-колокольни, этой лестницы бытия, ведущей ступенями тайных смыслов прямым от земли к небу, изменил сознание художника и указал ему новый путь. Наверное, здесь ему стало понятно, что футуризм немислим без прошлого, что хороша только та новь, которая стариной подготавливается и подсказана, и что ключи к вопросам современности следует искать в сокровищницах культурного опыта.

Именно так в середине XX века возник на соликамской земле важный диалог эпох, культур, идей, воплотившийся в архитектурном пространстве города. Диалог, до сих пор незавершённый...

А в центре диалога и по сей день — наша звонница. Она помнит, как когда-то разговаривали, спорили и её колокола. Соборная колокольня — смотрительница, хранительница знания, главный символ Соликамска. Она испокон в вихре битвы, на меже. Её гулкие палаты хранят гораздо больше тайн и чудесных загадок, чем мы смогли бы вам поведать. Она и сама — соединение несоединимого, союз материи и духа, тяжести и полёта, земли и неба. Она — встреча человека с Богом. Она — Сретенье...

Таинство мерцает нам сквозь туман легенд. В Соликамской летописи есть сказание «о явлении в кладовой палатке под соборною колокольнею образа Сретения Господня 4 июля 1726 года чрез показанный свет в стене». Мистический свет струится от самих этих древних слов. В них детали чудесного события неразличимы, но ощутимо дыхание ангелов и сияние Божьего покровительства над нашим городом, над Верою его.

Нет конца и края загадкам истории. ...Соборная колокольня — главный символ Соликамска. Её гулкие палаты первого этажа хранят гораздо больше тайн и чудесных событий, чем мы успели вам поведать.

Икона «Сретенье Господне» (XIX в.), Богоявленская церковь.

1726 года июля в 4-й день, у Соликамска под соборною колокольнею явился образ Сретения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа чрез показанный свет в кладовой палатке в стене. Подродности и последствия этого события неизвестны, равно нельзя указать, в которой именно из нескольких палаток, существующих поныне под колокольнею, случилось это.

Впрочем, память о явлении этой иконы не сохранилась между народом; особаго воспоминания од этом событии какими-нибудь церковными обрядами не установлено...

Александр Луканин, протоиерей,
«Церковно-историческое и археологическое описание
г.Соликамска», 1856 г.

Соликамск. Микрорайон Клестовка. Черты прагматичного конструирования мы наблюдаем в архитектуре и более позднего периода.

Поиcки подземных ходов в Соликамске начались ещё в 70-е годы XVIII века. Тогда около колокольни на глубине около трёх с половиной метров нашли каменный свод. Опасаясь за сохранность колокольни, работы были запрещены.

Этот же провал возобновился в начале XIX века. Такие же каменные своды в то время были обнаружены под домом воеводы и против алтаря Воскресенской церкви. Один ход, по преданию, шёл от Троицкого Собора в гору, а другой к Спасской церкви. Однако результаты всех раскопок оказались неутешительными.

В глубине вырытых ям виднелись настоящие сокровища – остатки древних деревянных срубов, части фундаментов. Но на них никто не обращал внимания. Мне рассказывали, что ищут знаменитые подземные ходы, где во время нападения татар, дашкир и вогул жители спасались вместе с имуществом, а богачи прятали свои драгоценности. В обоих раскопах следов подземных ходов не нашли.

П.И.Мельников-Печёрский,

«Дорожные записки на пути из Талибовской губернии в Сибирь».

В 1839 году во время поиска подземных ходов и кладов, о которых в Соликамске до сих пор ходят легенды, в стене колокольни, была обнаружена дверь со ржавым замком в неведомую ранее девятую палатку. Отворив ее, искатели увидели небольшое сводчатое замусоренное помещенье. Из-за угрозы обвала земли, яму снова забросали и утоптали. Так подклетных палаток и осталось восемь.

Мы ищем и выбираем дороги. Мы стремимся вперёд, к будущему, к свету. Но скрытые пути истории, тёмные подземные ходы, ведущие неведомо куда, не отпускают нас, манят, зовут возвратиться, найти свои истоки и несметные сокровища. Сокровища никак не даются, богатства не открываются. А может, ищем не то? Разве блеск золота и алмазов был завещан нам далёкими предками? Видно, поэтому не поддаются двери, не находятся ключи к хитроумным замкам и шифрам.

Вначале пути, стоя у Соборной колокольни, отчётливо поймёшь: нет, не звон царских монет, а серебряные перезвоны преданных нами колоколов тревожат беспокойную память, не блеск зарытых драгоценностей, а соль нашей истории, что мерцает прямо под ногами. Если собрать эти бесценные кристаллы и бережно, осторожно сложить рассыпанную мозаику символов, то, возможно, удастся прочесть послание и открыть тайные двери времён.

ВОЛОСАТАЯ ЗВЕЗДА

После заутрени на паперти Богоявленской церкви православные обнаружили орущий куль. Дитё стремительно остывало, да к тому же ещё оказалось шерстяное не в меру, что вкупе с хвостатой звездой, зависшей на востоке аккурат на следующий день после нового, 1744 года от Рождества Христова, наводило посадский люд на размышления о Страшном суде.

После заутрени на паперти Богоявленской церкви православные обнаружили орущий куль. Дитё стремительно остывало, да к тому же ещё оказалось шерстяное не в меру, что вкупе с хвостатой звездой, зависшей на востоке аккурат на следующий день после нового, 1744 года от Рождества Христова, наводило посадский люд на размышления о Страшном суде.

Трое — Никита Рязанский, Егор Трубников да Корнелий Шнапс, что из пленных шведов — взялись доставить младенца в ратушу, дабы там определили, чей он и откуда взялся. Они завсегда троицей ходили, и бражничали вместе, и работали тоже. Никудышные были мужички, ни кола, ни двора, но безвредные, суетливые только.

В магистратуре, занимавшей целый этаж в здании под колокольней, уже который месяц проверял ревизские сказки майор Арцыбашев, прибывший из самого Петербурха, так что всем было не до подкидыша. И куда его теперь девать? Мужики топтались у входа, не решаясь уйти без распоряжения. Кто-то же должен знать, что делать!

- В монастырь снесите, — велел бургомистр. — Дверь закройте, ироды!

- А помнишь, Егорка, когда колокольня при строительстве заваливаться стала, — припомнил Корнелий весну 1714-го, — и присланный фискалом Максимка Бобров строителем допрашивал, то воевода тогдашний с нашим братом по-другому разговаривал: заискивал ласково так, в глазки-то заглядывал, мол, не продавайте, братцы...

- Страх-то праведный пред Государем и не то ещё сотворит, — согласно кивнул Трубников. — Вон, Иван-то Суровцев, говорят, даже будучи при смерти про то, как пытали их, солеваров в Семеновском приказе, вспоминал...

- Да, не те времена пошли, порядку куда меньше стало, — встрянул Никита, самый грамотный из них. — Прежде, при царе Петре-то указ «О приносе родившихся уродов» исполнялся неукоснительно. В Куншткамеру, — без всяких разговоров! Там тебе ещё и деньги дадут. А тут на тебе, в монастырь несите, — передразнил он бургомистра, причем, весьма похоже...

Но делать нечего, пришлось нести. Мужики уже сто раз успели пожалеть, что влезли в это дело. Они ж рассчитывали, что им за такую находку хоть по полкопеечки подарят: не каждый же день такие чудеса! Говорил же батюшка — не зарьтесь на чудесное, это лукавый умы смущает! — да всё не впрок. Давеча вон из колодца череп огромный достали, а на том черепе — два рога на носу! А то камень найдут, а там

птица зубастая отпечталась. Теперь вот, в один день случилось, и звезда шестихвостая, что даже днем видна, и тварь эта мохнатая... Оно бы и к чему добрым христианам возиться с нечистой силой? Бросить бы мохнатца, от греха подальше... как раз речка рядом, и прорубь в ней.

Будто почуяв опасные для себя настроения, уродец громко заорал.

- Он, поди, есть хочет... — предположил Егор.

- Так покорми, — огрызнулся Рязанский. — Или у тебя баба, какая на примете есть?

У Егора бабы не было. Не было таковых и у Никиты с Корнелием. Кому они, непутёвые, сдались?

Прошли-то они всего ничего, и полусотни шагов не сделали от колокольни, которую на немецкий манер называли теперь и ратушей, и магистратурой. В монастырь идти не хотелось. Думалось отчего-то, что монахи чуду-юду волосатому рады не будут.

То и дело, поворачиваясь спинами к студёному ветру, прошли мужички через торговую площадь. Впереди уже завиднелись чёрные купола Михаила Малеина, монастырской церкви, что построил Михайла Турчанинов. Вот, поди ж ты, — басурманский сын, а туда же — церкву отстроил. Правда, сам-то он её и не видал ни разу, как его в Петербург забрали под стражей, так он оттуда и не вернулся, путём домой сгорел в лихорадке. Видать, отцовский-то бог зол оказался, что Михайла в православные двинул.

- Есть баба! — воскликнул Корнелий.

Сотоварищи глянули на него с недоверием.

- Вот идёт! — и он ткнул пальцем в Лукерью, кухарку ссыльного остзейца Левенвольда.

Слыла она своевольной гордячкой, ты ей — стрижено, а она тебе — брито, и господа Строгановы, видать, неспроста её послали в услужение бывшему графу и обер-гофмаршалу. Они его завсегда поддерживали провизией да деньжатами, так что житьё у него хоть и небогатое в Соликамске водилось, но на паперти не стоял, исправно встречал каждый обоз со ссыльными, чтобы узнать новостей из Петербурха и Москвы. Правда, с осени чего-то захандрил, закис, ни ел, ни пил, в потолок пялился да по ночам плакал.

Вот Строгановы ему эту гангрену под бок и положили: она ж безо всякого обхождения бывшего графа гоняла, и на охоту, и по делам всяким в магистратуру, одним словом, залёживаться ему на печи не давала. Говаривали, будто он и к Демидову в Красное Село стал навевываться, но правда ли — неизвестно. Демидовы и Строгановы друг с другом не очень

ладили, а уж если Левенвольд со Строгановыми якшается, какой тут Демидов?

Правда, Григорий Акинфиевич странноват был, — его горнозаводские дела интересовали мало, всё больше садком своим ботаническим занимался, «ранжереями», но неужто и он со Строгановыми дружить станет?

- Лушка, стой! — крикнул Никита.

Лукерья услышала чей-то писк и обернулась к троице. И хоть было ей не по пути, она из лавки к Кашкину логу торопилась, повернула вдруг навстречу трём незадачливым волхвам. Корнелий, почуяв неладное, вручил голосащий куль Никите, а сам вышел вперёд:

- Здравствуйте, Лукерья Ильинишна, гутен морген!

- Вот щас чья-та морден будет гутен, будь покоен! — засопела Лукерья. — Щас я такую Лушку покажу кому-то. Пустят, супостат!

Но Корнелий, который помнил ещё Полтавское сражение, не дрогнул, и бабьему напору не уступил.

- Прости Никиту, красавица, он с морозу что ляпнет, то и петрит. У нас тут...

Но Лукерья и без того услышала писк младенца.

- Откудова мальчика взяли, ироды?

Троица наперегонки пересказала небогатую событиями жизнь найдёныша, и Никита показал волосатое личико.

- В монастырь, говорите? — Лукерья обернулась на чёрные купола.

- Агась, — кивнул Егор. — Его бы покормить только.

Лукерья наморщила лоб:

- Мне титьку щас достать, или отвернётеесь?

Мужики знали, что Лукерья охальница, но чтоб вот так, при малом... ну, пусть он не понимает пока ничего, но ведь баба же, помягче надо.

- Вот что, — сказала она. — Пошли-ка вы со мной. Дров наколете, баню натопите, я вас накормлю за это.

- Так ведь суббота...

- Работа — не грех.

Бывший вельможа и придворный фаворит Рейнгольд-Густав Левенвольде гостей встречать не вышел, дома сидел. Мужики не обиделись, они рады были уже и тому, что не пришлось идти к инокам, что Лукерья забрала волосатую обузу, да ещё и накормила, и в бане дозволила попариться.

А Лукерья принесла мальчика в дом и развернула куль. Опальный граф вышел на звук и аж задохнулся от возмущения:

- Глупая баба! Ты что в дом принесла? Я сегодня же отпущу баронам, чтоб забрали тебя и продали куда подальше!

Левенвольд помянул всех — покойных царя Петра, его супругу Екатерину, и даже свою гонительницу — дочь их Лизавету Петровну.

Левенвольд на какое-то время забылся, что уже два года как не граф и не высокий чин, и начал было распекать кухарку, но, вспомнив, осекся. Он накинул поверх армяка плащ, схватил трость и выскочил на улицу.

Хотел сначала пойти к бургомистру, потом плюнул и пошёл к Демидову на Красное.

На полпути, уже миновав монастырь, Рейнгольд-Густав остановился. Он уже успел слегка остыть и пораскинуть мозгами. Являться без приглашения было неудобно, тем паче сегодня суббота, а встречались они по средам. Кроме того, что он скажет? Что не может справиться с какой-то бабой? Что она его и в грош не ставит? Так он ни гроша нынче и не стоит, Демидов ещё и милость являет, что позволяет бывать у себя в имении и вести светские беседы. Чай, не петербургская ассамблея, пора забыть и смириться.

В общем-то, так оно и было до того, как в сентябре прошлого года не прошёл очередной обоз с жертвами дворцовых интриг. Тогда везли единственную его настоящую любовь. Со всеми остальными он в любовь играл, добываясь через женщин постов, наград, званий. Со всеми, даже вдовой Петра-императрицей Екатериной, вспышки ревности которой, ему льстили неимоверно. Но только не с красавицей Лопухиной.

...Разговора тогда не случилось. На следующий день обоз отправился дальше, в Селенгинск. Но он даже проводить не пришёл...

...Домой Левенвольд возвращался уже затемно. Увидев на небе таинственную хвостатую звезду, вспомнил, что такие небесные тела далеко в Европе называют «кометами».

«Надо бы за ней с Демидовым как-нибудь понаблюдать в подзорную трубу с колокольни. Эх, жаль телескоп-то, в который они иногда поглядывали с Лопухиной на небо, остался в Петербурге», — подумал он про себя.

На ум Левенвольде тут же пришел его большой деревянный дворец на набережной Мойки, окруженный обширным садом, украшенным изваяниями среди которых были «бусты», закупленные в Италии. В потаённых уголках этого сада они с Лопухиной провели не один вечер.

Воспоминания о ещё недавней, но уже такой далекой столичной жизни, балах, дворце, который для Его Сиятельства графа Левенвольде по высочайшей милости Анны Иоанновны, модный Растрелли возвел по соседству с дворцом Строгановых, захлестнули его настолько, что он даже не заметил, как прошел свой дом.

Чертыхнувшись, Левенвольд зыркнул на комету, висевшую над ним, сплюнул и поворотил назад.

- Гори ты синим пламенем, — прошипел развенчанный вельможа, то ли имея в виду, комету, то ли нынешнего владельца его дворца, то ли саму веселую императрицу.

И согнувшись почти вполтину, Левенвольде нырнул в низенький проём сеней избы, которая мало напоминала его усадьбу на Мойке...

Вошёл в избу, скинул плащ, полез в печь, во мраке загрохотав чугунками. Как он ненавидел и презирал, будучи при дворе, все русское и вот, злой рок или юмор императрицы Елизаветы Петровны, сославшей его, надзиравшего до этого над соляным приказом сюда, в самую что ни на есть солонку России!

- Пошто гремишь, чёрт бородатый? — шикнула на него с лавки Лукерья. — Ребятёнка разбудишь!

- Соль ищу, — начал было он, но осекся.

Левенвольде медленно обернулся на кухарку: «Неужели это она ему?! — недоумение, молнией пронесшееся в его голове, превратилось в ярость. — Ему, человеку, который способствовал вступлению на престол Анны Иоанновны, за что был пожалован в обер-гофмаршалы и в кавалеры ордена Андрея Первозванного... Ему, — эта темная безграмотная баба, — у кого Соликамск был вот где!»

Скрипнув зубами, Левенвольде разжал кулак, — на полшлепнулся кусок тёплого мяса, и, набычившись, пошёл на вредную бабу.

- Ты чего? — заволновалась Лукерья. — Эй, ты чего? Чего надо-то? Господин Левенвольд, Вы чего, простите, я ж понарошку...

Влас умер, так и не дожив до своих крестин. Видимо, долго он тогда пролежал у церкви, слишком долго. Не спасли ни бабушки, ни целебные травы, ни лекарства. Удивительно ещё, как он так долго продержался.

Левенвольд не утешал Лукерью. На следующий после похорон день, вернувшись с улицы, бывший граф и обер-гофмаршал удовлетворенно выдохнул:

- Улетела, хвостатая.

- Кто улетел? Ты рехнулся на старости лет?

- Комета улетела. Знаешь, что такое комета? По-гречески, — сказал он, — комета — это волосатая звезда. Эта звезда прилетает откуда-то издалека, пугает всех, а потом улетает куда-то далеко, лет на сто, не меньше. Вот и маленький Влас: прилетел на этой звезде, посмотрел, как мы тут живём, и улетел обратно, рассказать Вседержителю.

- Ты из-за бабы какой-то плакал так? — спросила Лукерья.

- Я много чего из-за баб делал, — согласился Левенвольд. — Предавал, шпионил, воровал, играл. Можно и по-другому посмотреть: жил за счёт баб. А теперь вот никак помереть из-за вас не могу.

Может, и хорошо, что законопатили меня в такую глушь, — думал Левенвольд. — Ну что я знал там, в большом мире? Нёсся вперёд, не разбирая, куда прискачу. А прискакал прямиком на эшафот.

Жена праведника Лота, Ирит, превратилась в соляной столп не сразу, она плакала и плакала по прошедшему, пока не покрылась толстой коркой соли. Она забыла, что нужно смотреть только вперёд, не оборачиваясь. А муж её остался без жены, потому что забывал оглядываться назад.

Вот и я остановился, посмотрел назад, и теперь пойду дальше. А там уж как получится...

Часть II

История под ногами

The background features a faded historical map of Eastern Europe and Russia, with labels such as 'SAMOIE DE SAMOIE', 'PETZORANIE', 'DE FERMSKI', 'DUCHE DE WIAS...', and 'ROYAUME DE CAS...'. In the foreground, there is a golden compass rose with cardinal and intercardinal directions (N, NE, E, SE, S, SW, W, NW) and a smaller, partially visible map fragment showing a landscape with figures and a building.

И пресекалась династия... В 1598 году ушёл в мир иной последний потомок Рюриковичей — бездетный царь Фёдор Иоаннович. И полтора десятилетия Русь Московскую потрясает самозванство; бесцарствие сменяет двоецарствие, за ним приходит «Семибоярщина», — это когда у семи дядек — дитя без глаза.

Неурожай, голод и мор, гражданская война, интервенция. Почти треть населения страны истреблена, отторгнуты соседями исконные земли к западу от Москвы, разорены и пребывают в запустении огромные территории. Сама Русь Московская оказалась на перепутье — угроза «Третьему Риму» кануть в небытие, как прежде случилось с Великой империей и Византией, стала более чем очевидной.

Конец смуте и раздорам в 1612 году положило освобождение ополчением гражданина Минина и князя Пожарского Москвы и российского престола от польских захватчиков. На следующий год Земский собор избрал на царствование 16-летнего Михаила Романова. Новоиспеченного монарха Европа встретила без всякого почтения: к чему церемонии, когда некогда обширная держава слаба и разорена, надолго ли этот государь? Сколько уже поменялось до него. Велик и соблазн распорядиться богатствами, коим несть числа в его землях: пушнина, золото, камни драгоценные.

Западу, чтобы убедиться в силе нового государя и отпустить несбывшиеся надежды, понадобится время. Великая Римская империя через три года поняла, что крепкая власть на востоке Европы, куда лучше хаоса и распрей, неизбежных при дележке природных богатств и территорий. Покупали же песцов да соболей до этого... Главное, будет, кому заняться вновь грядущими ордами с востока. Турки и крымские татары пока, вроде бы невзначай, случайно обращают свои плотоядные взоры к богатой Европе. Ещё через пару лет и Австрия, исходя из подобных соображений, признаёт полномочия Михаила. А вот Речь Посполитая, которая за Московский престол готова была не только с крымским ханом, с самим чёртом лысым сговориться, но у которой этот престол всё же уплыл из рук, — лишь в 1632 году.

Но престель жизни в том и заключается: что бы там ни мугили при дворах европейских, а она в Соли Камской тем временем идёт своим чередом. Это как в уральской Парме — деревья кронами шумят, ветер верхушки ломает, а у земли всё тихо-тихо. Но и здесь порой такие перипетии разворачиваются — только приглядишься внимательнее...

На перепутье

Прикамье — роковая земля для Романовых. Предвестник династии — боярин Михаил Никитич Романов принял смерть в Ныробе.

И последние её представители были убиты в Пермской губернии, включавшей в ту пору большую часть территорий современных Пермского края, Свердловской области, части Кировской, Курганской, Оренбургской областей, Башкирии.

В 1918 году в Екатеринбурге расстреляна царская семья; в Алапаевске — члены дома Романовых и близкие к ним люди; в окрестностях Перми чекистами убит Великий князь Михаил Александрович, — де факто — последний император России, поскольку в его пользу после Февральской революции 1917 года отрёкся Николай II.

...Восень года, когда Мишеньке стукнуло четыре годочка, кованный арестантский возок аж из самой Москвы, почти завалился в густом грязевом месиве пред самой Усолкой. Измученные долгой гоньбой лошади, всем своим видом показывали: они готовы умереть здесь, нежели тронуться с места. Стрельцам, бросившимся стогнать на подмогу соликамских ротозеев, разумеется, было неведомо, что сия оказия приключилась с ними на перекрестке двух важнейших в судьбе России дорог.

Обляпавшись грязью с ног до головы, чертыхающиеся мужики, возок из болотины все-таки вынесли. Через зарешеченное слюдяное оконце, как ни пытайся, арестанта не больно-то углядишь. Зато за излишнее любопытство охранник кое-кого плеткой поперек спины протянул. Ещё раз, но на этот раз, рассекая воздух, свистнула нагайка, и арестная команда выскочила через мост на дорогу, убегающую от Соли Камской на север...

Это тракт на Чердынь — прежнюю столицу Перми Великой. Оттуда ещё в XV веке началось освоение Урала русскими. Туда же, в Ныробку, этой самой дорогой в 1601 году на неминуемую смерть и проследовал первый в здешних краях политзаключенный — боярин Михаил Романов, дядя и тёзка первого царя будущей династии, которой вскоре предстоит править Россией более трехсот лет... А пока главный конкурент Бориса Годунова на престол обвинён во всех смертных грехах. Для пущей убедительности к измене недруги Романова добавили и колдовство.

А вперекрест дороге «на севера» берёт отсчет и уходит на восток только-только разведанная посадским человеком Артемием Бабиновым новая дорога в Сибирь. Дорога, которой в наступившем XVII столетии предстоит раздвинуть границы Московии от Рифейского камня до Русской Америки...

Нет, не случайно на этом самом перекрестке спустя век была заложена Соборная колокольня... Тракт, берущий начало от соликамской звонни-

цы, сравнивают с Великим шелковым путём, Путём из Варяг в Греки. Это о нём говорят: «Дорога, создавшая Россию». И здесь нет никакого преувеличения: если Санкт-Петербург для России в XVIII веке стал «окном в Европу», то Соликамск к этому времени уже добрую сотню лет служит «дверью» России на восток.

В память об этом в год четырехсотлетия дороги на стене соликамской колокольни появилась памятная доска.

А пока на Московии ох как беспокойно. Конечно, по сравнению с тем, что творится в центре, где Русь православная корчится в судорогах Смутного времени, жизнь в Соликамске протекает со свойственными окраине размеренностью и простотой нравов. Правда, на подступах к городу пошаливают ватаги беглых да разбойных людей, но в Соль Камскую они заходить не решаются. Или только пока не решаются?

...И какого только народу и товару не встретишь здесь в ярмарочный день на Девятую пятницу по Пасхе. С окрестных деревень, даже из самой Чердыни, в Соликамск съезжаются мужики: кто в одиночку, кто обозами, прибывает торговый люд и издалека. Здесь и русские купцы, и пермяки, и татары, и вогулы. Последние, ещё два на десять зим не прошло, как опустошали Соль Камскую набегами. Вон, в последний раз в 1581 году сибирский князь Кихек со своим войском сжег дотла всё, стер с лица земли город и его жителей.

А сегодня, глянь, нехристи торгуются, наравне с местными глотку дерут, словно и не было меж них смертоубийственной вражды. Словно и не было... Хотя даже самый худой мир завсегда лучше доброй ссоры. Бурлит ярмарка, живет своей жизнью...

После удачного торжища купцы, что побывали за Рифейским камнем, хватив водочки, рассказывают всякие чудеса про тамошнюю чудь. Слушателей вокруг них собиралось много.

Соликамские слушают, дивятся, да не верят. Разве может такое случиться, что обычные горшки-черепки, кремниевые ружья, бисер и украшения влет уходили в обмен на мягкую рухлядь — шкурки соболя, горноста, бобра, песца — валюту того времени. За простой медный котёл можно выменять столько шкурок соболя, сколько он в себя вмещает. Чудно, одним словом!

Такая торговля с чудью приносит русским баснословные барыши. Один рубль дает прирост в три на десять целковых. Однако пройти за Урал непросто. Ещё труднее из-за Камня вернуться.

Хотя вроде бы, что здесь сложного: с Камы за Урал ведет сразу несколько путей. Караванная дорога в Бухару через Булгары, Камою на Уфу и далее степью на верховья Исети, — раз! Также в Сибирь можно попасть по Чусовой и Сылве через Тюменский волок, — два!

Но вот беда, оба эти пути, с глубокой древности связывавшие Европу и Азию, вплоть до второй половины XVI века для русских непроходимы. Сначала этому препятствует Булгарское царство, затем Золотая Орда, а после её распада — Казанское ханство. А ещё в XV столетии речной выход в

Староста церковного прихода с. Ныроб П.А.Пономарев с цепями боярина Михаила (фото 1914 г.).

По первой, 1579 года переписи Ивана Яхонтова известно, что в Соли Камской числится: «190 дворов, 16 соляных варниц, 27 торговых лавок, несколько церквей. Около города 23 деревни, 11 починков, и 3 займища, во всех их 144 двора и 205 чел. мужского пола, положенных в сошное письмо.

Соборной площади Соли Камской в 1597 году взяла свое начало Государева (Бабиновская) дорога, соединившая центр России с Сибирью. Памятная доска, посвященная 400-летию Государственной Бабиновской дороги.

Вишеро-Лозьвинский водно-сухопутный путь в Сибирь брал начало от Чердыни — столицы Перми Великой. Им через Урал ещё в 1483 году прошел Федор Курбский с дружиной. Сначала стругами — по Вишере, притоку Камы, затем по Велсу, далее, — по реке Чурок. Затем шли волоком, пешком или конным ходом, преодолевая Уральские горы, на реку Тальтию, приток Ивделя. Далее по Ивделю до Лозьвы, где в 1588 году был основан Лозьвинский городок.

Далее путь вглубь Сибири шел по рекам Тавде, Туре, Тоболу, Иртышу и Оби.

Прикамье облюбовали для своих набегов сначала тюменские, а позднее ногайские и сибирские татары.

Была, правда, ещё одна дорога: «от Соли Камской мимо Чердынъ водяным путем Вишерою вверх, да через Камень в Лозьву реку, да Лозьвою вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки». Но, вот беда, не только русским известна она. Не раз этой же дорогой приходили из Зауралья войной пелымские князья. Вдобавок, этот путь в Сибирь, протяженностью в тысячу вёрст, тернист и кружен.

Необжитый край, где, окромя Лозьвы, Тобольска и Тюмени, иных русских городов-то и нету; да и климат суров. Кроме этого, караваны смельчаков в дороге поджидают банды лихих ушкуйников да язычники-самоеды, которым кровь чужую пролить, что водицы испить. Всё это и делает исход заманчивого путешествия непредвиденным. Так что, отправляясь этим путем на восток, тыставишь на карту жизнь свою. А у судьбы выиграть ох как непросто!

Однако знающие люди утверждают: манси, что наведываются в Соль Камскую к ярмарочным дням, имеют за Камень потаенную короткую тропу. Разговоры об этом дошли и до столицы. Здесь прекрасно понимают: без хорошей сухопутной дороги, экономических и торговых связей закрепить за Русью присоединенные Ермаком и его предшественниками, но неизведанные доселе земли невозможно. Нужна, как воздух нужна Московскому государству для надежного сообщения, перевозки хлебных и военных припасов дорога в Сибирь — короткая, безопасная, проезжая круглый год. С другой стороны, богатства тамошние должны поправить разоренную опустошительными войнами государеву казну.

И в 1595 году царь Фёдор Иоаннович, ознакомившись с очередным отчетом Новгородского приказа, ведающего сибирскими делами, повелевает: «охочим людям» разведать более прямой и удобный путь за Камень.

Тут мы позволим себе небольшое отступление, поскольку есть насущная необходимость уделить немного места разговору о самом Камне, хотя бы уже потому, что он ровесник Пермского моря. И как потом окажется, древнему морю и преодолению Уральских гор Соль Камская обязана многим.

Удивительное дело: сегодня мы с легкостью перелистываем доисторические десятки, сотни миллионов лет, из всех периодов знаем только Пермский, поскольку живём на этой земле, а всё многообразие обитателей той поры называем просто динозаврами. Нас там нет, и поэтому нам это неинтересно.

А ведь не прошло ещё и двух сотен лет с тех пор, как мир узнал, почему кости морских чудовищ оказались заключены в твердую породу уральского камня, как были подняты на сотни метров выше уровня моря и перенесены в горы, за тысячи километров от нынешних пределов Мирового океана. Надо восполнить этот пробел.

Первые сведения об Уральских горах и Сибири в русской летописи появляются уже в 1096 году. В ней приводится рассказ новгородского ушкуйника Гюраты Роговича о посылке им своего «отрока» в северные земли за данью.

Уральские горы образовались в Пермский период, который начал свой отсчет 286 миллионов лет назад и длился 41 миллион лет.

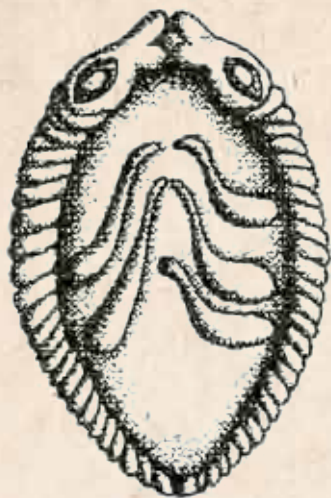
Когда два древних материка — Сибирь и Балтика — столкнулись, образовав величайший суперконтинент Пангея, горные породы, слагавшие их побережье, смялись в складки, образовав Уральские горы. Напластования, отложившиеся при образовании Урала, знамениты найденными в них останками древнейших предков млекопитающих.

Вхождением в мировую геологию Пермь обязана шотландцу Родерику Импи Мурчисону, который исследуя Урал и Предуралье открыл и предложил в 1841 году название этому новому, последнему геологическому периоду Палеозойской эры — Пермский. И весь мир с этим согласился.

Сэр Родерик Импи Мурчисон (1792-1871) — известный шотландский геолог, впервые описавший и исследовавший силурийский, девонский и пермский геологические периоды.

Бляха пермского звериного стиля со сценой борьбы ящеров (X-XI вв.). Обнаружена экспедицией А.М.Белавина на Городищенском городище.

Фрагмент летописи
«Повесть временных лет».

И в XX веке Урал в обиденном сознании даже местных жителей, которые в силу одной географической близости должны были бы изжить данные «предрассудки», воспринимается краем земли, «терра инкогнито», темой запретной для жизни. Поэтому-то именно здесь, на границе человеческого и природного пространства рождаются, и по сию пору живут сюжеты народной мифологии. Ящеры, черти, змеи... Сознание конструирует эти геокультурные образы именно на пересечении географических, исторических, этнографических компонентов и активно представляет не только в фольклоре, но и литературном тексте.

В одном из известных произведений древнерусской литературы XVII века «Повесть о Савве Грудцыне» главный герой — житель Соли Камской заключает договор с дьяволом. С одной стороны, Савва уподобляется чернокнижнику Фаусту, жившему в первой половине XVI века в Германии. С другой, оседлав беса, и за ночь перелетев на нём за две тысячи верст на Волгу, Савва на пару столетий предвосхищает путешествие кузнеца Вакулы из повести Н.Гоголя «Ночь перед Рождеством».

Можно, конечно, смеяться, упрекать в дремучести и необразованности наших предков, но подосознание русского человека до сих пор мифологизирует Урал. Только нашему современнику, в силу его представлений об окружающем мире, это совершенно неочевидно. Дивиться этому нашему видению Урала предстоит уже нашим потомкам.

Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, да идет этому уже третий год; есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой как до неба, и в горах тех слышит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желяз высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дадут меха. Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них никогда; этот путь идет и дальше на север.

«Повесть временных лет».

Вот, говорят, по Соликамскому тракту там белые снега есть, эти меха вот, а в этих мехах змеи те и живут, на зиму туда уходят. Под Соликамск.

А в деревнях, что вдоль реки Айва, из поколения в поколение передается быличка о чертях, которые топят даню: «Если на Ивана Купала туман — черти парятс. Если пошел дождь, то надо ждать из-за Айвы черный дым. Это черти даню топят. А на следующую ночь они будут литься. Вот и туман на реке».

Записано от А.С.Белозеровой, 1914 г., в ходе фольклорной экспедиции в с. Усть-Миш, Александровский район.

Т р е т ь И м б у д е т

«**Р**оссийское могущество прирастать будет Сибирью», — два с половиной столетия назад предсказал русский ученый М.В.Ломоносов. Во многом поэтому великий самоучка для нас является вторым человеком после лихого атамана Ермака Тимофеевича, который в 1581 году из строгановского Орла-городка, что чуть ниже Соли Камской, двинулся со своею дружиною на стругах на покорение Сибири. Двинулся — и покорил, с боем взяв столицу Сибирского ханства Искор, за что получил от Иоанна Грозного прощение и милости разные. Тут же, в Сибири, и сложит вскоре Ермак свою буйную головушку.

Третьим же, — не по ранжиру вовсе или знатности, а в силу свершения своего, — в этом ряду людей, обративших свой взор на восток, стоит соликамец Артемий Бабинов — современник Ермака. Заслуга его в том, что именно он открыл сухопутную дорогу, которая накрепко привязала Сибирь к Руси Московской.

Парадных портретов соликамского вожа никто не рисовал, биографов у него также не было, поскольку мало кто в Соликамске тогда представлял значимость открытия Бабинова. Поэтому до наших дней дошли лишь скудные сведения о его жизни. Известно лишь, что по своему происхождению Бабинов был крестьянином или посадским человеком и проживал в деревне Верх-Усолке под Соликамском.

По вогульским следам

Проведав про Государев указ о поиске дороги за Камень, Ортюшка, мужик справный, смекалистый, решил слепым котенком по тайге не тькаться. А зачем, когда есть пещера на Чаньве?! Пещера та неглубокая, малых размеров, сажений пятьдесят будет. Но вход, который резко возвышается над тропой, словно пасть неведомого чудюды, поражает размерами и трепетать заставляет.

М.В. Ломоносов (1711-1765), русский просветитель, ученый-энциклопедист, поэт, переводчик, физик, химик, астроном.

Ермак Тимофеевич (1532-1585), русский казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для Российского государства.

«Покорение Сибири Ермаком» (В.Суриков, фрагмент).

Ещё в детстве отец его — Сафон Бабинов — строго-настрога заказывал сыновьям приближаться к этому месту языческих сборищ, увешанному звериными, позеленевшими от времени, черепами. И если бы не государев клич, ни в жизнь бы отца своего Артемий не послушался.

Дорогу к тем зловецким местам он помнил, и вскоре после Троицы, запасишись съестным и пороховым припасом, направился к жертвенной пещере. Вот и вогульское капище со священной лиственницей и пещерой, в которой устраивают жертвоприношения. Вокруг поляны — кумирни, в центре которой высится одна из главных языческих святынь, — «священное копье», — потемневшие от времени деревянные идолища.

Устроив засаду подле пещеры так, чтобы остаться невидимым, Бабинов приготовился ждать.

...Его сон к вечеру четвертого дня прервали глухие удары бубна и монотонное камлание вогульского шамана, исходившие от жертвенной пещеры.

— Заждалси я вас, нехристи, — подумал Бабинов, осторожно раздвигая разлапистые ветви ели, с которой пещера была как на ладони. — Где же эта тропа ваша потаенная, что ведет за Рифей-камень?

...На десятый или уже два на десятый (Бабинов точно не помнил) день петляний горами да топями, когда сил следовать за язычниками почти не осталось, он выбрался на берег. Тех, кого он преследовал, Артемий потерял из виду уже давно, и всё это время брел по следам то, теряя их, то вновь обнаруживая, в тот самый момент, когда надежи никакой не осталось...

Метрах в полста вниз по течению неведомую ему прежде реку переплывал сохатый. Делал он это совершенно неопасливо, так ни разу и не взглянув в сторону человека. На пологом песчаном берегу рогатый отряхнулся, на мгновение замер, прядая ушами, и рухнул, сраженный смертельным пением сразу нескольких вогульских стрел.

Вход в Чаньвинскую пещеру.

Чаньвинская пещера находится на левом берегу р.Чаньвы в 250 м выше устья р.Копижная. Вход расположен в 25 м над урезом реки в береговой скале. Высота входа 18 м, ширина — 34 м. Пещера горизонтальная, длиной около 70 м.

Впервые пещера упомянута академиком И.Лепёхиным в 1771 году.

В ходе раскопок в пещере обнаружены остатки мансийского святилища, найдены наконечники стрел, бронзовые украшения, предметы пермского звериного стиля, монеты. А в соседнем гроте обнаружен череп пещерного льва, именем которого грот и был назван.

Гортанные крики наполнили воздух — к поверженному лесному великану что есть мочи бежали несколько теней.

...Вскоре Бабинов двинулся в обратный путь, а ветер нес ему во след запах вареной лосятины, исходивший из вогульского городища, спрятавшегося за высокие бревенчатые стены, обмазанные толстым слоем глины.

Домой Артемий возвратился по зарубкам и заломленным веткам, которых он, следуя за вогулами, предусмотрительно оставил великое множество...

По возвращении Бабинов подготовил чердынскому воеводе «донос» о проведенном пути в Сибирь посуху, что намного сократит путь между Солью Камской и Тобольском, стольным городом Сибири. И вскоре из Москвы пришло высочайшее повеление: «просеки рубить, каналы копать, мосты мостить».

По государеву указу Бабинов руководит и строительством разведанной им дороги. Под его началом трудятся два целовальника да сорок посошных людей. Трудятся не покладая рук, и всего за два года ими через горы, топи и тайгу будет проложен тракт из одной части света в другую. Не простая дорога, а проезжая, в три сажени шириной, длиною в 273 версты, с 37 мостами. 11 января 1598 года по ней пошли подводы в Сибирь.

В этом же году чердынскому воеводе Сарычу Шестакову царем приказано в верховьях Туры на месте вогульского городища Неромкуру («нером» по-мансийски означает «камень», «кар» по коми-пермяцки — «город» или «крепость») построить крепость «для береженья от калмыцких и иных орд».

И застучали на восточном оконечии Бабиновской дороги топоры. Город, возведенный на левом берегу Туры между речками Свягой и Дернейкой, с трех сторон был обнесен деревянными стенами, с четвертой, выходящей к скалистому обрыву над рекой, были поставлены, согласно рекомендациям Шестакова, избы в ряд, а по углам были срублены сторожевые башни. Следом был пристроен и острог. Так по другую от Соли Камской сторону Уральских гор был выстроен город Верхотурье.

Новая дорога стала вчетверо короче прежнего Вишеро-Лозьвинского пути и, в отличие от него, была полностью сухопутная. Обоз по ней теперь добирался за Камень всего за 8-10 дней. Верхом это расстояние можно было покрыть втрое быстрее. За 1599 год по Бабиновской дороге прошло, по документам Верхотурской приказной избы, более тысячи крестьянских семей.

Для Бабинова поиск и строительство дороги стали делом жизни. Объяснить предпринятый им шаг только жаждой обогащения и наживы было бы слишком просто, а потому уже неверно. Чтобы понять, что двигало человеком, бросившим вызов судьбе и неведомому, надо постараться получить представление о его внутреннем мире.

Сегодня, спустя четыре столетия, сделать это непросто. Но мы можем хотя бы попытаться понять, какие качества требовались обитателям Соли

Герб г.Верхотурье.

Верхотурье — город в Свердловской области, в котором сохранилось множество памятников архитектуры XVII—XIX веков. Население около 7,3 тыс. жителей. Центр православия на Урале. В Крестовоздвиженском соборе Верхотурья покоятся мощи святого праведного Симеона Верхотурского всея Сибири чудотворца.

Михаил Фёдорович Романов (1596-1645), первый русский царь из династии Романовых. Царствовал в 1613-1645 гг.

Чтобы с его Артюшки Бабинова деревни и с его двора пошлныи и одроки не драм... и велели ему по той же новочищенной Сибирской дороге жить на Ейве-реке на льоте и слободу устроить для проезду воевод наших и служилых и всяких людей, и наших содомных и денежных казны и хлєдных запасов...

Герард-Фридрих Миллер (1705-1783), историк и археограф.

Потомки этого Бабинова живут поныне в деревне Чикман в Верхотурских горах на большой дороге. Они очень гордятся заслугами своего предка и хранят у себя жалованную грамоту царя Михаила Федоровича, данную Бабинову за то, что он указал эту дорогу и сделал ее удобной для проезда...

Герард-Фридрих Миллер, историк, «История Сибири».

Камской, чтобы на протяжении полутора столетий до этого выжить на самой окраине православия, во враждебном окружении диких племен, где нет иной опоры, как на собственные силы.

Условия существования на меже развивают в наших предках самостоятельность и предприимчивость, склонность к взаимовыручке, ненасытное географическое любопытство и поиск гармоничных форм сосуществования с окружающим миром.

Артемий Бабинов стал не только открывателем дороги, но и устройте-лем всей Верх-Яйвинской земли, через которую прошла дорога в Сибирь. Царь Фёдор Иоаннович за службу пожаловал его земельной дачей, а чердынскому воеводе в подтверждение выслал наказную грамоту.

С открытием сухопутного пути в Сибирь Бабинов перешел на государственную службу. Верх-Яйвинскую слободу в несколько дворов и церковь, которая позднее стала погостом и волостным селом, Артемий устроил, но льготной жизни не получил. В Смутные времена посадская община Соли Камской не очень-то считалась с царской грамотой... Тем более что воевода сидит в Чердыни за сто вёрст, каждый раз к нему не набегаешься.

По поводу несправедливого к себе отношения Бабинов подал челобитную в Москву. Жалоба действие возымела: в 1617 году царь Михаил Фёдорович все заслуги Бабинова новой грамотой признал, льготы подтвердил, наново пожаловал ему покосы и пашни по Яйве и Чикману.

Эту «Наказную грамоту соликамскому воеводе Богдану Лупандину о владениях Ортёмки Бабинова, проведавшего и расчистившего Сибирскую дорогу» видел историк Герард-Фридрих Миллер, когда проезжал из Сибири в Москву в 1742 году. Видел и засвидетельствовал в своем объемистом труде «История Сибири».

Некоторые исследователи в своих изысканиях пошли дальше и считают, что, кроме грамоты, Бабинову было пожаловано и дворянство. От Артемия Сафоновича берёт начало род Бобыниных, или Бобининых.

Но и всё это ещё не объясняет вполне сути «дела жизни» Артемия Бабинова. Наверняка не о славе и награде думал он, следуя за вогулами. Была у него и некорыстная волшебная идея, неудержимо манящая, прозванная нашими предками походом «встреч солнцу». Вот в чём разгадка нашей вечной устремленности на восток.

Возьмите хотя бы другого соликамского землепроходца — Михайлу Захарова, который через полстолетия после открытия Бабинова, за тысячи верст к востоку от Соли Камской раздвигает границы Государства Российского до Тихого океана и западных берегов Америки.

В 1648 года этот промышленный человек, родом из села Городище, вместе с Семеном Дежнёвым отпра-

вился из устья Колымы в поход на восток. И пройдя морем всё северное побережье Сибири, они открыли «край и конец земли Сибирской» за 80 лет до экспедиции Витуса Беринга.

Многое пришлось преодолеть соликамскому вожу со товарищи... В начале октября коч с 25 смельчаками выбросило на берег «за Анадырь-рекой». Уже в первую зиму половина отряда Дежнёва погибла или вымерла от голода и цинги.

В январе 1651 года, возвращаясь в бедствующее дежнёвское зимовье, где «кормились корою кедровою», с запасами продовольствия и одежды, караван, возглавляемый М.Захаровым, подвергся нападению. Но не от туземцев, а от своих же, русских, — атамана Стадухина людей, пострадали. Разбойные забрали всё, даже нарты с собаками, а Захарова и его товарищей били смертным боем.

В 1653 году Михаил Захаров, ветеран дежнёвского морского похода, защищая ясачных юкагиров, погиб в стычке с воинственными чуванцами.

Подведём итог географических открытий экспедиции Дежнёва, в которые свой вклад внёс соликамец Захаров. Обнаружив пролив между Северным Ледовитым и Тихим океанами, они доказали, что Азиатский и Североамериканский материки не соединяются.

Именем Дежнёва названы самый восточный мыс и горный хребет открытого его экспедицией Чукотского полуострова, бухта Берингова моря, поселок на Амуре, ледокол. А благодаря дежнёвским чело-битным имя его сотоварища Михаила Захарова известно нам, его потомкам.

Третьим в числе соликамских первооткрывателей неведомых далей стоит Иван Савич Лапин. Четыре года продолжалась экспедиция к Алеутским островам соликамского купца-промысловика и его великоустюжского компаньона Василия Шилова. «За усердие и за открытие островов к востоку от земли Камчатской» императрица Екатерина II в 1767 году пожаловала Лапину медаль «За полезные обществу труды».

По этой медали, введенной сразу же при вступлении Екатерины II на престол, можно судить, какое большое внимание в то время уделяла новая императрица вопросу развития мореплавания и изысканию новых земель в Тихом океане. Наступала эпоха возрождения традиций Великого Петра.

Шилов начертил новую карту Алеутской гряды, затем через всю Сибирь доставил в Петербург «алеута в одежде из птичьих шкур», и там держал отчёт перед Адмиралтейств-коллегией о новых землях.

Мыс Дежнева — это нагромождение страшных утесов, заставляет человека размышлять о великих превращениях, которые некогда здесь последовали, ибо вид и положение берегов рождает предположение, что Азия некогда была соединена с Америкой.

Отто Коцеда, русский мореплаватель, руководитель кругосветного плавания 1815-1818 гг.

Воткрытие Сибири есть какая-то особенная телесная выразительность: будто человек после болезненного забытья на всякий случай ощущает свое тело. Всё ли на месте! И иде оно подлинно кончается, а иде начинается какая-то другая среда и материя — воздух ли, вода ли, земля.

Так и Сибирь ощущали вдоль северных ее береговых очертаний и южных, угорающихся в неприступные горные хребты или береговые крошки рек. И что ни говори, а все же Аляска при этом ощущивании оказалась телом слишком далеким, чувствительным, изысканным. Рано или поздно должно было прийти осознание того, что с Аляской всё же хватили лишку, перестарались, вышли из своей жизненной меры. Но цена «продажи», конечно же, вопиюще не соответствовала затраченным на благоустройство Русской Америки усилиям.

*Юрий Лоциц,
«Вехи русского освоения Якутии».*

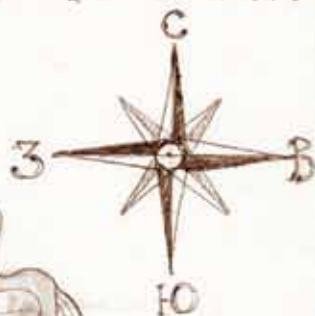
Карту свою почитают не безважной, ибо хотя она не может похвастаться за точную и совершенно на правилах мореплавания основанную, однако для первых начал довольно изрядную.

ЛАНДЪ КАРТЪ

МАСШТАБЪ 1:700 ВЪРСТЪ

Медаль «За полезные обществу труды».

Профильное, поясное, вправо обращенное изображение Екатерины II, с ниспадающими на плечи локонами, с вплетенной в них ниткой жемчуга, в короне и мантии и с Андреевской лентой через правое плечо.

В изящном орнаменте с цепью ордена св. Андрея Первозванного размещена надпись: «За полезные обществу труды 1767 Года Апреля 20 Дня»

Золото, диам. 42 мм, достоинством в 10 червонцев.

Портретную сторону штемпелей резал Т.Иванов, обратную — С.Юдин.

Носили медаль на широкой шейной ленте ордена Св. Андрея Первозванного.

Он настаивал на заселении Аляски, мотивируя тем, что «...там можно найти много выгод. Ходить туда следует на больших кораблях...». Он рассказывал членам коллегии любопытные истории «о свойстве жителей тех земель: «нет у них никакого богослужения, брачных и праздничных собраний... О собственности они тоже ничего не знают., живут в общих многосемейных юртах...» и пребывают на белом свете «до ста и даже более лет». Там же в Петербурге Шилов получил свою золотую награду. С ним на Камчатку была отправлена и медаль для Ивана Лапина.

Коренной соликамец — будь то Артемий Бабинов, Михайло Захаров, либо Иван Лапин — это самая соль Земли Пермской, характер, ставший архетипом уральского человека, первопроходца, покорителя пространства, Он сам — важная составляющая культурного ландшафта тех мест, через которые проходила не только Государева дорога в Сибирь, но и все пути-дороги, связующие собой гигантское лоскутное полотно российской державности.

Такой характер формируется перехлестом разнонаправленных амбиций: утвердить своё важное место, свою, определяющую ход событий, роль, ухватить-таки за хвост неуловимую птицу удачи и, вместе с тем, по доброй воле покориться божьему предназначению и своей мечте, отдаться воле волн зовущего из далёкой памяти океана, пульсации горячей крови и беспокойного сердца. Это и есть человек пути, упрямого движения вперёд, стремления «встречь солнцу». Он неустойчив в своей мечтательности, но, вместе с тем, спокоен и уверен в своих силах, умён и рассудителен, поскольку обладает бесценным опытом предыдущих поколений и в полной мере осознает значимость своего бытия. В его поступках, если приглядеться, можно прочесть те нормы поведения и элементы повседневной культуры, которые не просто характерны, но и жизненно необходимы для русского населения, издревле осваивающего эти земли.

А если представить, что последователи Бабинова, освоив Сибирь, так же активно взялись за Алеутские острова, а потом не продали бы Аляску... Что Форт Росс — наша колония в Калифорнии — расширяет свои владения, ну, хотя бы, до широты, на которой лежит сегодняшний Вашингтон. И происходит это расширение благодаря добрым и справедливым отношениям, которые русские, в отличие от многих колонизаторов, выстраивают с туземцами, как это случилось с Михайлой Захаровым. И индейцы, в свою очередь, не менее дружелюбны и расположены к российской короне. Как, впрочем, и испанские, английские и французские монархи. Представляете, как бы сейчас удивительно выглядела политическая карта мира?! Это, наверное, была бы ещё та география...

Такая вот , брат , ар Ифмет Ика...

...И хлынули узким горлышком Бабиновской дороги из сибирских кладовых через Соликамск обозы с мехами, рыбой, золотом и драгоценными камнями. А навстречу им за Уральский камень зашагала цивилизация...

По этому тракту доставляют царские указы, деньги, почту, по нему же едут посольства, служивый люд, научные экспедиции. Через Соль Камскую купцы везут все западно-европейские, персидские, бухарские, китайские и русские и сибирские товары. Каждый следующий по Государевому тракту по прибытии в Соликамск должен в обязательном порядке отметить подорожную грамоту. Досмотр с пристрастием ожидает путешественника и на Верхотурской таможне. Иные пути-дороги распоряжением правительства запрещены. Пойманных при попытке миновать таможню примерно наказывают.

Оберегать властям есть что. Одна только Мангазея Златокипящая ежегодно даёт до ста тысяч шкурок соболя на полмиллиона рублей. Доход, на тот период равный доходам царского двора... В начале XVII века весь бюджет России не превышает миллиона рублей, а одна только таможня на Бабиновском тракте даёт в казну 300-400 тысяч ежегодно. И так до 1753 года, пока взимание налогов на перевозку товаров в Сибирь не было прекращено.

Кроме этого, воеводы собирают с местного православного населения ясак «мягкой рухлядью». В 1623 году в грамоте Верхотурскому воеводе перечисляется полученный казной сбор: «до нашего ясаку 50 сороков 15 соболей, 6 сороков 22 куницы, 29 выдр

Царь Алексей Михайлович «Тишайший» (1629-1676) — второй русский царь из династии Романовых. Правил в 1645-1676 гг.

По нашему указу поморских городов торговли и промышленным людям морем в Мангазею ходить не велено. А ведено им ходить через Сибирские города и через Камень... А буде которые русские люди пойдут в Мангазею дольним морем и угнут с немцами торговати помяну нашего указа, а тем их непослушанием и воровством и изменою, немцы или какие иные иноземцы в Сибирь дорожку отыщут, тем людям за их воровство и за измену быти казненными злыми смертью, а доли их велики раззорити до основания.

Царь Алексей Михайлович, из указа 1610 г.

Граница России и Сибири проходит за городом Соликамском, который лежит в трехстах милях от Москвы на большой реке Каме и является последним русским городом. Здесь дольшой камень ... отделил Россию от Сибири.

Возле этого камня или границы находится узкий проход, где русские содержатся, по приказанию царя, сильный дозорный пост, чтобы никто из русских без повеления царя не мог проникнуть в Сибирь из России или обратно. Этими-то проходами в горе попадают в первый сибирский город, называемый Верхотурье.

Альбрехт Доддинг.

«Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, прилежно наблюдая в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует».

В прошлых годах, по указам блаженные памяти деда нашего, Цесаря, великого государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича и отца нашего ... Алексея Михайловича, возили в Сибирь и на Верхотурье, соинные хлебные запасы из поморских городов — с Устюга Великого, от Соли Вычегодской, с Вятки с пригородов, с Чердыни, с Кайгородка, с Соли Камской, с Выли, с Еренского городка, с посадов и с уездов, с Сысольских волостей посадские люди и уездные крестьяне...

царь Фёдор Алексеевич

из грамоты Верхотурскому воеводе Ивану Фёдоровичу Пушкину да дьяку Димитрию Афанасьевичу от 24 июля 1678 г.

больших и малых, 68 лисиц красных..., сибирская разборная цена той рухляди 848 рублей 19 алтын 3 деньга...». Чтобы понять цену этим деньгам, скажем: строительство колокольни в Усолье полутора веками позже обошлось «всего» в 120 рублей.

Строительство тракта дало новый толчок и развитию Соли Камской. В 1613 году здесь учреждено воеводство. По переписи Кайсарова 1624 года в городе насчитывается уже 357 дворов. Именно в эти годы Соликамск, как уже было отмечено в самом начале книги, получает статус «поморского города». К таковым же, помимо Соли Камской, относились Устюг Великий, Тотьма, Сольвычегодск, Вымь, Яренск, Вятка, Чердынь, Кайгород.

Наименование «поморский город» было почетно и сопровождалось рядом привилегий в течение долгих лет. Например, спустя два столетия, в 1813 году случилась тяжба между Соликамским городским обществом и уездным судьёй Дубровиным по обвинению в захвате последним городских земель и вырубке лесов. Дубровины купили землю, но общество с этим не согласилось: «на основании звания Соликамска поморским городом, вся недвижимость в нем и вокруг него не может быть продаваема и покупаема посторонними». Дело рассматривала Пермская казенная палата и признала купчую недействительной — закон есть закон даже для судьбы!

Этот эпизод из соликамской истории напомнил нам другой, о котором мы уже говорили, случившийся в 1696 году. Тогда князь Тюфякин настолько «усердно» блюл закон, что нарезал соликамские общественные земли по Лёнве в пользу крупных землевладельцев Строгановых. Эх, если бы крупный вотчинник, при безусловном пособничестве властей, не чинил соликамскому посаду этикие бесчинства... Тогда не побили бы горожане воеводу Хилкова, и не сгнули бы полтора десятка «лучших соликамских людей» под Азовом.

И много чего нехорошего не случилось бы в соликамской и российской истории при должном уважении к закону, гражданским правам и справедливости... Поэтому-то совершенно неудивительно, когда на закон надежды нет, в обществе формируется совершенно выраженное стремление к милости кесаря или его представителя.

Взять те же лёнвенские промыслы Филатьевых и Шустовых, когда соликамский солевар Алексей Ростовщиков выступая на стороне «олигарха» Строганова, сознательно идёт против всего соликамского мира. Посадским же, которые близостью к сильным мира сего похвастать не могут, после мордобоя на воеводском дворе и проведенных арестов, остается сравни-

вать закон с дышлом — «куда повернул, туда и вышло» — и вновь утешать себя словами святого благоверного князя Александра Невского: «Не в силе Бог, а в правде».

А современным правдоискателям, потомкам ещё одного знаменитого Александра, приходится мириться с его печальным открытием: «На свете правды нет...». Наверное, Александр Сергеевич имел в виду исключительно «русский свет», потому как Европа иногда демонстрирует нам невероятные и немислимые для нашей действительности случаи торжества права. Правда, по большей части Европа нам не укаж.

Наблюдения за российской действительностью привели писателя М.Салтыкова-Щедрина в середине XIX столетия к безрадостному выводу: строгость отечественных законов компенсируется необязательностью их исполнения.

Сегодня на дворе уже XXI век, и острые замечания по этому же поводу молва приписывает живому классику отечественной сатиры М.Жванецкому. Сам Михал Михалыч пальму первенства у Михал Евграфыча отнимать не намерен, но своими монологами регулярно подтверждает, что в части исполнения законов ситуация за последние столетия не очень-то изменилась.

Но вернемся в золотой век Соли Камской. Пик которого наступил после 1636 года, когда сюда из Чердыни переведено административное управление Пермь Великой. Соликамск отныне — не только главная солонка державы, но и столица всего Урала.

За год через город Бабиновским трактом проходит несколько тысяч человек. Часть из тех, кто проходит, оседают в Соликамске и его уезде на жительство. За счёт иных город прирастает ремеслом и капиталами.

Отметившись и сбив для безопасности караваны возов в тридцать-сорок, купцы и «гулящие люди» отправляются из Соли Камской. Обозы по Государевой дорогой идут нескончаемым потоком.

Новая дорога в Сибирь непроста: она змеёй извивается между скалами, то поднимается к небесам, то круто, почти проваливаясь, сбегает по склонам седого Урала. Ямщики, чтобы при спуске тяжело груженные сани не покалечили лошадей, выпрягают их, а сами сани, чтобы те скользили медленнее, обвязывают ветками.

Об этой, одной из двух исконно русских бед, зримо проявившихся на Бабиновском тракте, Москва пеняет в грамоте сидящим в Чердыни воеводам.

Нежелание местных властей в ту пору приводить в порядок новую дорогу можно объяснить просто. Во-первых, на Руси царит Смута и московским властям просто не до соликамских дел — со своими бы разобрать-

На фотографии самая знаменитая мельница в истории. По легенде, она была сооружена под Подсдамом в 1746 году, а двумя годами позже прусский король Фридрих Великий решил тут же построить дворец Сан-Суси.

Для этого земли местных жителей были выкуплены, остался лишь участок мельника, который уперся: земля моя, что хочу, то и строю, и точка.

Король подал в суд, и проиграл. Так мельница и осталась стоять в парке императора как памятник прусской справедливости, главенства закона и равенства каждого перед ним.

Путешественник должен положить на лошадей свой багаж и свой провиант и так передвигаться в Сибирь через горы и скалы, так как здесь нельзя проехать ни с какой повозкой, так мала и узка пропитая здесь дорога; поэтому через леса могут проехать только одни сани, так что когда сани встречаются с дружили, сильнейший опрокидывает сани на бок, лошадей же толкают в снег, так что видны только их головы. Тогда проезжают мимо, после чего опрокинутые бывают принуждены с большими трудами извлечь из снега опять на дорогу их лошадей и сани».

*Эбергард Избранн Идес,
«Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695)».*

В 1624 году, отмечает Верхотурская летопись, через Соликамск проследовали 2022 человека, в 1626 году — 2500, в 1627 — 2370, в 1631 году — 3250 человек. Разумеется, речь идёт только о мужчинах трудоспособного возраста — женщины и дети учёту в те годы не подлежат.

Поток переселенцев за Камень на протяжении всего XVII столетия не спадает: в 1670 году проследовали 2051 человек, в 1692 год — 2496 человек.

Царь Борис Годунов (1552-1605),
правил в 1598-1605 гг.

Ма новаз дорога гищена и мосты мощены худо, пень сего не из кореня, и заломы по дороге великие, и гищена дорога уско, и мосты, которые бы мощены на речках и на ручьях, и в дозраках, весинною водою поносило, а на пръззях и на долах мосты испроломались, и выдвина той дороге великие..

*царь Борис Фёдорович,
из грамоты 1599 года.*

По сохранившимся записям, в декабре 1742 года по Бабиновской дороге было отправлено 40 подвод, в январе — 489, в феврале — 1743 года — 53, в марте — 292, в апреле — 32. Всего за зиму было привезено товаров, которые принадлежали торговым людям 37 городов и уездов, на 9666 лошадах.

ся. Поэтому вовсе неудивительно, что в ту пору в Чердынь назначены сразу два воеводы — Василий Головин и Иван Воейков. Видимо, чтобы и за хозяйством государевым, расширившимся благодаря открытию Бабинова до Верхотурья, глядели да друг за дружкой при этом присматривали. Правят воеводы, как могут, поскольку много сил отнимает присмотр за «напарником»: не «подсидел» бы да не донёс. Тут о себе, любимом, некогда позаботиться, не то что, о какой-то там дороге.

Здесь и возникает «во-вторых». Воеводы, промышляющие «кормлением», прекрасно понимают, что новый, мимо Чердыни путь в Сибирь, приведёт столицу Перми Великой к экономическому упадку. А значит, неминуемо пострадают и доходы воеводы.

Но, видимо, чердынские правители недооценили значение нового тракта для Москвы, поскольку двоевластие вскоре закончилось. Назначенный на их место Григорий Иевлев (Гиневлев) первым делом исполняет повеление царя — посылает с Бабиновым на ремонт нового тракта двух целовальников и посошных людей.

А вскоре в безлюдной тайге, которую новый тракт рассёк надвое, появились «ямы», населенные обслуживающим дорогу людом. В грамоте 1606 года об открытии Соликамского яма указывается, что великопермцы ежегодно должны поставлять для его содержания до пяти тысяч подвод.

Для решения проблемы с ямщиками в том же году в Соликамск с Вятки переселили сорок пять семей. Народец стал оседать вдоль дороги и по доброй воле. В основном это люди, бежавшие от Смуты. Словно грибы, прорастают на расстоянии дневного перехода деревни, раскорчевываются вокруг них площади под огороды и пашни, строятся постоянные дворы и церкви. К 1665 году по дороге от Соли Камской до Верхотурья уже стоит 33 двора оброчных крестьян.

ЛИК И ИСТОРИИ

Открытие Артемия Бабинова оставило яркий след и в облике промышленного Соликамска, превратив его и в город купеческий, город, где вращаются большие капиталы. Дорога не только обогатила город, по ней следовала в Сибирь и строительная традиция зодчих Великого Устюга, Каргополя и Тотьмы. Следовала, оставив на многие века свой отпечаток на лице города.

Белокаменные храмы в стиле северного барокко вокруг центральной городской площади, откуда берет начало Сибирский тракт, — не только символ богатства и зажиточности Соликамска. Его каменные церкви и монастыри — важнейшие атрибуты русской государственности и духовной культуры.

Потребовалось менее полувека на рубеже XVII-XVIII веков, и на берегах Усолки выросло более десятка надежных, крепких зданий, ставших сегодня памятниками отечественной архитектуры и строительства. Каменных дел мастера возвели в Соликамске редкий по красоте архитектурный ансамбль, донесший до нынешних поколений само дыхание истории...

*Гершен Канторович,
архитектор, «Заслуженный работник культуры РФ».*

Но как не сидится путнику, так и городу не стоит на месте. Так и рвутся они за круг, за очерченные границы. Видите, церковь Иоанна Предтечи, выстроенную в селе Красное, которое сегодня поглощено городской застройкой? Достаточно одного внимательного взгляда, чтобы увидеть в ее облике парусник с мачтой-звонницей, — символ неумолимого движения православия на восток. А Соборная колокольня на центральной площади города — словно маяк словно свет в пути, ожидающий возвращения русского помора домой после долгих странствий и скитаний по бескрайней Сибири.

Так Бабиновская дорога стала и важнейшим миссионерским путём. Одним из первых в 1604 году им проследовал священник Иона — основатель первого за Уралом Верхотурского Свято-Николаевского монастыря.

По этой дороге прошёл и будущий небесный покровитель Урала и Сибири — Святой Праведный Симеон Верхотурский. Этот удивительный святой мог проявиться только здесь, на меже, совсем не похожий на окружающих его соплеменников. Не вой, не великий реформатор или искатель приключений, а скромный портной, который промышляет каждодневно трудом своим, уповая на Всевышнего...

Именно после перенесения в 1704 году мощей Симеона Верхотурского в Свято-Николаевский монастырь Бабиновская дорога в православном сознании приобретает новый, сакральный, смысл паломнического пути. Особенное внимание к духовному смыслу дороги важно для понимания того, как подвижничество и вера отдельных людей смогли преобразить весь облик этих земель и превратить их в «духовно обжитую» часть России.

А полутора веками ранее, осенью 1653 года государевым трактом проследовал сосланный в Тобольск протопоп Аввакум — духовник боярыни Морозовой. Гонимый клиром и властью, глава русского старообрядчества в ожидании установления санного пути до Верхотурья провёл в Соликамске два месяца. Вслед за своим духовником через Соль Камскую ринулась и его паства.

Неисповедимы пути Господа! Свои же пути человек ведает, сам их назначает и даже прокладывает, бывает, что и другим скатертью путь раскинет. И всё-таки, цели и смыслы людских дорог, намерений и заблуждений не всегда ясны идущим и ищущим, лишь время откроет их значение, определит их со-причастность высшему промыслу.

Православие, в своём движении на восток, принесло немало блага и пользы: бескрайние просторы, населённые дикими племенами, становились частью культурной и просвещённой цивилизации, причём, частью весомой и значимой для самой же этой цивилизации, — словно новая сильная кровь для стареющего рода.

Но под силу ли нам оценить масштаб потерь в самобытном духовном развитии местных народностей, ассимилированных в чуждую им социальную и религиозную среду? Последствия действительно благих намерений до сих пор тянутся к двум противоположным полюсам. Так называ-

Симеон Верхотурский (Симеон Меркушинский; ок. 1607—1642) — святой Русской православной церкви, почитается в лике праведных как небесный покровитель уральской земли.

Согласно житию, Симеон имел дворянское происхождение, но оставив дом пришёл в Сибирь, где вёл жизнь странника, скрывал своё происхождение. Большую часть жизни в Сибири провёл в селе Меркушино (около 53 км. от Верхотурья) и его окрестностях.

Летом Симеон уединялся для молитвы, добывая себе пропитание рыбной ловлей. Зимой он занимался пошивом шуб для крестьян в сёлах Верхотурского уезда. Отличался нестяжанием и чтобы не получать платы, он оставлял одежду недошитой и уходил из села.

Вёл проповедь христианства среди вогулов.

Соликамск, старообрядческая церковь Василия Великого, 1992 г.

«Путешествие Аввакума по Сибири». (С. Милорадович, 1898 г.).

Аввакум Петров (Аввакум Петрович Кондратьев; 1620/21 — 1 апреля 1682) — протопоп города Юрьевца-Повольского, противник богослужбной реформы Патриарха Никона; духовный писатель.

Автор 43 сочинений, в том числе знаменитого «Жития протопопа Аввакума», родоначальник новой российской словесности, вольного образного слова, исповедальной прозы.

Аввакум занимает одно из первых мест в ряду приверженцев старины и стал одной из первых жертв преследования, которому подверглись противники Никона. Свою жизнь окончил в Пустозёрске, где был сожжен вместе с единомыслителями.

Старообрядцы во всех своих размышлениях исходили из того, что, во-первых, на земле не существует долгие истинных православных государств, кроме России. И более того, Россия — единственное и последнее православное царство («и четвертому не бывать»). Во-вторых, прекратившие свое существование православные государства передали какую-то «благодать» России.

*М.В. Лужин,
«Представление об истинном православном царстве в памятниках старообрядческой книжности XVIII века».*

емым «малым» народностям и национальным округам Севера, Урала, Сибири не выжить без опоры на сильное плечо старшего брата, жалко только, что меньше стало на этих территориях самостоятельных и уникальных обычаев, традиций, языков. Многие из этих сокровищ сегодня вновь восстанавливают, собирают по крупицам. Но удастся ли вернуть утраченное в первоизданном богатстве, удастся ли вспомнить и разгадать отвергнутое и забытое?

Русская церковь в своей духовной миссии и сама не смогла сохранить внутреннего единства и непротиворечия. Реформы Никона и Великий раскол — наглядный пример подавления инакомыслия.

Будь ты хоть трижды Галиллей, хоть Аввакум, не смей быть против. Жестокое гонение старообрядцев спровоцировало их массовый исход.

Но худа без добра не бывает, как впрочем, и наоборот... Тысячи православных, отстаивая свое право на вероисповедание и свободу мировоззрения, обрели в наших краях дом, возможность жить и продолжать свой род, растить детей по своим заповедям. Эти заповеди и для других полезным примером оказались: старообрядцы хоть и живут замкнуто, но среди местного населения уважение вызывают и почитаются как люди высоконравственные, набожные, мудрые, хранящие духовное наследие отцов как зеницу ока, что и помогает им беречь Веру и внутреннюю гармонию в наш век безверия и суетного беспокойства.

Здесь природа сурова и словно специально создана для аскетической жизни, для возвращения духовного совершенства вопреки телесному

комфорту. Однако и с голоду не даст умереть любому, кто не боится работы и солёного пота.

Много дорог и тропинок переплелось, перепуталось вокруг Соли Камской. Всё перемешалось и слилось на этой терпеливой земле: народы, религии, убеждения, смыслы. Всё приняла и впитала в себя местная культура, порой и истоков не разберёшь. Мудрая наша земля не терпит человеческих распрей, горенье земных страстей здесь гасится тяжестью выживания, острые углы в умах и чувствах сглаживаются солёной влагой трудового пота, рассольные болота поглощают и топят стремительность необдуманных порывов и бесцельных ссор.

Здесь некуда торопиться. И нечего доказывать. Здесь всё может быть... Потому что это место встречи. Здесь длится и длится только одна битва — ангелов и демонов. И Бог смотрит сверху, и сам себе удивляется...

По дороге Государевой, по его воле, в Сибирь проследовали многие, по чьим именам мы изучаем историю Отечества. Эх, сколько народу тряслось по ней, окромя мятежного Аввакума, — впавшие в немилость царедворцы.

В 1728 году через Соликамск в Берёзов проследовал опальный Меншиков.

Алексашка — сын придворного конюха, начавший свою головокружительную карьеру с денщиков. Он же — светлейший князь, крупный военачальник, обладатель высших чинов, званий, должностей и несметных богатств, ближайший сподвижник почившего императора...

Один как перст

«Меншикова, Меншикова привезли!», — новость молнией разнеслась по Соликамску. Казалось, посмотреть на развенчанного сподвижника Пётра I к дому воеводы сбежался весь город. Страшно и любопытно одновременно — ближайший сподвижник царя-реформатора, перевернувшего весь стародавний уклад российской жизни.

Лишенный всех чинов и регалий, овдовевший уже в дороге под Казанью, Меншиков не замечал всеобщего внимания к своей персоне. Не отрываясь, он смотрел из окна на возвышающуюся над приземистым, словно прибитым к земле, Соликамском колокольню. Её силуэт, своими линиями повторял покинутую столицу и его одинокую гордость.

Долгие годы и он так же, в гордом одиночестве, возвышался при царе-реформаторе, которому был обязан всем. Затем уже, будучи регентом при Петре II, он стал фактическим правителем Государства Российского. А перед этим в удачно обставленном завещании умирающая Екатерина дала «добро» на обручение юного венценосца с дочерью светлейшего Марией. Тогда Александру Даниловичу казалось, что всё, дело в шляпе, — править его потомкам на русском престоле...

Кто бы знал, какой позор ему пришлось пережить за ради это-

Июля 25 везен мимо Соликамска в свьску Александр Меншиков с детьми, с сыном и дочерьми, и преждедвниая одрученна невеста Мария Александровна императору Петру II.

Портрет Светлейшего князя А.Д.Меншикова. (Неизвестный художник, ок. 1725-27 гг.).

Александр Данилович Меншиков (1673-1729) — светлейший князь Российской империи, Священной Римской империи и герцог Ижорский, первый член Верховного Тайного Совета Российской империи, президент Военной коллегии, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга, первый российский сенатор, полный адмирал, генерал-фельдмаршал, генералиссимус морских и сухопутных войск.

Дворец Меншикова находится на Васильевском острове, который Пётр I подарил первому генерал-губернатору Санкт-Петербурга.

На строительство дворца, которое началось в 1710 году, Меншиков, благодаря своей власти, привлекает лучших архитекторов того времени: Фонтана, Трезини, Растрелли, Леблона.

Даже царь сам использовал дворец для приёма послов; здесь же проходили и знаменитые «петровские ассамблеи».

После ссылки Меншикова по указу Анны Иоанновны во дворце с 1731 года разместились Сухопутный шляхетский кадетский корпус.

Орден Св. Екатерины, которым был пожалован сын А.Д.Меншикова Александр.

го... Его сыну, наследнику Александру Весёлой императрицей за слишком женственным нравом был пожалован орден Святой Екатерины! Орден, коим в империи награждали исключительно великих княгинь и дам высшего света! Но попробуй-ка откажись от царской милости. Особенно, если с будущим дочери связаны такие планы, что даже у него, человека, привыкшего к почти абсолютному всевластию, дух захватывало!

— Что это у тебя, батюшка мой, тут написано? — пытались превзойти друг друга в остроумии придворные недруги светлейшего, поднося лорнеты к самому банту, к которому сей крест был привязан. — Дай-ка, дружок, глянуть... Ах, вот оно что, — растягивали они многозначительно по слогам, — «За лю-бовь и Оте-чест-во!»

И если Меншикова-младшего такое внимание заставляло пунцоветь, то отец от стыда готов был провалиться на месте. Этот орденский девиз прожигал сердце князя Священной Римской империи насквозь словно розовая лента была переброшена через плечо его, а не сына. Из-за латинянской надписи финифтью на обратной стороне ордена: «AQUAT MUNIA COMPARIS» («Трудами сравнивается с су-пругом») он, чертыхаясь, проклинал полузабытый язык. Знал бы тогда Александр Данилович, какие невзгоды обрушатся на него через год, не гневил бы небо...

Всё рухнуло в одночасье, мин хериц! Ох уж эти Долгорукие — злейшие враги Меншикова! Так и не смогли простить ему простолудинства. Быстро же после смерти Петра вошли они в силу при дворе...

Сам-то князь Василий Долгорукий, крестный Елизаветы Петровны, за то, что примкнул к сторонникам царевича Алексея Петровича, был сослан в этот же самый Соликамск за измену. Четыре года потребовалось Екатерине, чтобы Пётр I, вняв уговорам, в честь её коронации в 1724 году призвал Долгорукова в столицу, вернув чины и звания. После смерти мужа царица пошла ещё дальше: назначив его главнокомандующим войсками на Кавказе. А позднее произвела в фельдмаршалы и назначила членом Верховного тайного совета.

И вот теперь здесь, в захолустном Соликамске, он, — первый губернатор Санкт-Петербурга, герой Полтавы, генералиссимус! Но даже он не знает, сколько времени потребуется, чтобы быть возвращенным ко двору. Времена после смерти Пётра-благодетеля наступили другие...

Но одним Долгоруким Меншикова было бы не одолеть. Интриги против него плели и другие верховники во главе с вице-канцлером Остерманом. И стоило светлейшему заболеть, как его тут же отправили в отставку, а теперь и подалее от столиц — в Тобольскую губернию.

Всматриваясь, как в зеркало, в накренившуюся колокольню,

Меншиков пытался понять, когда же его казавшееся непоколебимым величие пошатнулось?!

Нет, прав, все-таки был его дед: высоко летать — больно падать.

...Через день Меншиков в сопровождении караула отбыл в Березов. Когда окончилась Верхотурская улица, светлейший князь обернулся и бросил прощальный взгляд на звонницу. Так они и смотрели друг на друга, пока не потеряли из виду...

Впереди лежала Сибирь, которая Меншикова, впрочем, страшилась куда менее, чем холод забвения...

Тринадцать лет спустя, в 1741 году, через Соликамск в ссылку проследовал другой фактический правитель России — Эрнст Иоганн Бирон, герцог Курляндский. Говорят, и он, низвергнутый с высоты былого величия, начинал свое восхождение при дворе с конюшенных. Камергер, морганический супруг правившей десять лет Россией Анны Иоанновны, прозванной в народе «кровавой», отец её детей...

В Соликамске, в ожидании, пока замерзнет дорога, поверженный регент и фаворит провел почти неделю.

В отличие от Меншикова, о Бироне в Соликамске после его отъезда старались не вспоминать. В России этого «немца» не любили, да и возок его прибыл в Соль Камскую и отбыл из неё настолько незаметно, что если бы не офицер стражи, отмечавший в городском магистрате подорожную, то даже и соборная звонница, несмотря на завидный рост, вряд ли стала бы свидетельницей заката звезды бироновой.

А всего через несколько месяцев в Соликамск на «вечное поселение» прибыл уже известный нам франт Левенвольде — соперник Бирона при дворе. Но это был тот редкий случай, когда борьба двух высокопоставленных вельмож была не политической и не кровопролитной.

При дворе Анны Иоанновны противоборствовали две моды. Всесильному Бирону, обожавшему нежно-пастельные тона — от розового до небесного, противостоял Левенвольде, утверждавший, что одежда мужчины должна быть обшита чистым золотом.

К слову, позиция Бирона в большей степени отвечала интересам поданных, ибо не ввергала дворянство в расточительное щегольство. Можно по-разному относиться к этому временщику, но именно Бирон стал жестоко преследовать роскошь при дворе, велел вельможам шить платье из ткани не дороже четырёх рублей за аршин.

Но это будет позднее, в краткий период его регентства, а во время правления Анны Иоанновны господствовала роскошь в духе Левенвольде, хотя и безвкусная, стоившая громадных издержек. Все поголовно разорялись на нарядах, стоивших целые состояния. Но вряд ли бедность могла бы страшить их обладателей больше, чем уже известная нам драматическая судьба придворного модника.

Эрнст Иоганн Бирон (1690-1772), политический деятель, герцог Курляндский, регент при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче (в 1740 г.).

Роскошь в духе Левенвольде.

1
2 | 4
3

1. Здание железнодорожного вокзала г.Соликамск.
2. Памятная доска.

3. Прибытие первого поезда на станцию «Соликамск».
4. Современные поезда.

Ба БИНо в И ро БИНз о Н

В разные времена ехали по Государевой дороге люди и по своей воле. Что не имя, то история — Ганнибал, Татищев, Беринг... И история эта настолько связана с Бабиновкой, что порой трудно отделить правду от вымысла...

В 1704 году на Государеву дорогу ступила нога Робинзона Крузо. Великому путешественнику уже под семьдесят, гибель верного туземца Пятницы потрясла его, но он по-прежнему исполнен энергии, предприимчивости и мужества.

И если герой произведения Д.Дефо — плод писательской фантазии, то дорога, по которой он добирался до милой сердцу Англии из Китая, существовала на самом деле.

Простим великому путешественнику неточность при месторасположении Соликамска относительно Камы. За десять лет и девять месяцев путешествия можно и не то напутать. Тем не менее герой Дефо точно подмечает: первому европейскому городу шика и лоска явно недостаёт. Влияние дикой природы и диких нравов проявляется в Соликамске начала XVIII века во всем.

Это-то нас и интересует более всего: откуда у английского писателя довольно точные описания Соликамска?

Некоторые исследователи допускают, что сам Дефо, состоявший одно время на секретной службе британской разведки, бывал в России. И если это так, то наверняка далеко не все наблюдения Дефо о петровской России, отражены в романе писателя-авантюриста, одно время оказывавшего большое влияние на английского короля и правительство.

Наконец, переправившись через Каму, которая в тех местах служит границей между Европой и Азией, мы вступили в Европу; первый город на европейском берегу Камы называется Соликамском...

Мы думали увидеть здесь другой народ, другие обычаи, другую одежду, другую религию, другие занятия, но ошиблись; нам предстояло пройти еще одну обширную пустыню, тянувшуюся двести, а в иных местах семьсот миль. Эта мрачная местность мало чем отличалась от монголо-татарских областей; население, большей частью зырянское, стояло немногим выше американских дикарей: их дома, их юрты полны идолов, образ жизни самый варварский; исключение составляют только города и близлежащие селения, жители которых являются христианами или мнимыми христианами греческой церкви, но религия их перемешана со столькими суевериями, что в некоторых местах едва отличается от простого шаманства.

Даниэль Дефо,
«Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, охватывающие изложение его путешествий по трём частям света, написанные им самим».

Творец бессмертной книги об искателе приключений Робинзоне Крузо признавался, что королева Анна использовала его для «некоторых почетных, хотя и секретных услуг». Это было сказано слишком скромно, ибо Даниель Дефо — один из крупнейших профессионалов секретной службы. Эта сдержанность, о которой любознательное потомство может только сожалеть, и является доказательством того, что Дефо должен стоять в первых рядах тайных эмиссаров.

Ричард Уилмер Роуан,
«Очерки секретной службы»

«Спасите меня от моих друзей». Карикатура времён Большой игры. Афганский эмир Шир-Али между Россией (медведь) и Англией (лев).

Большая игра — термин, введенный в широкий оборот британским писателем Редьярдом Киплингем в романе «Ким»: «Now I shall go far and far into the North, playing the Great Game...» — «я продвигаюсь всё выше на Север, играя в большую игру...» относительно действий Великобритании на Востоке в отношении Российской Империи.

Опасаясь распространения влияния России в Центральной Азии, британцы пытались всеми возможными военными, дипломатическими, экономическими способами, как явными, так и скрытыми, обезопасить северные подступы к принадлежавшей им колониальной Индии.

Коли это так, то при желании в романе уже можно разглядеть намёк на те политические реалии, которые спустя почти два столетия земляк Д.Дефо и его собрат по перу Р.Киплинг в своем романе «Ким» назовет «Большой игрой».

А «Большая игра» длилась с переменным успехом на протяжении XX столетия — Средняя Азия, Индия, Афганистан, Ближний Восток. Продолжается она и до сих пор. Правда, в свете событий последних десятилетий, позиции России в этом регионе ослабли. Да и Британская империя свое место в этой «игре» уступила Североамериканским Штатам.

Никто, пожалуй, кроме лидера отечественных либерал-демократов Владимира Жириновского, так до сих пор и не знает, за кем будет победа в «Большой игре». «Русский солдат ещё будет мыть свои сапоги в Индийском океане!» Эта крылатая фраза Владимира Вольфовича греет душу нашим соотечественникам, в ком живы имперские амбиции. Но большая политика пусть остается «большим игрокам», а мы вернёмся к Робинзону.

Исследователь русской и западноевропейской литературы академик Михаил Алексеев был убежден, что Дефо всё-таки не бывал в России. Но для написания своей «Робинзонады» он использовал впечатления путешественников, книги и дневники русских послов, следовавших в Китай по Бабиновской дороге.

Кстати, о посольствах в Китай, которые с середины XVII века шли через Соликамск. В 1674 году купец Гаврила Никитин, по некоторым источникам именуемый, как купец соликамский, достиг с торговым обозом Пекина. Он первым из русских торговых людей и привел на Москву караван с товарами из Поднебесной, пройдя через монгольские степи, которые до этого считались непроходимыми. И было это за три десятилетия до Робинзона.

В этом же году для установления прямых торговых связей в Москву прибыла делегация из Пекина. До этого торговля между двумя странами велась через посредников — среднеазиатских купцов.

Водить караваны оказалось делом более чем прибыльным, и уже в 1679 году капитал Никитина превысил 20 тысяч рублей — деньги по тем временам

огромные! Сам же он, царской милостью именуемый уже не иначе как, по отчеству — Гаврила Романович, числится среди самых богатых купцов России.

Люди, выбирающие дороги... Дороги, выбирающие людей... Артемий Бабинов — поморский человек, вож, культурный герой Соли Камской; Робинзон Крузо — тоже герой, правда, авторского вымысла, представитель нарождающейся в Европе новой капиталистической формации. С высоты нашей колокольни один скрывается в тумане прошлого, другой — зримо предстаёт благодаря литературной фантазии. Наша память стирает границы между явью и неявию. Впечатления от бытия снов уравниваются в сознании с впечатлениями от реальности, замкнутой в небытие прошлого. Каждый образ сохраняет в себе частичку нас самих, нашего сознания как единственной реальной действительности.

Приглядимся, дороги наших героев противоположны, но не только в географическом смысле.

Робинзон во второй, куда менее известной, книге о его приключениях, успешно покорив и освоив новые земли, подчинив себе их богатства, идёт на запад, спешит доставить свой багаж домой, обогатить британскую корону чужими сокровищами и новыми трофеями в будущей колонизаторской войне со всем остальным миром. Замкнуть весь мир вокруг империи, вести отчёт от Гринвича — в этом и есть смысл «Большой игры».

А неграмотный посадский человек Бабинов спешит от родного порога на восток, «встречь солнцу», в поисках своей удачи и земного рая для людей. Бабинов размыкает пространство, задавая новый ритм и ход времени. Его дорога, стирая границы материков, религий, культур, порождает вихревое и прекрёстное движение во всех направлениях на неведомой и неподвижной когда-то территории. Так Соликамск открывает новые миры и новым мирам открывается.

Караван китайских купцов.

Что касается Соликамска, то он получил свое название от соли, которая здесь добывается, а также от реки Камы. ... Здесь вываривается много соли из воды, выгнываемой из источников; источников здесь очень много, поэтому когда выезжают к городу из лесу, то вид его производит впечатление, будто здесь стоят много сот кораблей с их мачтами, благодаря черпакам, которыми черпают воду, и я очень подивился природе почвы, так как через город течёт небольшой ручеек пресной воды, рядом с солеными источниками. Я видел источник с соленым песком в ручье, из которого соль добывается, но ручей имеет сладкую и очень приятную воду.

Впрочем, весь нижний город расположен на соленом грунте; благодаря соли много рабочих получают здесь заработка, и здесь хороший торг на всякие жизненные припасы и хлеб.

*Эбергард Избрант Идес,
«Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695)».*

Маршрут посольства Идеса в Китай (с карты, помещенной в первом голландском издании записок Идеса).

сад у д о р о г И

*pet. (1741) etque celeberrimo
Linnæo
August. Soc. Archæol.
Soc. Bot. Upsal. scandinav. et et
Acad. Socie
S. P. D.
Grigori d. Demidoff.*

Истории угодно было распорядиться, что через три десятилетия после героя Дефо по Бабиновской дороге туда и обратно проследовал реальный «робинзон» — учёный-энциклопедист Георг Вильгельм Стеллер, спутник легендарного Беринга, один из первооткрывателей Аляски. Мы больше слышаны про «стеллерову корову», вымершее морское животное, которое учёному удалось видеть и нарисовать. Но благодаря Стеллеру Соликамск прогремел на всю Европу, превратившись в XVIII столетии из родины вечнозеленых помидоров, в райский сад.

...А началось все с того, что летом 1731 года промышленник Григорий Демидовов в селе Красном под Соликамском закладывает ботанический сад. То ли из баловства, то ли желая усыпать жизненный путь только что обручённой с ним Настасьи Суровцевой розами, сейчас никто уже не скажет. Наследник великого капитала, а в годы расцвета Демидовской империи семье на Урале принадлежало пять с половиною десятков горных заводов и заводиков, и вдруг — на тебе — лютики-ромашки... Не удивительно, что вскоре в Соликамск пожаловал разъяренный родитель.

По началу Григорию даже удалось ввести отца в легкое замешательство. Зная, что авторитет царя-реформатора для Демидова-старшего непререкаем, он как бы невзначай обронил, мол, сам Пётр, ещё в 1704 году заложил в Санкт-Петербурге по собственным чертежам Летний сад.

Отец даже кивал головой, когда сын рассказывал, как в 1724 году царь распорядился сыскать в окрестностях Соликамска для своего столичного детища «1300 кедров разного размера». Но когда тот проговорился, что доставка одного такого дерева в Петербург казне обошлась в 13 рублей с половиною, Акинфий Никитич проявлять понимание тут же перестал:

Сам Пётр насадил этот сад, поливая из собственной лейки редкие деревья, медоносные калужеры, мяты; из Соликамска царь выписал сюда кедров, из Данцига — дарбарис, а из Швеции — яблони; понастроил фонтанов.

*Андрей Белый,
роман «Петербург».*

— Чудил государь, благодетель наш, царствие ему небесное. И ты себя с им не равняй! — поставил он жирную точку в дискуссии, поскольку его, демидовское, полосовое железо продавалось в Петербурге по рублю с полтиною за пуд. Поэтому-то в «ботанических изысканиях» среднего сына главы могущественного клана видел подтверждение народной поговорки «в семье не без урода» и бесцельное мотовство.

И то правда, вместо того чтобы делом заниматься, производство металла развивать, славу и богатство империи, а заодно и семьи своей, преумножать, сей нерадивый отщепенец решил в доморощенных кущах мечтам предаваться и заморские овощи разводить. Гнев Демидова-старшего понять легко.

Демидовым такое сумасбродство не пристало. Эта фамилия достигла расцвета благодаря жёсткой и рациональной системе хозяйствования, в центре которой интересы дела, капитала, прибыли. Природа, покорённая и вписанная в колесо производственного процесса горного завода, в русле такой стратегии самостоятельной ценностью не признаётся. Ценность природы соразмерна ресурсам, которые можно добыть и отработать. Таково отношение к человеку, земле, горной выработке: коэффициент полезного действия довести до максимума, выжать все соки, не упустить ни рубля. А после — не церемониться, бросать, уходить без оглядки на новое место. Благо, денег и на новые заводы и на новых работников предостаточно. Не потому ли так много брошенных, мёртвых зон и по сей день оставляет по Уралу заведённая и пущенная здесь когда-то горнозаводская машина.

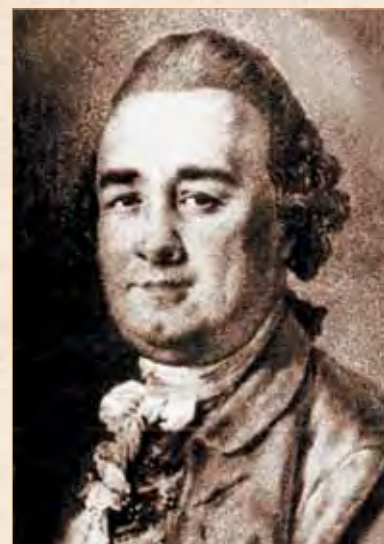
Совсем иначе ведут своё соляное хозяйство не менее удачливые конкуренты Демидовых — Строгановы. Много, конечно, связано со спецификой промысла: там — металлургия, а здесь солеварение, привязка к месту крепкая. Старались брать то, что земля сама отдавала, производство интегрировали в природный ландшафт. Культурный свой вклад в освоение местности Строгановы понимают не как вторжение и завоевание, а как облагораживание природы, приращение к ней своих человеческих достижений. Поэтому не забывали и о людях, радели не о ломке, а об улучшении и их природы: обучали своих работников, создавали для них библиотеки, строили школы, больницы, покровительствовали творческим начинаниям и искусствам. Но и идеализировать этих именитых людей также не стоит. И мы уже знаем: было за что их соликамцам их не любить. Хищническое это было время первоначального накопления капитала, жестокое...

Возвращаясь к Демидовым, приходится признать: отбилась от своих Григорий-то, нарушил родовой порядок, по чужой дорожке, против отца пошёл. Осерчав на непокорного отпрыска, олигарх Акинфий Никитич выделяет ему на содержание небольшую сумму и завещает только несколько тысяч ежегодного дохода.

Да, не раз ещё сама жизнь красноречиво докажет: не перешибить человеку соликамского нрава, не раскатать вековой устойчивости. Слово сама природа и культурная среда города поглотили сознание Григория

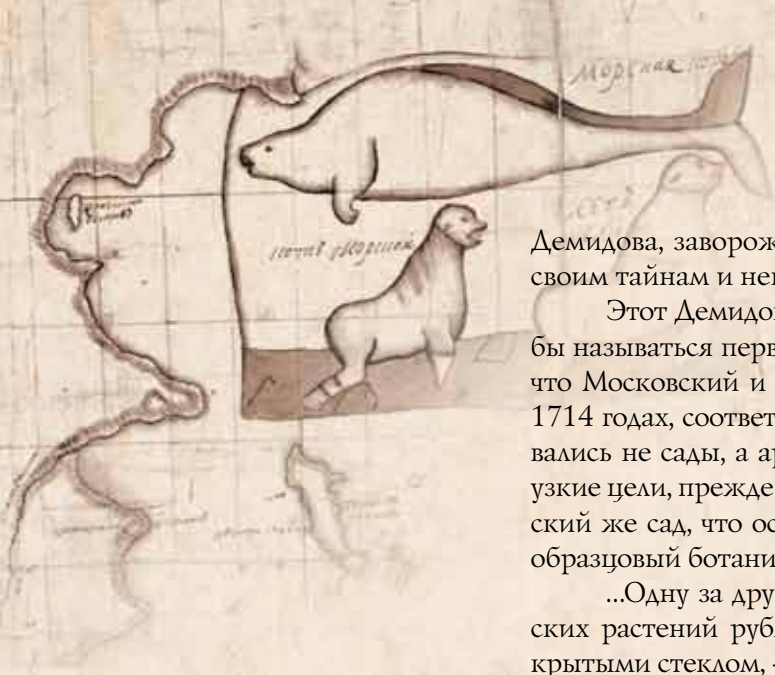

Герб рода Демидовых.

Григорий Демидов, основатель первого в России ботанического сада.

Демидова, заворожили и завлекли его мысли, заставили обратить взор к своим тайнам и непознанным возможностям. И он покорился...

Этот Демидовский ботанический сад по праву претендует на то, чтобы называться первым в России. Правда, некоторые специалисты считают, что Московский и Санкт-Петербургский возникли раньше — в 1706 и в 1714 годах, соответственно. Но в эти годы по указу Петра Великого создавались не сады, а армейские аптекарские огороды, которые преследовали узкие цели, прежде всего — разведения лекарственных растений. Соликамский же сад, что особо подчеркивают знатоки, изначально создавался как образцовый ботанический, и никаким другим не был.

...Одну за другой в имении возле села Красное, плотники для заморских растений рубят избы с невиданно широкими окнами и крышами, крытыми стеклом, — «ранжереи».

Всего за несколько лет Демидов собрал у себя почти всё, что растет интересного на Урале; появились и первые заморские диковинки. Соликамск, глядя на увлечение барина, дивится метелкам пальм, колючкам кактусов и прочим невиданным доселе в здешних местах цветочным высадкам и отросткам. Воды для полива этого ботанического разнообразия требовалось так много, что выстроено специальное, поднимающее воду прямо в «ранжерею», колесо.

Так бы все тихо-мирно, на уровне местного чудачества и оставалось бы, если бы в 1739 году в Соликамск не прибыла флотилия с припасами для второй «камчатской кампании» командора Витуса Беринга, которой суждено было подтвердить многие открытия экспедиции Семёна Дежнёва.

Естественноиспытатель Георг Стеллер за три месяца ожидания в Соликамске экспедиционных грузов не раз посетил ботанический сад, рассаживая и систематизируя собранные здесь растения. Он научил хозяина уходу за теплолюбивыми культурами, помог составить описание растений. Удивлению адъютанта российской Академии наук нет предела. Ещё бы! Первый в России ботанический сад, и где — на «севере диком», на широте, близкой к полярной ночи! В восторге от увиденного, учёный отписал о соликамском феномене великому классификатору природы Карлу Линнею в Швецию.

Линней потрясен известием о ботаническом саде на Урале и просит выслать образцы растений в его родную Упсалу. Демидов рад услужить обоим учёным и вскоре 118 видов уральских и сибирских растений прижилось в саду Линнея. А вскоре выясняется самое невероятное: ботанический сад у никому дотоле неизвестного соликамца обширнее, чем у самого знаменитого ботаника Европы!

Кроме полнейшей коллекции растений России, в оранжереях Демидова собрана великолепная гамма теплолюбивых растений из Южной Европы и Африки — около тысячи видов растений. Сад, «отличавшийся гигантскими кедрами и тропическими растениями, с прудами, кипевшими кормленой рыбой», поражал очевидцев.

Карл Линней (1707-1778) — шведский врач и натуралист, создатель единой системы растительного и животного мира. Описал около полутора тысяч новых видов растений (общее число описанных им видов растений — более десяти тысяч) и большое число видов животных. Член Королевской академии наук Швеции, Парижской академии наук и ряда других научных обществ и академий.

Одного только алоэ здесь произрастало семнадцать видов, восемнадцать — кактусов, агавы, амариллисы, пальма кариота, кофе, гиацинты, олеандр, лавр, мирт с Азорских островов, лимоны, бананы...

Нет, не случайно на памятной доске, установленной в 2001 году в Соликамске, её авторы — архитектор П.Карапетян и скульптор А.Ворона — изобразили соликамского ботаника-самоучку с ананасом в руках. В Соликамске выращивалось аж пять видов этого заморского фрукта, которые поставлялись к императорскому столу сначала Анны Иоанновны, а затем, и Елизаветы Петровны.

Придворные вельможи потрясены, завидуют неожиданно и не с того конца добытой Демидовым славе. Садоводческая лихорадка захватила едва ли не всю дворянскую Россию, «ранжереи» в поместьях растут как грибы после дождя.

Даже старший брат Прокофий начинает завидовать популярности среднего, и просит прислать ему в Москву отводки экзотических растений. Григорий откликнулся: для брата не жалко.

Так было положено начало второму по знаменитости отечественному саду после Летнего — Нескучному, где к 1786 году произрастало «4363 вида растения, да сверх каталога 3634 вида, всего 8000 видов растений».

Возвращаясь в 1746 году с Камчатки, Стеллер, помимо коллекций животных, минералов и гербариев, везет также образцы редких растений для ботанического сада Академии наук — четырнадцать ящиков на шести возах. Он рассчитывал прибыть в Петербург зимой или ранней весной, но к апрелю Стеллер смог добраться только до Соликамска. К этому времени многие образцы растений разморозились и начали портиться. Стеллеру ничего не остается, как остановиться в Соликамске и высадить саженцы — восемьдесят собранных им видов редких расте-

Памятная доска, установленная на церкви Иоанна-Предтечи в честь 270-летия первого в России ботанического сада, основанного Григорием Демидовым.

Нескучный сад — крупнейший ботанический сад в Москве основан Прокофием Демидовым в 17... году. Доступ в него был открыт, и он всегда был заполнен посетителями. Популярности сада способствовали эксцентричные выдумки хозяина. Например, однажды вместо гипсовых копий римских статуй он расставил на клумбах вымазанных мелом мужиков, которые окликали всех, кто осмеливался сорвать цветок. Слух о живых статуях взбудоражил Москву, в сад валом повалил народ. Тогда-то и возникло название — Нескучный сад.

Анатолий Калинин (справа), директор Соликамского ботанического сада, ведет экскурсию.

Благодаря уникальному положению Соликамска на Сибирском тракте в начальный период открытия и освоения азиатской части России, ботанический сад Григория Демидова помог сосредоточению научной мысли того времени не только в изучении растительных богатств России того времени, но и в определении статуса самых значимых, существенно опережающих свое время учреждений науки и культуры.

*В.М. Свалов,
«Вестники старого ботанического сада. Соликамск».*

ний в саду Демидова. Ему кажется, что климат Предуралья близок климату их родины.

Демидов принимает интересного путешественника ласково. Создает условия для его научных экскурсий по Предуралью. Листы-дублеты его камчатского гербария помогает отправить Карлу Линнею. Весну и лето Стеллер исследует флору Прикамья, присматривает за растениями, высаженными им в саду Демидова.

Георг Стеллер умер в том же 1746 году. В 1761 году скончался Григорий Демидов. С его уходом стало хиреть и сдавать свои позиции и садовое дело в Соликамской. В собственности рода Демидовых сад находился до 1772 года, когда вместе с селом Красным и именем его продали заводчику Алексею Турчанинову. А окончательно сад прекратил существование в 1810 году — после раздела наследниками Турчанинова имения.

До наших дней не дожили ни сад Григория Демидова, ни его усадьба, ни имение Красное. На их месте вырос одноименный селу жилой микрорайон Соликамска. Лишь церковь Иоанна Предтечи, на стене которой прикреплена памятная доска, где Демидов с ананасом в руках, напоминает о прежнем саде да разбитый на шести с половиной гектарах вдоль Усолки питомник-дендропарк.

д о р о г а в б у д у щ е е

Уже несколько столетий в Сибирь ведет новый, более удобный путь, пролегший в 1763 году южнее Соликамска, — через Екатеринбург. И сегодня Бабиновская дорога позаброшена, на некогда оживленном тракте царят разруха и забвение. Только историческая память хранит в летописях или устных преданиях бывшее величие Государевой Бабиновской дороги...

И если вы захотите проследовать по ней, то вас может постигнуть разочарование. Никто уже не спросит с вас подорожной грамоты, да и от самой дороги почти ничего не осталось.

Раньше, чтобы осилить первые три десятка километров — от Соликамска до Верх-Усолки, путнику порой не хватало светового дня, а сегодня по дороге, закатанной в асфальт, на это уйдет полчаса. От родины Артемия Бабинова осталась лишь полуразрушенная трехъярусная церковь. За ней цивилизация и проезжая дорога заканчиваются. Даже вездесущий уазик не способен осилить следующие тридцать верст до Верх-Яйвы.

Сегодня в Верх-Яйве никто не встретит случайного путника. Но уже почти четыреста лет живет предание, что здесь, на левом берегу реки по правую сторону дороги, выходящей из села в Сибирь, под приметным камнем и похоронен соликамский вож.

Зато перед Верх-Косью, если, конечно, туда доберетесь, вы наткнетесь на осколок истории — остатки гати. Огромные тесаные бревна, уложенные около века назад, видимо, плененными на полях Первой мировой австрияками, турками или курдами, лежат плотной шеренгой, подогнанные друг к другу. С последней четверти XIX века и до революции участок Бабиновской дороги использовался как земский почтовый тракт. В годы Гражданской войны здесь проходил самый северный участок Восточного фронта, получивший название Косьювенский фронт.

Члены московского автоклуба «Патриот 4x4» готовы отправиться в путешествие по Государевой Бабиновской дороге.

Виюле 2009 года двенадцать членов столичного клуба «Патриот 4x4» на пяти «уазиках» связали автопробегом «поморские» города: Тотьма — Великий Устюг — Сольвычегодск — Яренск — Соликамск — Киров (Вятка). Экспедицией «Государева Бабинская дорога» была поставлена задача, провести разведку и по возможности пройти маршрутом соликамского вож. Верх-Усолка — Яйва — Верх-Яйва — Чикман — Верх-Косью — Усть-Тыпыл — Кытлым — Верхотурье.

В ходе экспедиции была произведена историко-географическая реконструкция маршрута от Москвы до Верхотурья. За две недели «патриоты» прошли около 5000 км (по дорогам без асфальтового покрытия примерно 2000 км).

1
2

1. Особняк солепромышленников Рязанцевых
(втор. пол XIX в.).

2. Особняк последнего городского головы Николая
Михайловича Ксенофонтова (кон. XIX в.).

1
2

1. Здание городской администрации. Бывший дом купца Баранова (втор. пол XIX в.).

2. Здание бывшего уездного казначейства Соликамского уезда с почтово-телеграфной конторой (1905 г.).

1
2

1. Здание бывшего Духовного училища
г.Соликамска (втор. пол. XIX в.).

2. Особняк солепромышленника А.Н.Дубровина
(втор. пол. XIX в.).

1
2

1. Здание бывшей городской женской 8-классной гимназии с учительскими курсами (1912 г.).

2. Здание бывшей городской управы и женской прогимназии (втор. пол. XIX в.).

Борис Леонидович Пастернак
(1890-1960), русский и советский писатель.

Стояли города, села, станки. Город Крестовоздвиженск, станция Омельчино, Пажинск, Тысяцкое, починок Яглинское, Звонарская слобода, станок Вольное, Гуртовщики, Кежемская заимка, станция Казеево, слобода Кутейный посад, село Малый Ермолай.

Тракт пролегал через них, старый-престарый, самый старый в Сибири, старинный почтовый тракт. Он, как хлеб, разрезал города пополам ножом главной улицы, а села пролетал не оборачиваясь, раскидав далеко позади шпалерами выстроившиеся избы, или выгнув их дугой или крючком внезапного поворота.

В далеком прошлом... проносились по тракту почтовые тройки. Тянулись в одну сторону обозы с чаями, хлебом и железом фабричной выделки, а в другую прогоняли под конвоем по этапу пешие партии арестантов. Шагали в ногу, все разом позвякивая железом накандалников, пропащие, отчаянные головушки, страшные, как молнии небесные. И леса шумели кругом, темные, непроходимые.

Тракт жил одной семьей. Знались и роднились город с городом, селенье с селеньем. Вдоль всей этой линии первоначальные Советы давно были свергнуты. Некоторое время держалась власть Сибирского временного правительства, а теперь сменена была по всему краю властью верховного правителя Колчака

Борис Пастернак, «Доктор Живаго».

В это время по Бабиновской дороге вместе с войной следует главный герой романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго».

И это уже тоже в прошлом. Сегодня тракт, который совершенно зарос или, напротив, разбит лесовозами, представляется узеньким коридором в тайге, вдоль которого высятся, упираясь в самое небо, ели-великаны. Следуя по нему, то тут, то там натыкаешься на очевидные следы цивилизации: линии электропередачи, глубокие колеи, оставленные мощными авто, их же колесами искореженная бетонка, варварски выгрызенные проплешины в непролазной тайге, вывороченные драгой в поисках алмазов и золота внутренности матери-земли... Какая уж тут романтика!

Овеянная легендами, заброшенная в глухой тайге, Бабиновка из последних сил хранит местами свидетельства «старины глубокой» в виде следов стлани и останков промысловых изб и селений.

Правда, дорожная лихорадка не отпускает нас и сегодня. Мечты и идеи «поморства» долгим эхом откликаются и в наших стремлениях к горизонтам. К концу XX века в умах правителей России появилась мысль: проложить от Соли Камской новую дорогу на века — железную. Но уже не на восток, а на север. Эта магистраль свяжет Урал через Республику Коми с Белым морем. Отсюда и сложносокращенное название — «Белкомур», включающее в себя наименования всех трех регионов России, через которые должно пролечь железнодорожное полотно. Дорога соединит Сибирь через Соликамск с портами в Архангельске и Мурманске, сократив этот путь на восемь сотен километров, и поможет разгрузить существующие железные магистрали. Этот путь призван открыть невиданные прежде перспективы для Соликамска и Урала. Проект, стоимостью в 600 миллиардов рублей, включен в «Стратегию развития железнодорожного транспорта России до 2030 года».

А ведь попытки проложить «Великий Северный железнодорожный путь» из Сибири — от Оби к Архангельску — предпринимались ещё сто лет назад. Оно и понятно: водные пути на севере действуют максимум в течение пяти-шести месяцев. Между тем промышленное освоение Сибирского севера, его минерально-сырьевых ресурсов, его грядущая индустриализация требовали регулярного, непрерывно действующего транспорта. Им могла стать только железнодорожная магистраль, пересекающая север Сибири с запада на восток.

«Великий Северный путь» свяжет собой три океана и два материка. Он пройдет по всей Сибири — стране грандиозного будущего», — писал художник А.Борисов в 1928 году.

Александр Борисов — не только первый живописец Арктики, но и исследователь полярных земель, общественный деятель. Ещё в начале XX столетия, чтобы привлечь внимание общества к вопросу о постройке этого пути, он стал пропагандировать свою идею на страницах газет. А в 1915 году на свои средства провел изыскания для проектируемой железной дороги.

Губернатор Пермского края О.Чиркунов представляет проект «Белкомур» на инвестиционном форуме в Сочи (2009 г.) председателю правительства РФ В.Путину.

Казалось бы, «процесс пошел»: несмотря на тревожные сводки с фронтов Первой мировой, в ноябре 1916 года Особое межведомственное совещание по выработке пятилетнего плана железнодорожного строительства на 1917-1922 годы высказалось за включение проекта Борисова в план и скорейшее начало его реализации. Но в разрушительных вихрях революций, в которых гибла царская Россия, стало не до строительства.

Новая власть проявила к проекту Борисова большой интерес. 4 февраля 1919 года Совнарком признал «направление дороги и общий план её приемлемым», и откликнулся двумя постановлениями за подписью В.Ленина: «О Великом Северном пути» и «О предоставлении концессии на Великий Северный железнодорожный путь».

Однако планам так и не суждено было сбыться. Великие потрясения XX века ещё только начинались: Гражданская война, разруха, индустриализация, коллективизация. Затем — Великая Отечественная...

Дорогами разных войн нам с вами ещё предстоит пройти в следующей главе. Эти дороги не обошли стороной Соликамск. Как хотелось бы верить, что пути трагических испытаний остались в прошлом столетии...

Со своей колокольни мы всё смотрим и смотрим в даль прошлого. Мы увидели там волшебный город с крестами на высоких куполах, прекрасный сад у реки и дорогу, убегающую к солнцу. Город. Сад. Дорога. Ключевые, архетипические символы человеческого микрокосмоса, сформированные в сознании людей ещё очень древнего, античного мироустройства. Явления, необходимые для гармонии существования: работы и отдыха, возделывания природы и созерцания её красоты, умиротворенного покоя и неудержимого движения в поисках нового счастья. Подумайте только! В прошлом у нас с вами всё так и было! А сейчас... Слава Богу, наш город хранят небеса и земная любовь его жителей.

Демидовский сад мы не сберегли. Наследники больших капиталов — люди новой формации — его поделили и вырубали задолго до «Вишневого сада» Антона Чехова. Что ж, давайте возделывать новый. Сад — это наша

культура, наш духовный уголок. Судьба Григория Демидова перед глазами: может, не так уж и сложно освободиться от денежного гнёта, хоть иногда довериться волне своих творческих импульсов. Пусть кто-то ухаживает за дендрарием, кто-то ставит спектакли, кто-то пишет картины и музыку, мы вот тоже посадим своё дерево — эту книгу.

Теперь ещё вечное, пушкинское: куда ж нам плыть? По какой идти дороге, а главное — зачем? И снова перед глазами живой пример: ничего символичней и величественней в своём значении, чем дорога Артемия Бабинова, мы ещё не построили. Пока не повторилась ситуация, в которой бы полёт человеческой мечты, осознанная и понятая нутром общая необходимость и Божий промысел соединились в одном сердце, в одном проводнике-избраннике. Бабиновский тракт — это не просто дорога политических и торговых отношений, это — линия жизни, линия судьбы, — Соликамска, Урала, и всей России в мировой системе координат.

И всё же, если «посацкий человек» Артемий Бабинов с «двумя целовальниками и сорока посошными людьми» всего за два с небольшим года выстроил дорогу, связавшую две части света, то неужели нам, его потомкам, вооруженным опытом, знаниями, современной научной мыслью и мощной строительной техникой, «Белкомур» не осилить?!

Тем более что сроки, отведенные нам прозорливым Александром Сергеевичем, поджимают:

*Когда бланочу просвещенью
Отблещем обле граничу,
Со временем (по расчисленью
Философический табушу,
Дет чрез шдтьсот)
Дороги, верно,
У нас измкнётся безмерно:
Иосе России здесь и тут,
Совинив, персекут.*

А.С.Пушкин,
роман «Евгений Онегин».

ДЕВКИ В ОЗЕРЕ КУТТАЛИСЬ

*Судьба лугурской коллектив — это не только конская производственная сила, но и батаса баймаков, которые даруются калочаюм тайной фров, что страшно и восторгает потом.
Но есть скакала — то хотели, как лучше. И тогда годков не прошло с тех пор, как Ортюшка Бабинов разведил тайную вогульскую тропу и за два года построил сотоварищи дорогу всего в двести тайных силт Артем. Шутка ли — в семь раз сократился путь через Уральский камень до Сибири, теперь безговы расстояния от Соли Камской до Верхотурья за три дня пролетает.*

...И десяти годков не миновало с тех пор, как Ортюшка Бабинов разведил тайную вогульскую тропу и за два лета выстроил в тайге сотоварищи дорогу в двести шестьдесят вёрст. И настолько тракт сей сократил путь через Уральский камень до Сибири, что теперь верховой расстоянием от Соли Камской до Верхотурья за три дня пролетает.

Такую дорогу, конечно, одним махом не осилишь. Она содержания требует: где гать настелить, где поваленное дерево убрать, да мало ли что? Для этих нужд Государь наш батюшка и повелел за дорогой следовать: чинить и чистить прилежно. А чтобы было где путнику лошадей сменить, да самому передохнуть, обогреться, велено ямы вдоль новой дороги ставить, а по ним людей селить. И бдеть за всем этим хозяйством царь поручил опять же первопроходцу — Бабинову.

Ну, конечно, без курьёзов не обошлось уже в первую зиму.

Большая часть нового Государева тракта в Сибирь пролегла через бывшие вогульские земли. Вот и пришла в голову Бабинову, который теперь иначе как на Артемия Сафонуца и не окликался, мысль самих вогулов и нанять на эти ямы. Ну не соликамских же солеваров туда ставить: их в леса пряником не заманишь, кнутом не выгонишь. А манси на своей земле всё знают, всё им ведомо. Так и поступил...

Летом-то ещё ничего было — обозы шли, верховые скакали, вогулы на ямах исправно меняли лошадей, представляли стол и кров. Но после Покрова тракт встал.

В Верх-Яйву, родовое гнездо Бабинова, примчал нарочный от купца Иртегова, застрявшего намертво с обозом на Чикманском яме.

— Чего пешкодралом-то? — спросил Артемий Сафонуц.

— Дак ведь не на чем больше, — развёл руками нарочный. — Хозяин ругается, вогула бьёт смертным боем, а ехать не можем.

— Поехали, — бросил, словно выстрелил, вож.

Обоз на Чикмане встрял накрепко: сани, заносимые снегом, стояли без лошадей. Из конюшен слышалось тревожное ржание, из большой избы доносилась уже ленивая басовитая брань.

Нарочный остановил Артемия Сафонуца, который пошёл уже было говорить с купцом, и повлёк его в конюшню.

На конюшне было чисто и шумно — лошади ржали, гневно топотали и чуть ли не человеческим голосом говорили: дайте жрать! Но как-то лошадок было маловато. Если обоз приехал и остановился отдыхать, лошадей должно быть побольше. А главное — запах. Пахло лошадиным потом, навозом — и всё...

— Мы давеча приехали, — повторял нарочный, — а тут ни лошадей, ни сена...

Бабинов крикнул и устремился на постоянный двор. В избе народу было не протолкнуться; пахло несвежими онучами, сбитнем, кашей. Ямской смотритель, вогул Елдан, сидел в дальнем углу и осторожно трогал заплывший фиолетовым глаз.

Артемий Сафонуц подошёл к нерадивому работнику, сгреб пятерней черные засаленные волосы и молча поволок на улицу. В избе примолкли. Бедный Елдан, учуяв неминуемую расправу, запричитал:

— Не бей, хазяина, не бей, Елдан мясо засолил, Елдан долю отдаст!

Коряво, но вполне доступно он пояснил, что лошадей он не кормил. Привыкшие к оленям кочевники думали, что такое большое животное также сможет добывать себе еду из-под снега, поэтому сена летом не заготовили. Пока трава была зелена, лошадки её подъедали, и всё было в порядке. Но вот выпал снег, и вогулы несказанно удивились, что у лошадей не выросли рога. Вскоре бедные животные начали падать от голода, и практичные вогулы просто съели их всех, чтобы животины зря не мучилась.

Бабинов только зубами заскрипел с досады. А что делать — сам виноват, не додумал. Он ведь тоже по их, вогульским, оленям тропу разведил. Делать нечего — надо спешно искать работников, это тебе не лавка купеческая, а государево дело, за такое по головке не поглядят, а милостью царской Бабинов дорожил пуще жизни.

И уже к новому, 1607 году из Хлынова прибыли новые смотрители, из посадских. Знали они, как за лошадьми ходить, плотницкому делу разумели, и вообще — справные были парни. Да ещё и холостые, им семью содержать не надо, а значит, и платить можно меньше.

Движение по дороге к крещенским морозам восстановилось, сена на ямы завезли, и вплоть до апреля всё шло как надо. Затем сошёл снег, появилась работа на дороге, и парни начали дурить.

Откуда уж они брали хмельное — одному богу известно, но если вина недоставало, вогулы готовы были помочь

с грибами, которые голову туманили ничуть не хуже. Недалом говорят: «мы с Вятки, — парни хватки, семеро одного не боимся». Поодиночке добродушные увальни, собравшись вместе, они представляли силу, которая ударилась во все тяжкие прямо на рабочем месте: устраивали драки с обозными, если, не дай бог, случалась в обозе девка или баба — тут и говорить нечего, не грешил только каждый пятый, а остальные четверо грешили за пятерых; деньги пропивали, лошадей не чистили, холю им не навели, ликом стали грязны и страхолюдны. Встретишь такого в лесу — топором не отмахнешься. Ладно хоть, до смертоубийства и грабежа дело не дошло, но, по ходу, к тому и двигалось.

В Соликамске Бабинов встретил целовальника Ивана Человекова, с которым дорогу прокладывал. Человеков послушал-послушал товарища да и говорит:

— Такая умная башка, и такому дураку досталась.

— Чего это — дураку?

— Ну кто ж тебе сказал, что вогулы с лошадьми не знают? На оленях они, что ли, ещё полста лет назад осаду Соликамску чинили-то?!

Обманули тебя, сердешного! А я всю голову изломал: ну откуда у воеводы нашего великопермского Семёна Вяземского лошадей-то так прибавилось? На днях только свояк мой чердынский, Феодор рассказывал, что по осе-

ни табун голов в сто башкирцам по заданию подьячего воеводского Ивана Фёдоровича они угоняли.

И тут до Бабинова дошло! Вспомнил он, как криво-косо смотрел на него с десяток лет назад тогдашний властодержец чердынский Сарыч Шестаков, когда прибыл к нему с докладом о проведанной дороге. Как давил на него, уговаривая сказать, мол, по его, воеводиному, повелению про вогульскую тропу прознал.

И как долго тянул с выдачей пожалованной государем грамоты на беспошлинную торговлю и земли вдоль проведанной им дороги следующий воевода Головин: кивал на своего сподельника Воейкова, мол, это его проделки. А тот, в свою очередь, валил вину на Головина...

Ведь воеводы-то с прежней Чердынской дороги в Сибирь неплохо кормились и помимо государева жалованья. А тут у них эту-то кормушку взяли и отняли! А нынешний правитель так вообще за его счёт приворовывать стал! Муть на Москве, да и у нас тут своей мути хватает.

Руки Бабинова сами сжались в кулаки.

— Да стой ты, поздно уже кулаками махать. Мужиков-то тебе тоже баламутит кто-то, отнять дело хотят. Ты лучше вот что...

Вечером того же дня Бабинов отбыл в Верх-Яйву. А уже через два дня в селе народу стало стремительно прибывать. Виноватые, но чистые и тверёзые смотрители ям

прибывали кто вдвоём, кто втроём. Из Соликамска повалили отцы семейств с девками на выданье, а некоторые молодухи из вдовых сами приходили. Ещё дня два длились смотрины, а в воскресенье, когда гостей уже некуда девать, в местной церкви случилось массовое венчание.

Всё было сделано честь по чести, даже убрусную пошлину воеводе за новобрачных Бабинов взялся оплатить из своих средств. Прямо из-под венца молодые, кто на телеге, кто так, отправлялись на свои ямы, чтобы там быть друг с другом в болезни и здравии, в горе и в счастье, пока смерть не разлучит их. Одной из ямских жён стала и единственная дочь Артемия Бабинова.

А воеводский обоз в Верх-Яйву чуть-чуть припоздал. С ним прибыли молодые девки, все в слезах, едва одетые. Их по приказу воеводы Вяземского вытащили из Усолки, где они купались, посадили на телеги и отправили замуж, «государева дела для». Бабинов только руками развёл — дескать, нам невест не надобно, везите обратно. В утешение дал каждой девке по гостинцу и отправил восвояси.

Кое-кто из соликамских купцов, чья дочь случайно оказалась среди «невест», написал челобитную царю, и в начале 1608 года в Пермь Великую прислали нового воеводу — Фёдора Петровича Акинфова, который на Чердыни правил два года, и в стяжательстве и воровстве замечен не был.

А ещё через пяток лет, благодаря открытой Бабиновым дороге, Соликамск и его Усольский уезд получили от взойшедшей на престол династии Романовых своего «особого» воеводу — Иова Лачинова. Так в Соли Камской обозначились конец «смутного времени» и начало строительства новой жизни.

В 1636 году воеводство в Чердыни было упразднено и переведено в Соль Камскую. Так Соликамск на полтора столетия стал главным русским городом на Урале.

Часть III

Война и мы. с вои чужие

Любая война — катастрофа для человечества: чем дольше мы живём, тем острее это понимаем.

А в давние времена, казалось, без войны и жизни не было. Земли войной делились и завоёвывались, государства войной перекраивались и богатели, люди войной славу и почёт добывали, без войны и мир не стоял, сама цивилизация и культура в войне вызревали и обретали свои пути. Веками тасовалась людская колода: свои — чужие, чужие — свои, тебе — мне, а эти — на вылет.

И вот, кажется, наступил предел. Если сейчас не остановимся — случится непоправимое. Всё отчётливее осознание: мы все — свои, одинаковые, хотя и неповторимо разные, уникальные. Красные и белые, верующие и атеисты, богатые и бедные, женщины и мужчины... Мир учится терпимости и терпению, иначе человечество может захлебнуться войной уже на первых шагах своего существования.

Но если опять взглядеться в старину попристальнее да повнимательнее, то окажется, что и прошлое Соли Камской преподносит нам уроки человеческого терпения и приятия чужого как своего. Всё ради того, чтобы с войной не смириться, будь она трижды неладна, не отдать свою душу её хищным когтям, уберечь Божий мир от дьявольского разрушения, противостоять разладу и вражде.

фронтир

Фронтир, если переводить с английского, — это граница, рубеж. Упрощённо — ситуация, когда народ, живущий на границе освоенного пространства, начинает осваивать ничейные земли. Глухие, дикие места, целина — есть где разгуляться!

То есть сначала эти места кажутся глухими и дикими, а потом вдруг выясняется, что тут было вогульское капище, или территория, отвоёванная татарами у коми. И не пройдёт недели после того, как вы тут поставили времянку и начали выжигать лес под поле, как откуда ни возьмись, появятся смуглые суровые туземцы в мехах и начнут резать вас, ваших близких, вашу тощую скотину и жечь ваше жилище.

Так пришли когда-то братья Калининковы добывать соль. Промысел оказался доходным, потянулся другой люд, постепенно продвигая границы на восток. Правда, ближайшая власть и защита — князь с дружиной — в Чердыни, поэтому Усолье Камское остаётся голым и беззащитным перед вогулами, татарами и прочими кочевыми и оседлыми аборигенами, но это всего лишь риск быть убитым.

Мы пустили здесь кровь, вросли костями, и теперь даже не скажешь, что каких-то шесть веков назад нами тут и не пахло. Да мы тут испокон веков растём! Мы живём на фронтире — на границе Европы и Азии, дороги и бездорожья, власти и безвластия, воли и тюрьмы, в конце концов — на границе воды и тверди, открытого пространства и леса.

В нынешние, относительно спокойные времена мы зачастую даже не думаем, что война — в самом общем смысле этого слова — в наших местах не прекращалась никогда, то тлея, то вспыхивая, как пожар на торфянике. Впрочем, большая кровь здесь лилась нечасто и не столь обильно, как у наших соседей. Однако жить на фронтире и не воевать — так не бывает.

...Поменьше бы таких лихих соседей. Сибирское царство — последний осколок некогда могущественной Золотой Орды, основанной потомками Чингисхана. Нет уже Астраханского, Казанского ханств. От Империи Великих моголов уже вроде бы ничего не осталось, кроме легенд, но набеги местных князьков из-за Рифейских гор на восточные окраины Московии в те годы — большая напасть. Первое упоминание о нашествии на Соль Камскую отмечено летописями под 1505 год. Тогда razорила и выжгла город рать Кулук-Салтана, сына хана Ивака.

Набег 1547 года занимает особое место в истории Соли Камской. Оборонительные сооружения находились здесь на том самом холме, где сегодня высится Соборная колокольня. Защитники города стояли не на жизнь, а на смерть. Как сообщает летопись, в этой битве с ногайцами пали 886 посадских и крестьян. По ней же выходит, что уберегли город от язычников то ли военная хитрость, то ли провидение небесное.

Силы небесные точно были на стороне православных. Враг отступил от Соликамска 25 мая, но преследование его защитники города продолжали ещё несколько дней и вернулись в город лишь к 30-му числу.

Это и была Девятая пятница по Пасхе. Для Соликамска — это самый значительный местнотимый праздник. В его честь на протяжении нескольких веков проводить службу приезжал архиепископ Пермский и Соликамский, устраивались ярмарки и народные гулянья.

В чудесную силу образов в те годы веровали и в Соликамске, и при дворе московского царя.

По преданию, в 1552 году соликамцы, узнав, что Иоанн Васильевич осаждают Казань, отправили к нему делегацию — мол, оборони, надежда-царь, от язычников из-за Рифей-камня.

Грозный вместо войска послал складень Николая Чудотворца, мол, сей чудодейственный образ защитит город от набегов. И попробуй тут не поверить Грозному-царю! Иван Васильевич имел такое обыкновение — дарить иконы. И вот уже пятое столетие икона считается покровительницей города. Царская грамота сгорела в пожаре 1743 года. Документальное свидетельство, которое могло бы подтвердить легенду, превратилось в пепел. А икона уцелела. Она была сохранена соликамцами даже во времена воинствующего безбожия.

В 1965 году складень был вывезен в Музей Андрея Рублёва в Москву на реставрацию и осел в тамошних запасниках на сорок лет. И лишь в 2005 году усилиями многих, не равнодушных к её судьбе, святыня была возвращена городу.

Иконы Спасителя и Николая Чудотворца с молитвенными пенями были вынесены и поставлены на дашне противу врагов и чудесно спасли город от разорения; враги, увидевши, сошли их за живых и сильных ратодорцев и, устрашенные чудным видением, ослепли и бежали со страхом.

Александр Луканин, протоиерей.
«Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска», 1856 г.

Около 1551 года ногайские татары учинили великий вред городу и окрестным селам. Жители опасались, чтобы они не вздумали учинить ещё набег и послали царю Ивану Васильевичу просить войско охранять их от врага. Висесто войска царь прислал образ Николая Чудотворца, который защитит от вражеского нашествия.

Василий Берх.
«Путешествие в Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей».

Образ на палочу Николая Чудотворца в киоте обложен серебром чеканным, венец и чата чеканные ж золочены, в венеце ж зхонт лазорев небелик, да два лама, да в чате бирюза, да две вишнев, да прикладу два золотых одизано в две нити жемчужом середни, на притворях писаны господские праздники, обложены серебром дасменными; пелена отлас дел, на ней шит образ Николая Чудотворца, кругом пелены одизано жемчужом середни, пред образом свега неупасимая в медной лампаде.

Александр Луканин, протоиерей.
«Церковно-историческое и археологическое описание г. Соликамска», 1856 г.

Красивая легенда хранится горожанами как доказательство Божьего покровительства родному Соликамску. Жаль, что с этой соликамской легендой сегодня не согласны столичные реставраторы.

Вот вам и ещё один фронтир проявился, на этот раз за икону — заступницу Соли Камской. Чья же возьмет: версия учёных-специалистов с их строго выверенной, логичной системой аргументации, или такая ненадёжная, неустойчивая в своей интуитивной и иррациональной избирательности человеческая память? Хотим мы или нет, но исход этого сражения уже очевиден: выкладки учёных мужей остались в их картотеках, а священный образ Николая Чудотворца соликамцы продолжают почитать как волшебное спасение для города и бесценный дар знаменитого и грозного царя-батюшки. И никто в этом даже не сомневается.

...Какое-то время после чудесного события и впрямь набегов не было: Казань взята, с той стороны никто не нападает. Но вот на востоке маячит сибирский хан Ку-

Складная икона Святого Николая Чудотворца, по преданию подаренная соликамцам Иваном Грозным.

Сергей Ратников, заведующий реставрационной мастерской музея Андрея Рублёва, который в 1992 году реставрировал икону Николая Чудотворца: «На лике были многочисленные утраты, которые мы заполнили реставрационным грунтом и затонировали. Удалили поновления на полях. Работа шла в течение года. В результате установили, что икона, без всяких сомнений, — образ XVII века... Я даю гарантию, что под этими красочными слоями больше искать нечего. Тем более серебряный оклад, басма, венец и цапа подтверждают ее возраст. Икона по манере письма близка к культуре Соль-Вичегодска. Но была написана, без сомнений, не рядовым художником, а большим мастером, знакомым с европейской живописью».

*Юрий Софонов.
Газета «Звезда», 22 мая 2004 года, г. Пермь.*

Поход Ермака. Краткая сибирская летопись (кунгурская), фрагмент.

Лета 7089 (1581 г.) пельмский князь Кихек пришедши с татари, башкирцы, югорцы, воулетчи, пожели и пограбили городки перские Соликаиск и Сылвенский и Яйвенский и вымские повости Койгород и Волосеницу пожели.

Выиско-Выгелодская летопись.

Того же лета (1581) снарядиша Максим да Григорей Строгановы казацких батманов а с ними охотчие люди Сидирскую землю воевати и шедшу тое казаки за единоелет всю Сидирскую повоевали, за князя великого привели.

Выиско-Выгелодская летопись.

Поход Ермака. Краткая сибирская летопись (кунгурская), фрагмент.

чум, а под самым боком заворочался кучумов вассал — князь Кихек. И, какой бы ни была чудодейственной икона, без дружины и пищалей и она помогает неохотно. При том, что незащищённый воинством город — добрая приманка...

1581 год. Псков, что на западной границе Руси, вот уже полгода осажден войсками короля Польского, Великого князя Литовского Стефана Батория. Под натиском шляхты уже пали Смоленск и Чернигов. Если не устоит и Псков, то путь захватчикам на русский север будет открыт.

В этот же год на восточной окраине Московии пельмский князь Кихек, прознав, что Ермак со своею дружиной отбыл из Орла-городка воевать Сибирское царство, а значит, сильного сопротивления не будет, не взяв Чердыни, осадил Соликамск.

...Псков выдержал 30-недельную осаду, преградив полякам дорогу на север. Баторий был вынужден заключить с Иваном Грозным мир. Выстояла в этом же году супротив Кихека и соликамская крепость. Это был последний набег язычников на Соликамск. Последний, но самый жестокий и опустошительный.

В этот же год из строгановского Орла-городка, что ниже по Каме-реке, на покорение Сибири вместе со своею дружиною двинулся на стругах Ермак Тимофеевич. Яицкий казак, отправившийся на покорение Сибири, навсегда отвел от Соли Камской и Перми Великой разорительные набеги. И в этом историческом походе не обошлось без участия соликамских ратников.

26 октября 1582 года произошло решающее сражение дружины Ермака и войск хана Кучума на Чевашском мысу Иртыша под столицей Сибирского ханства Искером. По церковному календарю — это день покровителя русского воинства Дмитрия Солунского, который с тех пор считается небесным покровителем Сибири.

Сражение началось неудачно для казаков: выбравшись из стругов на берег, они были встречены тучами стрел. В ответ русские пытались вести стрельбу из малых пушечек и пищалей. Но перестрелка не могла решить исход сражения. Тогда по приказу Ермака казаки начали отходить к стругам, чтобы выманить противника на открытую местность. План сработал. Царевич Маметкул, решив, что русские бегут, бросился в погоню и был ранен. Это известие внесло панику в ряды сторонников Кучума. Первыми дрогнули мансийские князьки и кинулись в бегство, а следом бежали и остальные. Казаки Ермака взяли Чевашский мыс штурмом. До столичного городка Искера оставалось всего несколько вёрст...

Шведский след

Смута на Руси. До убиц в Москве соликамцам особого дела нет — здесь своих забот хватает: непогода, неурожай, соляные промыслы — работа тяжёлая, рук всегда не хватает. Но, когда речь заходит не о престолонаследии, а об освобождении Москвы от поляков и литовцев, в ополчение к Минину и Пожарскому соликамцы своих людей снаряжают.

И в 1613 году на троне воцарилась династия, которая правила Россией более трёх столетий. Какая жестокая линия судьбы фронтиром пролегла по Прикамью! По одну её сторону — тысячи гонимых государственной властью, которых уральская земля приняла в себя. По другую — безграничная царская власть, которую Урал же и поглотил, заставил прекратить существование. Уму человеческому невозможно постичь страшную и мистическую логику этого тайного замысла. Здесь мы ходим и ходим по замкнутому кругу преступлений и прозрений, смертных грехов и испулённого покаяния, свершаем страшные смертоубийства и казни творим, а потом на костях и крови своих жертв Божьи храмы ставим, молитвы к небесам возносим. Как трудно порой бывает не только своих от чужих отличить, но и самих себя понять — кто мы? Не чужими ли стали самим себе?

Итак, Сибирское ханство покорено, границы Государства Российского раздвигаются на восток со скоростью движения обозов по Бабинской дороге. Смута отступает, и Москва постепенно берет власть в свои руки: воевать здесь больше не с кем. Можно успокоиться, начать мирную жизнь: выпаривать соль, сеять хлеб.

Но вот подросток царевич Петруша, наигрался в солдатиков, хлебнул европейского вольного воздуха и задумал старую патриархальную Московию как следует расшевелить, разбудить от векового сна.

Памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве.

Лета 7119 (1611 г.) повелением князя Дмитрия Пожарского да Прокопия Ляпунова присланы с выгелюцких пермских мест на Ярославль ратные люди 50 человек, а с Великие Перми пшотдесят-ж.

Выиско-Выгелюцкая летопись.

Пётр I Великий (Пётр Алексеевич Романов) (1672-1725). Годы царствования 1689-1725. Первый император Всероссийский (с 1721 г.).

Портрет Петра I. (Иван Никитин. 1720-е гг. ГРМ).

Рекрут — (от немецк. и франц. *recrout*) новобранец, поступивший в солдаты по повинности или по найму. В России XVIII века рекрутской повинности подлежали все податные сословия, для которых она была общинной и пожизненной. От рекрутской повинности были освобождены дворянство, купечество, семьи церковных служителей, почётные граждане.

*Р*аньше некрута фуражки носили, дак на фуражку ленточки оденут. По деревне ходят, ленточки на ёл: «Ой, призывается он!» С гармошкой ходят. А сейгас замрай гармошкой да запой песни, засмеются, скажут, пьanye идут.

...Ещё коню в ноги падали, чтоб вернулся домой. Солдат на колени встанет, перекрестится вот так, и падёт в ноги лошади.

...Рекрут обязательно должен взять крестик с собой, положить иконку. Молитву тоже зашивали с собой. Идешь от дома, была молитва, и к дому была молитва — «Отче наш».

У меня мужа в армию отправляли, это тоже старушки, наверно, хлеба краюшку с собой зашивали, чтобы Господь-батюшка его сохранил. Так у нас, и правда, Васяка обратно хлеб принёс. Как мука стал, в маленьком мешочке было зашито дак, как мука. А все-таки спас и домой принёс...

...В армию вот идти парню у нас, женай уж был, тёща выдетила на дорогу и дала ему две тридцатки: «Только ты не держи деньги-то, это тебе на обратный путь, чтобы домой вернулся».

*Александр Белабин, Иван Подюков, Константин Шумов.
«Война и Прикамье».*

По указу государеву, требованы в Петербурге на вечное житье плотники, столяры и котельники с женами и детьми. Выбран их столярник Михайло Измайлов в декабре 1710 года.

Петровской России — молодой, растущей — в её тогдашних пределах тесно, как в старом кафтане. Трещат по швам границы, установленные воинствующими соседями в период нашей слабости и Смуты на западе и на юге. На восток волнами катится русское влияние и уже омывает берега неведомой прежде Америки. Пётр I понимает: чтобы вернуть нарождающейся империи былое величие, нужны сильная армия, флот и промышленность. Не было бы и истории России, не будь истории русского героического воинства и тяжёлого ратного дела.

Рекрутчина введена — выпуск оловянных солдатиков налажен: привязав к одной ноге пучок сена, а к другой — пучок соломы, учатся маршировать в строю вчерашние крестьяне. «Сено-солома, сено-солома!» — громом разносится над русскими гарнизонами.

От этого нововведения Соликамску изначально сплошь убытки: «в апреле 1720 года, от неосторожности проходивших чрез город рекрут, сгорело 8 домов и богадельня».

Рекрутство входит в жизнь надолго, становится частью привычного обиходного существования, втягивается в тело народной культуры, обрастает обычаями и обрядами, песнями и приметам. На земле Соликамской пишутся свои страницы рекрутской мифологии.

Медеплавильный заводик, начавший работать в Соликамске с подачи Михайлы Турчанинова, потомка пленного турка, пыхтит, возвещая о наступлении по всем фронтам на традиционный уклад новой, горнозаводской цивилизации. Армии нужны пушки, и их по приказу царя льют даже из церковных колоколов. А это богохульство пострашнее будет, чем объявленные чуть ранее Петром же бритые бороды и окорочение кафтанов.

И вот одолён швед под Полтавой, и в 1710 году, после «позорного парада» на Красной площади, из Москвы в Соликамск прибыл первый конвой из 93 офицеров и 4 врачей...

...И в этот же год из Соликамска по указу Государеву отправились в Петербург обозы соликамских мастеровых людей с семьями.

С собой новоселы, кроме нехитрого домашнего скарба, везут несколько тяжело гружённых подвод. Всякий приезжающий тогда в строящуюся столицу обязан был привезти с собой определенное количество камней, или же уплатить налог.

Если вы думаете, что в ту пору соликамцы рвались в столицу, как нередко бывает с нашими современниками, то глубоко заблуждаетесь. Возведение образцового города — Санкт-Петербурга — было

занятием не из приятных. Век каменщика или плотника на пронизывающих невских ветрах недолго — попробуй-ка простоять смену в 12-14 часов, когда ветер, мороз, сырость пробирают до самых косточек!

Но выбора не было: в 1707 году вышел в свет указ: за побег из Петербурга наказывать родителей, жён и детей сбежавших... Так среди коренных петербуржцев не по своей воле оказались и соликамцы. Шведы — на восток, соликамцы — на запад. Такое вот взаимопроникновение, такой вот диалог культур...

Да и шведам, которые оказались за тысячи километров от родины, в чуждом для них культурно-бытовом пространстве, в России живётся несладко. Холодный, непонятный, дикий край для многих стал местом последнего пристанища. Однако ссылка для них проходит достаточно вольно: они имеют свободу передвижения, могут промышлять торговлей и ремеслом, даже жениться им не запрещается. Но скудное содержание за счет средств городской казны заставляет полонян, живущих в Соликамске колонией, заниматься на строительство и обустройство города и его храмов. Среди шведов нашлись и мастера по изготовлению украшений, посуды, печных изразцов.

По преданию, именно шведы начали мостить улицы Соликамска. До этого кое-где были лишь деревянные тротуары. И сегодня на коротеньких отрезках улицы 1 Мая, что сбегает от Набережной к Усолке, и на старом Чердынском тракте за мостом от колокольни сохранились остатки той самой, шведской мостовой. Если остановиться и прислушаться, то эти осколки нашего прошлого под нашими ногами много расскажут вам о трёх последних столетиях Соли Камской.

Многолетнее пребывание в России этих военнопленных принесло ей немалую пользу. Через них лучи просвещения проникли даже в глубь Сибири; они завели фабрики и мануфактуры в странах, где не было и следа европейской образованности; они, как живописцы, мастера золотых и серебряных дел, токари и знающие проныры ремесла, ввели всюду полезную роскошь(!); как музыканты, комедианты, фабриканты карт и трактирщики, они соделали для русских наслаждение жизнью приятнее и разнообразнее, и даже споспешествовали, сколько могли, обучению юношества.

Густав Пипер.

«Извлечение из записок прапорщика Густава Абрама Пипера впоследствии генерал-майора и губернатора».

Изразец печи, сложенной шведскими военнопленными. СКМ.

Изразец (от древнерусского — образец) — керамическая плитка, которой украшали наружные стены зданий и печи внутри помещений. Лицевая сторона изразца обычно полихромная с рельефом или гладкая, а обратная — с коробчатым выступом.

В Соликамске к концу XVII века уже существовала своя изразцовая школа, со своими особыми сюжетами и техническими приемами.

Вскоре оказалось, что шведы — такие же люди, только немцы, то есть «немые» — лопочут не по-нашему, не разобравшись. Но, притёршись, стороны начали довольно сносно понимать друг друга и ладить. Успеху «народной дипломатии» в какой-то мере способствовало и занятие, в котором пленные каролины немало преуспели, — самогоноварение. Ещё в 1506 году шведы тайком вывезли из Москвы рецепт особого напитка, называемого ими «горящим вином», а спустя два столетия, получается, вернули «долг» сполна.

Как говорится, шведы в Соликамске оказались в нужное время в нужном месте. Не успели ещё высохнуть чернила на указах Петра I, запрещающих подданным всякое винокурение для домашних нужд, а шведские полонники уже взяли отрасль в свои руки: где «на откуп», а где и тайно. В Соликамске особо в этом деле преуспел корнет Пистольшельд, который, помимо винокурения, занимался и «приготовлением игорных карт».

Правда, порой посадские, разгорячённые «горящим вином», пытались учинить шведам «вторую Полтаву». Тогда соликамскому воеводе приходилось заниматься, как сказали бы сегодня, урегулированием межнациональных конфликтов. От несправедных нападков он пленных откупщиков оборонял, а тех, кто винокурением занимался тайно, от пошлин не ослобонял...

Сегодня одним из немногих памятников о скандинавском следе в истории Соли Камской остается набор изразцов печи-голландки, хранящихся в запасниках Соликамского краеведческого музея. По голубому фону изразцов идёт изящная роспись по мотивам «Лицевой Библии». Подобные примеры изразцового искусства в России ранее нигде не обнаружены.

А ведь ещё совсем недавно, в первой четверти XX столетия, «чуть не через дом — изразцовые печи екатерининского, аннинского и Петровского времени», — отмечал побывавший в Соликамске в 1925 году искусствовед академик И.Грабарь. И делится своими впечатлениями о городе в своём письме: «Можно отличную монографию посвятить одному только Соликамску... здесь хорошо, стародавнее — уютно и душевно».

По грустной иронии судьбы, единственная сохранившаяся сегодня печь в Соликамске, где своя изразцовая школа сформировалась ещё в XVII веке, была выстроена руками пленных шведов.

Эта последняя печь из дома Петровой, хотя и в разобранном виде, сохранилась в запасниках Соликамского музея, а вот сам дом, увы, нет. И простоял бы ещё, вон Питер, поставленный на уральской лиственнице, стоит до сих пор...

Но в «смутные девяностые» прошлого столетия рушилась эпоха. Словно колосс на глиняных ногах, разваливалась советская империя. На политическом небосклоне загорались новые звёзды и затухали старые. Страна с трудом расставалась со своим настоящим.

В брошенном на произвол судьбы памятнике архитектуры поселились бомжи. Они-то и повадились топить историческую печь. Тогда же была утрачена и часть изразцов. Единственное, что смогли сделать музейщики, чтобы сохранить уникальную печь для потомков, — разобрать её. А вскоре и сам дом раскатали на реставрацию: надо было заменить подгнившие нижние венцы... Где сегодня эта история, срубленная три века назад при помощи одного только топора?!

Соликамск. Ул. 1 Мая. Мостовая, по преданию, выложенная пленными шведами около трёхсот лет назад.

В 1721 году после заключения Ништадтского мира, положившего конец многолетней Северной войне, последовал указ Правительствующего Сената о возвращении шведов на родину.

Полонников из Соликамска отправляли с декабря 1721-го по февраль 1722 года на 74 подводках. Для этих целей воевода выделил на каждую подводку «по 23 алтына по 4 деньги — итого 644 рубля».

Пленные шведы на строительстве Санкт-Петербурга. Фрагмент гравюры.

В жестокой схватке за власть, в новой борьбе своих и чужих идей никому не было дела до отдельно взятого памятника архитектуры и скандинавского следа в истории Соли Камской.

...Среди отбывших на родину зимой 1722 года был и шведский подполковник Филипп-Иоганн Страленберг, изрядно попутешествовавший по Уралу и Сибири. В 1730 году он выпустит книгу «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии». Благодаря этой книге наш край приобрел дополнительную известность во многих европейских странах. Справедливости ради надо сказать, что о Соли Камской европейцы были наслышаны и задолго до этого.

Итак, в 1722 году, после замирения со шведской короной, всем пленным разрешили вернуться домой. Но шведско-русские отношения на этом не закончились. Не вычеркнешь из памяти того, что стало уже частью общей истории да и многих личных жизненных историй. Кое-

кто из бывших пленников остался доживать на Соликамской земле, из чего мы можем сделать вывод, что было им здесь не так уж и плохо. А кто уехал на родину, долго ещё вспоминал о далёком и диком крае. Такой дикости — прекрасной и щедрой — так просто не позабудешь. Вот одна из удивительных историй о соликамской ностальгии.

Вот вам и враги, вот вам и пленные! Это там, наверху, политические интриги, да военные интересы, да далеко идущие имперские замашки. А человеку жить хочется, куда бы его не забросило, да хозяйством обростать, да с товарищем о жизни потолковать, о деле своём, об умении, о своей личной человеческой надобе. И потолковать, и договориться всегда найдётся с кем. Неважно, на каком языке, душе ведь языковая «немота» — не преграда.

Так и повелось на Соликамской земле: кто здесь только волею судьбы ни окажется, кого только по дорогам жизни сюда ни занесёт — всем угол найдётся, все в общий дом социального и культурного уклада без вражды приняты будут, никому в милосердии и товариществе не откажут. Все чужие нам своими делаются, так живём и по сей день — разные по вере и национальности, русские, шведы, немцы, беженцы от разных бедствий и режимов — многим Соликамск стал убежищем и домом.

А где-то в шведских краях тоже есть место с русским, звучным, как православные колокола, но малопонятным на местном наречии названием — Соликамск...

...Здесь вываривается много соли из воды, вычерпываемой из источников. Источников здесь очень много, поэтому, когда подъезжаем к городу из леса, то вид его производит впечатление, будто здесь стоит много сот кораблей с их мачтами, благодаря чертакам, которыми черпают воду.

...Благодаря соли много рабочих получают здесь заработки, и здесь хороший торг на всякие жизненные припасы и хлеб».

Альбрехт Доддин.

«Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Модолюск, главный город Сидири, которое я сам совершил, прилежно наблюдал в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует».

В Соликамск случилось попасть пленному капитану барону Горну, которого сопровождал верный слуга Лиддом.

Лиддом, хорошо знавший ремесло седельника, кормил и седлал своего господина при изготовлении изделий, которых Горн разносил по городу вместе с корзинами своей собственной работы.

Возвратясь в Швецию в 1722 году, он там ещё служил 20 лет, после чего поселился в своём имении Челмере и дожил до глубокой старости. В воспоминание своего плена, близ этого имения он построил хутор и назвал его Соликамском, — имя, под которым это место и теперь ещё известно.

Старому слуге своему он был так благодарен, что, по возвращении из плена, освободил Лиддома от всякой обязанности и держал при себе как верного товарища, проводил с ним целые дни, доставлял ему всякие удобства и за столом, какие бы ни были у него гости, всегда сагал его возле себя; но Лиддом умер задолго до своего благодетеля, который, желая почтить его память, похоронил его в церкви и поставил над могилой его красивый памятник.

Густав Пипер.

«Извлечение из записок прапорщика Густава Адрама Пипера впоследствии генерал-майора и губернатора».

«Постой-ка, брат мусью!»

Грозное эхо 1812 года долетело и до Соликамска. Несмотря на то, что Пермская губерния не входит в состав округов, в которых формируется ополчение, соликамцы приняли участие в ней как живой силой в составе Пермского полка, так и в снабжении.

Много славных поэм и песен сложено о той героической эпохе. Об Отечественной 1812-го, о Кутузове и Наполеоне читали мы в учебниках, романах и в кино видели. Но наша Соборная колокольня про войну не понаслышке знает — сама в центре местных событий была, и военные настроения пережила, и даже французов видела. Вот и нам куда необычнее и интереснее услышать рассказ о той войне из уст современника — жителя Соликамска, опубликованный в газете «Пермские губернские ведомости» в 1869 году. Орфография и пунктуация, свойственные тому времени, сохранены.

Соликамск в 1812 году и пленные французы

(Рассказ современника)

«Лето 1812 года было ознаменовано разными небесными явлениями и особенно огромной кометой виденной со стороны запада. Когда в Соликамске, пред молебствием в церквях, возвестили всенародно о нашествии на Россию французов, толкам не было конца; толковали в домах, толпами стоял народ на улицах вокруг чтецов и молча, с содроганием, слушал: «неприятель вошел в пределы наши с величайшими силами»...

Юношеский возраст примечал все, что происходило, со вниманием слушал все, что говорилось вокруг, перенимал и толковал по своему со сверстниками и во всем видел, что дело шло об опас-

ПЕРМСКІЯ
Губернскія вѣдомости

26.

1861 ГОДА.

Июль 30 дня

Часть ПЕРВЫЙ.

Секретарша Анастасия
Суду своим
Ивановой дворовой челоуко
2478 ст. Х т. Зак. Град. ил
г.) троль.

О выслуге в Пермской
Суду родственникова у
дней чиновницы Пальчинской,
предъявляя право на получ
оставшагося после ней домо
льства.

Отъ Пермскаго Уезднаго Су
обладается, чтобы родственники уе
шей Коллежской Секретарши Афин
Проконьевой Пальчинской, урожден
ной Пономаревой, предъявили прав
себя съ законными документами о род
ствѣ ил; для получения оставшагося

Суду
Кол-

Солдат времен Отечественной войны 1812 года (Екатеринбургский мушкетерский полк). Реконструкция военно-исторического клуба «Горный щит», г. Екатеринбург.

ности Отечества, о будущности судеб России. Только и было речей и забот, чтобы супостаты не дошли до нас, а между тем как будто готовились на всякий случай ко всему, что Бог даст. Рекрутские наборы участились, молодых людей убавилось порядком, у того взяли сына или двух, у другого племянников, иные от жен и детей сда ны в солдаты.

Вот, градской голова, именитый гражданин, Акинфий Трофимович Ливонов, часто собирает на общественный совет купцов и мещан, советуется с ними о способах общественного ополчения, о деньгах на военные издержки, и вместо службы по ремеслам возлагает на общественников заготовление сум, сапогов и зипунов, исправление и возобновление не бывшего уже в употреблении запасного, оставшагося от пугачевского наряда, оружия, хранивагося в градской думе, — пицалей, ружей, винтовок, бердышей и копьев, говоря, что это делает на запас, на всякий случай, буде потребуется, внушая всем бодрствовать и не унывать, не оставлять своих дел, не слушать посторонняго, а рассуждать о том, что он объявит от начальства, или по верным известиям от благонамеренных людей.

Вот уже настает сенокос и уборка с жатвою, вот гонят мальчишек на покос сено грести, да копны возить; а они думают, да толкуют между собой, что совсем приготовились, французы далеко, сюда им не дойти, впрочем, можно и в лес убежать от супостатов, спрятаться так, что и не найдут, пожалуй на лесину можно влезть, не достанут, походят, походят по лесу и назад уйдут, а как уйдут, так мы и назад воротимся домой. Кончилась убора сена, воротились в город...

Бывало, мать да бабушка соберут нас около себя, сами плачут, а мы спрашиваем, о чем они плачут? Да вот о чем, — отвечают, — вы мал мала меньше, и супостаты подступят, куда мы с вами денемся? Мы отвечаем: в лес убежим, спрячемся; а они говорят: дуралеи глупые, чево вы есть то в лесу станете? «Хлеб». Где же возьмете? «Дома». Ну как же, коли ничего не будет? Мы головы почешем, да и замолчим.

Из рассказов матери мы узнали, что у нас на Усть-Боровой (пристань на реке Каме от города в 10-ти верст выше) было в амбаре около 1000 кулей хлеба, что голова не велел ни продавать, ни на Печору отправлять его, а хранить про случай, говоря, может быть, понадобится на Государя...

Однажды пришла старушка бабушка Марфа и, на повторенные ей разговоры, отвечала: «Вишь чево выдумал француз! Ему видно Белокаменную-то посмотреть захотелось; видно у него своего то ничего нет, да и не видал. Нет, милые, молитесь ко Богу пуще; нам ведь отцы сказывали, что и поляки также бывали на Москве, да их всех тут утастикали (уничтожили).

Фрагмент гравюры П.Гесса «Сражение при Клястицах».

Ну, вот на моих памятях толи прусаки, толи шведы облизывались на Белокаменную, да руки коротки, пошто наши православные государи допустят, а войско на што, а енералы-то на што, а губернаторы-те на што; нет не допустят супостатов ни до чего, им, как ушей своих, не видать Белокаменной-то! Неужто хто из наших да поддастся чужому? Этого быть не может».

Так говорила бабушка Марфа, да сверх того прибавила: да вот наш голова, Акинфий Трофимович, слыхала, говорил на совете (в общественном собрании), — что «уж мне-де и за 70 лет и уж и волосы-то на голове седые отцвели на жолтые, да ин не прочь идти на войну со всеми мирянами, кроме дряхлых, да малых; а он далеко моложе меня, я его помню малолетком, как у Суровцева мальчишкой был. Вот уж умница, надо его слушать; напрасно, наобум слова не скажет, его все начальство и мир весь любят, а матушка Государыня Екатерина Алексеевна и в именитые то пожаловала. Вот уж он у нас двенадцатье годы головит».

Между праздниками Воздвижения Животворящаго Креста и Покрова Пресвятыя Богородицы происходили в церквах молебствия, иногда с целодневным и часто с трехдневным колокольным звоном. Нам, малолетками, только и занятия было, что звонить в колокола день-денской, а ученье совсем забросили до того, что хотя и сведут к учительше (в народную школу тогда ещё мало отдавали детей), но все таки найдешь причину отпроситься на улицу, а выскочил из избы, так хоть не ищи, сей час марш на колокольню, а там уж не найдут.

Почтовая открытка «Кто кого? (эпизод войны 1812 года)», начало XX века. Из фондов ПОКМ.

Почтовая открытка «Бивак отступающей армии Наполеона (война 1812 года)», начало XX века. Из фондов ПОКМ.

Около праздника Казанской Божией Матери сделалось холодно, наступила осень, долгие вечера и участились домашние собрания. Из дома в дом, из избы в избу сходятся старшие и все толкуют про французов, «что уж им и Москву отдали без боя и что они там живут».

Но бабушка Марфа была другого мнения. «Уж это не даром, как-нибудь да не так, — говорила она со слезами, — уж если верно, что французы в Москву забились, да как выйдут? Наверное их заморят, как тараканов в холодной избе; уже настает зима и они в Москве не много погуляют». А дяди с соседями прибавляют, что этих супостатов французов целыми полками наши русские в плен берут, да по городам рассылают, и сколько их пропадает дорогой — счету нет, по той причине, что осень начинает припахивать морозцем, а французы голы, ноги у них босы, хлеба-то нет, почему они и пошли на нас, думая даровым хлебом питаться. — И мы с своей стороны подавали советы матери и бабушке — ехать на Усть-Боровую и побросать хлеб в Каму или закопать в землю, а сено на пожне (на покосе) сжечь, чтобы ничто не досталось французам. На наши советы получали один ответ, что городской голова не велел никуда трогать хлеб, и приставил свой караул к амбарам.

Около Михайлова дня собрались в наш дом бабушка, дяди, тетушки, соседи и соседки, да и вели разсуждение о том, что в Соликамск привели двенадцать пленных французов, да дорогой изгибло их почти столько же, что разводят их по домам вместо солдатского постоя, но никто не принимает. На этот разговор пришла и бабушка Марфа, твердя: «ох-ти мне, без Аграфены мне навели в дом вместо постоя двух-французов, да с ними солдата из штатной команды для перевода языка», потому что французы по-русски говорить не умеют, а солдат-то лепечет по ихнему и бабушке переводил.

Бабушка Марфа охала, охала, а все же на первый случай без Аграфены покормила и водочку подала французам, чтоб они были помирнее, да не так ерестились, а то так, пожалуй, станут лаяться по своему и бурчать как собаки. Поджидая возвращения Аграфены, бабушка Марфа просила нас идти к ней в дом и пригласить ещё кого с собой из малолетков, чтоб было веселее.

Надобно знать, что Аграфена была внучка бабушки Марфы, дева лет 50-ти, торговала в лавке пряниками и разною мелочью, и в данное время она отлучилась на какой-то сельский праздник или торжек торговать своими мелочами. Вот почему бабушка Марфа и пригласила нас к себе. Когда мы с товарищами пришли к ней, она, вместо сказки, начала нам объяснять, что постояю французов не могла противиться, а солдата для языка выпроси-

Генерал-поручик артиллерии
Российского императорского войска,
(1793 г.).

ла; при нас же она подала всем своим квартирантам по рюмке вина и пригласила ужинать.

Здесь мы в первый раз увидели французов черных, безобразных, худых, изнуренных, в лохмотьях, лепечущих меж собой по-своему. Когда они отужинали и пошли в избу на полати спать, мы попросили бабушку уговорить солдата, чтоб французы рассказали нам про войну, про то, откуда они и как воевали, давно ли, где и как в плен попали. Солдат, за посул водки, начал спрашивать пленных и нам пересказывать, как они воевали, палили из ружей и из пушек, сколько народу прибили, сколько солдат застрелили, какое множество городов и сел сожгли, да видно грех наконец попутал, было где то сражение сильное и их взяли в полон, вели, вели, да и привели в наш город.

Сказка продолжалась почти за полночь, и мы улеглись спать, где попало. На утро, только что успели встать, бабушка сходила уже к заутрени и обедни, французы потребовали обедать, а мы осмотрели их с ног до головы во всей подробности. Бабушка опять попотчивала солдата водкой за услугу в двое, на что пленные французы обиделись, и у них с солдатом началась перебранка.

Как не уговаривала бабушка, чтоб не шумели, они знать ничего не хотели и стали бросать все со стола на пол; один схватил нож, другой вилку, — и чтобы вышло из всей этой истории, неизвестно; но на эту пору возвратилась из деревни с торжка внучка Аграфена и, войдя в избу, увидела нехристей и солдата в таком грозном положении. Распросив наскоро бабушку о том, что случилось, дородная и здоровая Аграфена тотчас распорядилась по своему.

Схватив того, который держал в руке нож, она вырвала нож, самага француза захватила в охапку, вынесла на крыльцо, бросила на землю, а нас кликнула затворить двери; точно также потом схватила и другого в охапку и выбросила на улицу с крыльца. Между тем солдат успел схватить саблю да суму, выскочил из избы на улицу, и все они убежали, а извоицк, привезший из деревни Аграфену, запер ворота.

Бабушка Марфа с Аграфеной ушла к голове Ливонову с жалобой на постояльцев, и на тех, которые их поставили. Мы воротились домой.

Вечером того или другого дня бабушка Марфа пришла к нам с Аграфеной, и рассказывала, что голова к ним, старухам, точно постоя ставить не велел, и городничий Отто Адамович тоже с ним согласился, и пленных французов поместили с прочими под соборную колокольню, потому что никто из жителей их не принимал на квартиру.

Между тем произшествие в доме бабушки с пленными французами огласилось в городе, а мы малолетки меж собой распустили

слух, что французы народ драчливый и что по сему их и надо бить, где бы только они не встретились.

Погода сделалась теплее, и мы малолетки составили свой совет у Лапинской салотопни, на берегу Усолки, в глухом месте. На этом собрании было более 20 человек из других концов города, и после рассказа о виденном и слышанном в доме бабушки, единогласно решили, что как французы теперь есть и в Соликамске, то и здесь должна быть с ними война и что французов, как драчливых, неминуемо следует бить. Между нами учреждено было свое начальство из прапорных, подпрапорных и десятников, заготовлены в разных местах улиц кучи камней, галек, кольев и тому подобного.

Около заговенья на Филипов пост сделалось так тепло как летом, пленные французы стали ходить по улицам вдвоем и втроем, а мы давай кидать в них палками, камнями и гальками, во что попало без разбору, французы не поддавались, бегали за нами и хватали, а кого поймают, оттаскают за волосы и отбросят от себя пинком.

Таким противодействием французы вооружили против себя недорослей всей Богоявленской улицы, и наша вражда к ним дошла до того, что даже и тех, кто по несчастю попадался в руки французов, своя братья на сходке порядком тузила, чтобы один или двое не затевали драки, но подкарауливали французов целою артелью, да слушали свое командерство.

По приказу ребяческого начальства заведены сигнальные свистки, назначены пункты караулов, и установлен такой порядок, что как только завидят французов, идущих по улице, перекликнутся на свистках, и спереди, и сзади посыплются на французов, как дождь, палки, камни, гальки и все, что попадало под руку или было в запасе.

Если же французы и захватывали кого-нибудь, сейчас бросались несколько малолетков на одного француза, и так как детские кулаки не могли действовать с такою силою, как кулаки взрослых, то пускали в ход другия орудия, — кто укусит у французов руку, палец, нос, ухо и все таки отбивали своего товарища.

После пяти, десяти или более подобных стычек, французы начали от нас сами бегать, или не выходить из своего помещенія. Такие же действия происходили и в других улицах города, как-то: в Преображенской и Спасской.

Когда потом недоросли узнали, что французов опять развели по квартирам, мценние мальчишек упало на домохозяев за принятие супостатов на квартиры; в двух или трех домах были выбиты все в окончинах стекла камнями и гальками, и на это последовали жалобы городничему, но поймать озорников не могли; кого из артели выхватят — свои отобьют, а иногда и большие помогут избавиться.

При одобрении же взрослых недоросли действовали так деятельно, что посылаемое городничим для наблюдения солдаты или полицейские, большею частью люди старые, не могли захватывать никого, более потому что если солдаты и полицейские посылались подкараулить на Богдавленскую улицу — недоросли убегали на Преображенскую, если же здесь что случится — убегали на Спасскую или за Усолку и находили приют и одобрение у всех жителей во всех концах города, и наконец довели начальство до того, что оно распорядилось вывести пленных французов из города в село Красное, принадлежавшее помещикам Турчаниновым, в 2-х верстах от города, и там поместило их в господском доме, стоявшем у церкви с большим садом.

Этот дом не был ни кем занят. Совершенная зима и морозы прекратили наши ребяческие действия. В последствии мы узнали, что городничий Отто Адамович обязывал домохозяев подписками, чтоб они удерживали своих детей от причинения обид пленным французам, но ничто не помогло, потому что старики в тайне помогали младшим, и, во всяком случае, защищали их как от нанесения побоев, так и от преследования солдат и полицейских служителей, — в этом случае всегда был ревностным защитником городской голова Ливонов.

Не знаю, в какое время, только кажется после Рождества Христова городской голова Ливонов был у нас в доме и с родителем моим уладил дело о задержанном на Боровой хлебе. Родитель мой сказывал также, что Ливонов в течении лета 1812 года даже исправил старую дорогу из Соликамска в Верхотурье, называемую Государевою и до ныне существующую в зимнее время. Эту дорогу, летом почти непроходимую, простирающуюся по горам и болотам, считают в три девяносто семи сотных верст.

Особенное празднование, установленное в день Рождества Христова в память избавления Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними дванадцати язык, отправлено в 1812 году молебствием, коленно-преклонением и трехдневным звоном».

А.Кашин.

Из №№ 20 и 21 Перм. Губ. Вед.

Дозволено цензурою, г. Пермь.

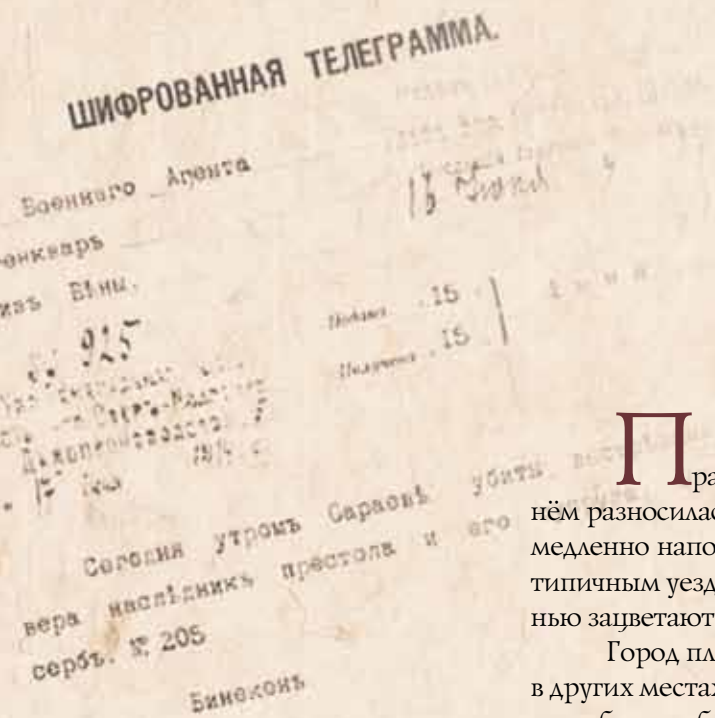
12 марта 1869 года.

Печ. в Перм. Губ. Тип.

Кавалергард Российского императорского войска, (1793 г.).

Первая мировая

Право сказать, за золотыми денёчками Соликамска, когда слава о нём разносилась далеко по России, а также и за пределами страны аужалась, медленно наползают те времена, когда городок наш становится заштатным, типичным уездным N-ском, в котором мухи на лету дохнут, где буйной геранью зацветают мещанство, скука и тоска.

Город плывёт по течению: соли здесь добывают уже куда меньше, чем в других местах, купцы свои барыши выторговывают всё с большим трудом, а вот бедные беднеют всё легче.

К середине XIX века Соликамск уже не нравится проезжающему через него Мельникову-Печёрскому, чуть позже — ещё меньше нравится Мамину-Сибиряку, путешествующему по Уралу в поисках вдохновения. Ну нет в Соликамске кипения жизни!

Впрочем, не видно кипения и по всей России. Это такая же аграрная неповоротливая держава, у которой, по выражению императора Александра III Миротворца, только два союзника — армия и флот. Европа и Азия постепенно затихают в предчувствии грядущего урагана Первой мировой.

28 июня 1914 года в Сараево сербский террорист Гаврило Принцип застрелил наследника престола Австро-Венгрии Франца Фердинанда Карла Людвига Йозефа фон Габсбурга, эрцгерцога д'Эсте и его жену Софию. 23 июля империя объявляет Сербии ультиматум с невыполнимыми требованиями — типичный *casus belli*.

За православную Сербию вступается российский престол. А 1 августа 1914 г. германский кайзер Вильгельм II, который, кстати, приходится царю Николаю II родственником: по одной из женских линий — шестипородным братом, а по другой — шестипородным дядей, объявляет войну России. Ничего личного. Родственные узы в большой политике, как, впрочем, и в жизни, не всегда залог добрых отношений. Война так война. Свои становятся чужими.

Почтовая марка Австро-Венгрии для Боснии и Герцеговины в память об эрцгерцоге Франце-Фердинанде и княгине Софии, убитых 28 июня 1914 г., 40 геллеров.

Казус Белли (лат.) — юридический термин времён римского права: формальный повод для объявления войны (букв. «случай (для) войны», «военный инцидент»).

...Несколько дней спустя население Соликамска о войне узнало из газет и расклеенных по городу объявлений. По свидетельствам современников, в отличие от Русско-турецкой войны 1878 года, когда Россия заступилась за братьев-болгар, на этот раз особенного душевного подъёма в Соликамске не случилось. У здания, где размещается управление уездного военного начальника, хвостатых очередей из добровольцев не наблюдается.

Русское общество начала XX века, после позорного поражения в войне с Японией раздираемое внутренними конфликтами, прорвавшимися в 1905 году первой русской революцией, уже не столь единодушно и патриархально, как в годы Балканской войны.

В церквях проходят молебны о даровании победы русскому воинству, на митингах и в передовицах газет произносятся патриотические речи, по городу мечется несколько гимназистов с горящими глазами, но и это не может изменить подавленного настроения: люди не хотят думать о войне, не понимают её смысла.

Уже в сентябре в Соликамске объявлена мобилизация. В городе сформирован батальон 163-го запасного полка, под казармы которого переданы помещения нескольких школ и училищ. Мальчишки с любопытством наблюдают за занятиями новобранцев по строевой подготовке. И снова: «Сено—солома! Сено—солома!».

Чем хуже дела на фронте, откуда идут похоронки, возвращаются раненые и калеки, тем больше требуется жертв ненасытный Молох войны.

По данным историка Владимира Бакулина, к началу 1917 года в Соликамском уезде уже поставлены под ружьё все военнообязанные моложе 50 лет. Отброшена довоенная традиция брать в армию с 21 года:

Ультиматум, предъявленный Австро-Венгрией Сербии 23 июля 1914 года:

1. Запретить издания, пропагандирующие ненависть к Австро-Венгрии и нарушение её территориальной целостности.
2. Закрыть общество «Народна Одбрана» и все другие союзы и организации, ведущие пропаганду против Австро-Венгрии.
3. Исключить антиавстрийскую пропаганду из народного образования.
4. Уволить с военной и государственной службы всех офицеров и чиновников, занимающихся антиавстрийской пропагандой.
5. Допустить действие на территории Сербии государственных служб Австро-Венгерской империи для пресечения любой антиавстрийской деятельности.
6. Провести расследование против каждого из участников сараевского убийства с участием в расследовании австрийского правительства.
7. Арестовать майора Воислава Танкосича и Милана Цигановича, причастных к сараевскому убийству.
8. Принять эффективные меры к предотвращению контрабанды оружия и взрывчатки в Австрию, арестовать пограничников, помогших убийцам пересечь границу.
9. Сделать объяснения насчет враждебных к Австро-Венгрии высказываний сербских чиновников в период после убийства.
10. Без замедления информировать австрийское правительство о мерах, принятых согласно предыдущим пунктам.

Из десяти пунктов ультиматума Сербией были приняты все, кроме 5-го. И война началась.

Перед вступлением на передовую нас обмундировали в новые сапоги, у которых помимо подошв подметки, всё это составляло тяжесть. Я отпорол подметки и променял их на сапо... Преподобник Коваленко сын помещика из Курьска обнаружил, что у меня нет подметок, содрал вокруг меня солдат, чтобы устроить суд, стал доказывать, что я — солдат, защитник Родины, царя и Отечества отпорол подметки и продал, что мы должны защищать Родину, успеть вступить в бой, не допустить врага добраться Дарданеллы.

Тогда мной был задан вопрос Ковалёву, что я никаких преступлений не сделал, я только одлегли себя в бою, чтобы мне было легче бегать, и что я не знаю куда, зачем бегу, и что такое Дарданеллы.

Тогда он рассказал, что Дарданеллы — это канал, по которому идут суда с грузами. И если эти каналы овладеет противник, то нам будет хуже. Я ему ответил, что хорошо вам, у вас есть пароходы, дарги, которые могут ходить в Дарданеллах, а вот у меня, у матери только отирательное корыто и ехать не на чем, а защищать приходится одинаково...

После боя меня вызвали в штаб, где были офицеры, генералы, полковники и другие чины. Генерал задавал мне вопросы: откуда я родной, кто отец, мать, сколько лет учился в школе, знаю ли я Карла Маркса...знаю ли я Ленина и читал ли что о нём? Я отвечал, что изучал в Сибири реку Лену, а Ленина не знаю...

*Федор Андреевич Буторин, род. 1894 г., Соликамск.
Краткие биографические воспоминания. Из фондов СКМ.*

нижняя граница призывного возраста опустилась до 18 лет. Служащие уездного воинского начальника ставят на учёт и мобилизуют лошадей, для пополнения провианта реквизируют скот для нужд фронта.

Где война — там и пленные. Снова. По новому кругу. Да по заложенному уже порядку. Пленные прибывают в Соликамск со всех фронтов — Западного, Юго-Западного, Южного, и уже в конце 1914 года в местном лесничестве валят лес полторы сотни пленных турок.

А следующим летом военнопленные появились и в самом городе. Когда по Соликамску пронеслась первая весть, народ живо собрался смотреть на «рогатых» германцев. Но когда выяснилось, что никакие это не германцы, а австрияки, у которых и рогов никаких нету, и что они почти такие же люди, как и мы, только лопочут по-непонятному, ажиотаж по этому поводу у соликамцев угас. И снова потекло совместное житьё-бытьё.

По согласованию с губернскими властями в уездном Соликамске устроен лагерь для военнопленных. Поскольку строительство специальных концлагерей в России пока не практиковалось, городская управа выделила под первую партию — около двухсот австрийских офицеров — бывшие винные склады, которые наскоро оборудовали нарами и столами. Всё равно пустуют — в России с началом Первой мировой введён «сухой» закон. Добавим, что на этот раз, в отличие от шведов, пленники на рынке алкоголя Соликамска никакой роли не играют. Зато местным самогонщикам — настоящее раздолье.

Некоторые из пленных офицеров с комфортом устроились на постой в двух домах городского головы Н.Ксенофонтова, столуются в домах местной буржуазии и интеллигенции. При этом офицеры, у которых даже не изъяли холодное оружие, получают ежемесячное довольствие в полста рублей, выдаваемое городскими властями.

Вскоре прибыли шестьсот австрийских солдат, которых разместили в солеваренных амбарах. Если кто не бывал в таком помещении, попробуем описать: огромный деревянный склад с очень высокими потолками, в котором постоянно гуляет ветер. Утеплить его совершенно невозможно, как и отопить. Австрияки сами должны были сколотить себе нары для ночлега и набить тюфяки сеном. Бани для пленных предусмотрено не было, поэтому мылись они прямо в Усолке.

Либеральная интеллигенция, увидев, сколь разительны условия содержания рядовых и офицеров, принялась это обсуждать. Причем делалось это настолько громко, что губернатор, во избежание большего скандала, был вынужден отправить часть пленных солдат на лесозаготовки и на ремонт участка Бабиновской дороги от Соликамска до Верх-Яйвы. Как говорится, с глаз долой — из сердца вон!

А в Перми вышло уж совсем непатриотично: несколько экзальтированных особ женского пола встречали пленных австрийков цветами и овалциями, несмотря на строжайшее запрещение губернатора. Патриоты в

Нижний чин 194-го Троицко-Сергиевского полка в летней походной форме. Реконструкция военной формы времён Первой мировой войны. Пермский военно-исторический клуб.

Военные телефонисты.
Фото времен первой мировой войны.

«Пермских ведомостях» по этому поводу негодуют — и даже в стихах.

Ну что поделаешь с русской душой! И к врагу, если он повержен и пленён, она тянется с особенным состраданием и милосердием.

А вскоре Соликамск потрясает новый скандал. Та же губернская газета 24 мая 1916 года публикует разоблачительную статью о том, как некоторые соликамские предприниматели специально придерживают дефицитный товар, чтобы продать его пленным, а сограждан чуть ли не взащей гонят из магазинов и лавок. И тут же список этих врагов: городской голова Ксенофонов и его мать, булочник Пищалкин.

В Соликамске против торговцев восстаёт интеллигенция, уездное земство клеймит градоначальника позором и нехорошими словами, из Перми приезжает комиссия. К счастью, обошлось без измены и вражеского пособничества. Следствие длится до конца года и выясняет, что никакого дефицита в городе и нет. Просто в некоторых магазинах продаются импортные марки табака, сигары, консервы, какао «Нестле», которые простым соликамцам не по карману, а вот пленным офицерам, получающим содержание от русской казны да ещё и переводы с родины, вполне доступны.

А всю бучу затеяли политиканы из уездного земства, которые недолюбливали Ксенофонтова, а также другие торговцы, чей товар был попроще и подешевле.

Однако от этого разбирательства пленным солдатикам на лесоповалах да на Бабиновке — ни тепло ни холодно. «Какавы с чаем» рядовому не положено: кайло с топором, сырая землянка на сто нар да полтинник дневного заработка... Неудивительно, что пленные периодически бегут.

«Наши психопатки»

*Они пленников встречали — этих подлинных зверей —
С поцелуями, цветами... дорожих точно гостей...
...Вот какие психопатки еще водятся в Перми...
От тех дам беря подарки, удивлялись им враги...*

В фотосалоне времен Первой мировой войны.

В июне 1917 года телеграмма на имя старшего милиционера П.Ануфриева в Усть-Боровске наделала настоящий переполох. Из Чердынского уезда бежали двое пленных австрийцев — санитары Руголь и Позы. Поселковая милиция, чтобы задержать беглецов, обшаривала каждый следовавший сверху по Каме плот, каждый пароход. Поймали беглецов, или они, миновав кордон, вернулись на родину, неизвестно.

Но не все пленные, как выяснилось чуть позже, стремились домой. Среди чужаков, попавших в крестьянские хозяйства, было немало земледельцев, которые не только исправно выполняли свою работу, но и научили своих хозяев новым агроприёмам. Во многих семьях пленные стали незаменимыми помощниками, и относились там к ним, как к своим. Местные не сильно поразились, когда пленные стали посещать русские церкви, молиться и ставить свечи перед иконами. Бог один на всех. В Соликамске об этом и напоминать никому не надо.

В который уже раз чужие становятся здесь своими. Общий котёл жизни, кипящий на огне истории, вновь пополнился залетевшими сюда случайно судьбами и личными драмами. Кому-то разрушенная войной родная Европа не улыбалась. Кто-то не только прикипел к здешним краям, но и проникся здесь идеями свободы, равенства и братства. В общем, причин у дюжины офицеров, которые в феврале 1918 года, после установления в Соликамске советской власти, вместо того чтобы отбыть в Омск со своими товарищами, пожелали остаться, было много. И уж совсем очевидное-невероятное: некоторые из них затем записались в большевики.

к ума Чо Вые дни

Война с германцем — преддверие и исток событий кровавых, страшных, переломных в истории страны и Соликамска. Февральскую революцию большинство россиян, уставших от войны, голода, страха, встретило ликованием.

Помните, как в фильме поёт Бумбараш: «Наплевать, наплевать, надоело воевать...»? Так и соликамскому солдату Федору Буторину надоело... И, чтобы после госпиталя вновь не попасть на фронт, но и не прослыть дезертиром, он почти целый год ездит на поездах. На узловых станциях и полустанках играет в рулетку с комендантскими патрулями и судьбой. То пересядет в эшелон, идущий на передовую, то пристроится на крыше вагона, направляющегося в сторону тыла. И таких «Бумбарашей» с каждым днём всё больше.

В Питере уже гремит Октябрьская революция, а в Соликамске всё ещё живут февралём.

Партии большевиков как таковой в Соликамске не существует, хотя члены РСДРП(б) имеются. Но «орггруппа во главе с тов. Кухмаковым» не в состоянии взять власть в свои руки. Кто же такой тов. Кухмаков?

По данным Пермского охранного отделения, Александр Михайлович Кухмаков значится как подпольщик-революционер «со стажем». Ещё в годы первой русской революции он организовал на Усть-Боровском солеваренном заводе Рязанцевых ячейку Российской социал-демократической рабочей партии. В 1907 году именно от Верх-

*Ф*евральская революция застала меня на фронте. Войска сорвали ноганы с офицеров и с сёда, стали заявлять временному правительству: долой войну, стали драться с турками, австрийцами, мадьярами, немцами, договорились, что больше не будут наступать друг на друга...

Солдаты наших частей бросали оружие и уходили с передовых позиций, а которые уходили прямо вооруженные. Но всё это не так легко было сделать, нас перехватывали дальнобойные смерти женские и доставляли нас на станцию...там нас содралось много. Каждый день нас выстраивали и спрашивали: кто пойдёт на фронт? Все молчали, рук не поднимают и вперед не выходят. Тогда нам писали на груди мелом номера и выводили тех, кто назначен к расстрелу. Тут же публично расстреливали, остальных отпускали до следующего дня. Я ходил на такой расстрел шесть раз, но был не роковой, остался жив...

Федор Андреевич Буторин.

Краткие биографические воспоминания. Из фондов СКМ.

Почтовая открытка «Кончен пир богачей!» (1918-1920 гг.). Из фондов ПОКМ.

Из постановления Соликамской городской Думы, ноябрь 1917 г.:

1. Признать всю власть за Учредительным собранием.
2. Выразить полную готовность в случае надобности вооруженной рукой защищать от всех посягательств на верховные права этого Собрания.

В последних числах декабря месяца 1917 года я приехал в г. Соликамск. Проезжая с фронта до Соликамска всюду была уже восстановлена Советская власть, а в Соликамске все ещё существует Земская и Городская Управы. У власти находится буржуазия. Придя домой, нет денег, ни хлеба. Что делать? Пошел проситься на работу. Куда ни пойду, ответ один: «Продали Россию немцам, идите куда угодно», — и больше не хотят разговаривать.

Все солдаты и писаря воинского начальника сотрудничали большевикам, но, что либо предпринять для свержения местной власти самостоятельно не могли, так как на вооружении имелось до 10 винтовок «Бердан» и кроме того не имели руководителей. Местная буржуазия, учащиеся заведения — сынки буржуев, попов создали вооруженную дружину, являясь для охраны винного склада, но ясно было, что она создана для отпора большевикам. Партия эсеров, меньшевиков имели свои организации и руководителей, а партии РСДРП(б) как таковой в Соликамске не было. Была лишь орггруппа во главе с тов. Кухмаковым.

В.В. Бужин. Воспоминания об установлении Советской власти. Из фондов СКМ.

некамья на V съезд РСДРП, проходивший в Лондоне, делегатом был избран товарищ Ульянов-Ленин...

Тогда никому и в самом вешем сне привидеться не могло, что всего через десять лет эта горстка участников съезда «в изгнании», организованного за пару тысяч фунтов стерлингов, занятых немецкими социал-демократами и английским буржуином Иосифом Фелсом, развалит великую империю и станет хозяевами одной шестой части суши.

Вот и получается, что и история России, и вся мировая история могли бы сложиться совсем иначе, если бы не тов. Кухмаков и ещё десятка полтора рабочих социал-демократов, проживающих на уральском фронтире...

...А ситуация действительно более чем странная: двадцатью верстами вниз по Каме, в Усолье, уже всю советская власть, а в Соликамске, который, пусть и весьма формально, но явил миру будущего вождя мирового пролетариата, всё ещё временное правительство, городская Дума провозглашает: «Вся власть — Учредительному собранию!»

Более того, резолюция Думы дополнена решением о создании в городе боевой дружины, которую возглавил офицер-монархист Хомутов, получивший на эти цели 75 винтовок из бывшего полицейского участка. И вот земские служащие, гимназисты и учащиеся духовного училища, а также депутаты городского Совета в полном составе, с бантами в петлицах и берданками на плечах, патрулируют улицы города.

Пока же в Соликамске всё спокойно: большевики, эсеры, кадеты пытаются бороться за власть ещё в рамках закона, но и невооружённым глазом видно, кому готовятся дать отпор сторонники Временного правительства.

Большевики требуют ввести их в городской Совет, однако, как известно, одним только добрым словом можно добиться гораздо меньшего, чем добрым словом и пистолетом.

Помощь прибыла 29 января 1918 года: в город вошли отряды Красной гвардии из Кизела, Лысьвы, Чусового, Губахи. Долгие годы драматические события тех дней трактовались как триумфальное установление советской власти в Соликамске. Благодаря документам, мы можем увидеть это наглядно, словно в революционном боевике:

— Соликамск был оцеплен, а затем постепенно перешёл в руки Красной гвардии. Буржуазия открытого вооружённого сопротивления не оказала. Вечером в Народном доме был собран митинг, в результате которого начались прения, и кто-то из толпы начал стрелять, убиты два красноармейца, несколько участников собрания ранены.

Соликамск. Бывший дом купца Баранова (втор. пол. XIX в.), где 29 января 1918 года была провозглашена Советская власть.

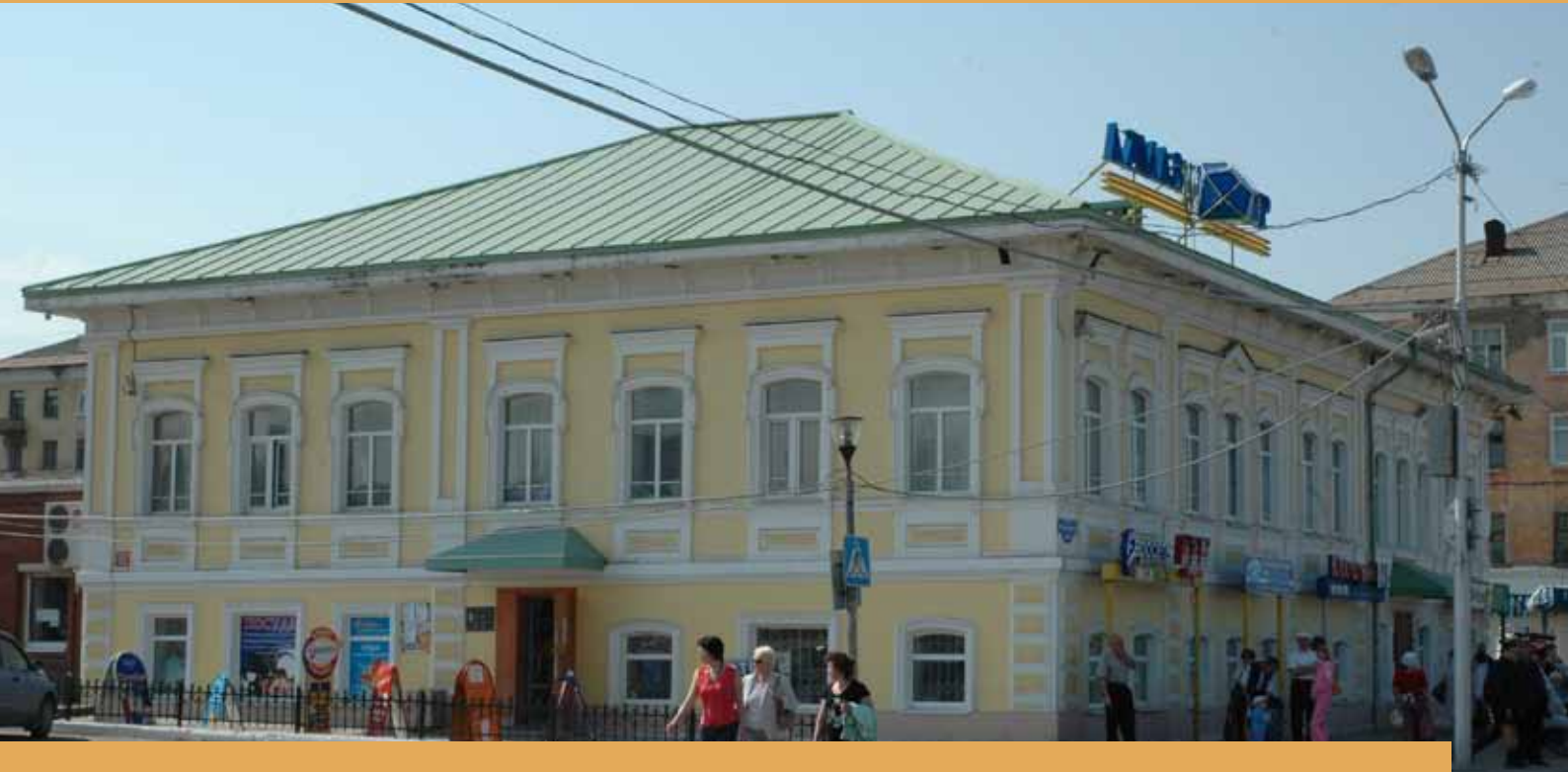
А вот и другая версия — «контрреволюционная». Красногвардейцы вошли в город днём, когда все соликамские дружинники были на работе, и изъяли огнестрельное оружие. Помимо обысков, произошло три случая мародёрства под видом «самовольного обыска».

Телеграмма, отправленная на следующий день после красного переворота председателем Соликамской земской управы Д. Антипиным, до адресата так и не дошла, поскольку губернского земства в Перми к этому времени уже не существовало.

Так в Соликамске 31 января 1918 года была установлена советская власть. Но за «непослушание» Соликамск вскоре новой властью был наказан — уездный центр из города был перенесён в Усолье. А вскоре началась Гражданская война. Война, которая отменяет все правила и устои.

*Город от красной гвардии полном терроре тѣх вчера или был
устроен провокаторский митинг тѣх Результат тире стрельба
тѣх семь жертв тѣх Население все обезоружено тѣх Масса арестов
тѣх Одещают самосуды тѣх Ради Бога выручите всѣх
Д.Н. Антипин, председатель Соликамской уездной земской
управы.*

1
2

1. Особняк солепромышленников Рязанцевых
(втор. пол XIX в.).

2. Особняк последнего городского головы Николая
Михайловича Ксенофонтова (кон. XIX в.).

1
2

1. Здание городской администрации. Бывший дом купца Баранова (втор. пол XIX в.).

2. Здание бывшего уездного казначейства Соликамского уезда с почтово-телеграфной конторой (1905 г.).

к красно-белый террор

Через одиннадцать месяцев после установления в Соликамске советской власти, 23 декабря 1918 года по Бабиновской дороге в город вошла конная разведка 23-го Верхотурского полка армии адмирала Колчака. Несмотря на введение в городе военного положения и комендантского часа. Несмотря на то, что на выезде из города стояли посты, а ночью улицы патрулировали пешие и конные красноармейцы, город к обороне подготовлен не был и был сдан без боя. Коммунисты, кто успел и хотел, эвакуировались, а кадеты перешли на сторону белых.

Соликамск встретил белых восторженным колокольным звоном. Несмотря на мороз, на городской площади два часа продолжался благодарственный молебен.

Первым делом белые вернули Соликамску утраченный было статус уездного центра. Были восстановлены гражданские учреждения и органы власти образца 1917 года. В прежнем составе возобновили свою деятельность городская Дума и уездная земская управа. Но прежнего спокойствия Соликамской земле эта реставрация, увы, принести уже не могла.

Как красные начали свое правление с зачистки «контриков», так и белые начали с того, что при Думе была создана следственная комиссия по борьбе с большевизмом. К арестам добавились расстрелы и зверские телесные наказания.

Новые «старые» порядки, насаждаемые колчаковцами, оказались куда более жестокими, чем при царе-батюшке. Стачки и забастовки запрещались под страхом расстрела, нередко работников пороли за опоздание на работу. Рабочий день увеличился до 10-12 часов, были отменены введенные Советами ограничения в использовании женского и детского труда. Земля и имения возвращались их бывшим владельцам. Налоги на крестьян за полгода возросли в тринадцать раз! Несогласие крестьян подавляли карательные отряды.

Соликамск той поры — город, в котором революцией и Гражданской войной смело весь прежний неторопливо-спокойный уклад, где ещё предстояло разыграть кровавым и братоубийственным трагедиям, предстаёт перед нами в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» под именем Крестовоздвиженск.

Ёмкое и музыкальное название одного из наших храмов навсегда связалось в памяти автора с городом, где ему довелось побывать в молодости. В описаниях Крестовоздвиженска мы и сейчас без труда можем узнать черты неповторимого облика Соликамска.

Когда наступали белые со стороны Половодова, то мы навстречу выехали за село Городище на лошадях запрятанные комсвали на дулах были колокольцы и белые флаги и белые полотенца на руках и каравай хлеба.

После прихода белых в село Городище была организована белая дружина добровольцев, дружину вооружили винтовками.

Сразу же в этот день дружинники во главе с военным комендантом начали делать обыск у семей коммунистов и забирать имущество. У нас забрали отцовские вещи и то, что было новое, холсты матери, вплоть до карандашей, которые были куплены для школы, забрали последнюю лошадь, выгредли весь хлеб.... Вскоре поймали отца и арестовали, посадили в тюрьму в Соликамске.

Вопрос о судьбе арестованных коммунистов решался на собрании граждан Городища и длинных деревень. Дружинники выступали с предложением о расстреле коммунистов и уничтожении их семей. Поп Знаменский Алексей выступал против дружинников и против расстрела. Был составлен список арестованных и Знаменский поехал к коменданту Соликамска, где было решено выграть их по сорок розет...

М.А.Акумов. Из воспоминаний. Из фондов СКМ.

Галузина уже не раз доходила до привоза, торговой площади Крестовоздвиженска. Отсюда в дом к ней было налево. Но каждый раз она передумывала, поворачивала назад и опять углублялась в прилежавшие к монастырю закоулки. Привозная площадь была величиной с большое поле. В прежнее время по базарным дням крестьяне уставляли ее всю своими телегами. Одним концом она упиралась в конец Еленинской. Другая сторона по кривой дуге была застроена небольшими домами в один этаж или два. Все они были заняты амбарами, конторами, торговыми помещениями, мастерскими ремесленников. Здесь в середине уличного ряда находилась большая в три окна колониальная лавка Галузиных. Здесь на углу, рядом с лесным складом стоял старый, рассевшийся на четыре стороны, как подержанный рыдван, двухэтажный дом из серого теса. Он состоял из четырёх квартир. В них было два входа, по обоим углам фасада. Левую половину низа занимал аптекарский магазин Залкинда, правую — контора нотариуса. Над аптекарским магазином проживал старый многосемейный дамский портной Шмулевич. Против портного, над нотариусом, ютилось много квартирантов, о профессиях которых говорили покрывавшие всю входную дверь вывески и таблички. Здесь производилась починка часов и принимал заказы сапожник. Здесь держали фотографию компаньоны Жук и Штродах, здесь помещалась гравировальня Каминского.

Борис Пастернак.
Роман «Доктор Живаго».

*Н*ачалась жестокая расправа... Коммунист Тверетников Александр — житель Соликамска штабс капитаном Зыряновым был изру-
блен против бывшего магазина купца Петерцева, видный работ-
ник член партии Лошинов Андрей Васильевич был зарублен около дома
Рззанцева... Отрубленная голова т. Лошинова А.В. несколько дней ва-
лялась на улице и служила виде футбольного мяча для буржуазной
и другой нечести города Соликамска, труп его валялся на улице как
для пощенища для буржуазии. Коммуниста, жителя Соликамска
Детянникова Н.А. мучили нечеловеческими способами и погубили
ещё расстреляли, пустив несколько разрывных пуль.

*Иван Анкушин. Из воспоминаний «Октябрьская революция и
Гражданская война в городе Соликамске и его уезде».
Из фондов СКМ.*

*Н*ошел рабочий и завыл: Начальство пирует, а вы и рта
не смеете открыть. Они достают вино из подвала бывшего
Ксенофонтовского погребца, припечатанного негатыю, а вы ду-
дете в ответе за это. Комиссар скроется, а вы останетесь тут.
Мы решили повести решительную борьбу с пьянством, пошли объ-
скачивать комиссара Войлокова и нашли много вина...

*Водку мы передали начальнику милиции Буганкину, который со своей
командой выпил ее и валялись у местного содвора. Мы их арестовали
и посадили в тюрьму.*

*Этим Войлоков воспользовался и пошел на ликвидацию нашего отря-
да, сообщив в уездную ВЧК, что отряд наш превратился в контррево-
люционный, что он уже переставал милицию, убили его заместит-
теля и добрался до него, в силу этого просил послать отряд на лик-
видацию отряда...*

*У Войлокова был построен план по ликвидации нас. Он разместил
агентов по домам наших квартир, произвести удивство в упор...*

Федор Андреевич Буторин.

Краткие биографические воспоминания. Из фондов СКМ.

*И там, и тут между рсдали
Звучит один и тот же глас:
Кто не за нас, тот против нас,
Нет равнодушных! Правда с нами!
А з стною один меж них,
Объятый пламенем и дымом.
И всели силали своимли
Молюсь за тех и за других.*

Максимilian Волошин.

В бессмертной «лирической эпопее» Пастернак рассказал об ужасах и бесчеловечной жестокости Гражданской войны, не деля мир на «красных» и «белых», на своих и чужих. Его герой, Юрий Андреевич Живаго, врачующий человеческие тела, сердца и души, переживает страшные муки от непоправимо-греховной сущности этих дней именно здесь, в залитой человеческой кровью уральской тайге. Он понимает происходящее как «кровавую колошматину и человекоубоину, которой не предвиделось конца». Изуверства красных и белых соперничали по жестокости, «попеременно возрастая одно в ответ на другое, точно их перемножали». Кровь тех и других вызывала приступы тошноты, «она подступала к горлу и бросалась в голову, ею заплывали глаза». «Озверение воюющих к этому времени достигло предела»...

И в патриархальном Соликамске в 1918 году творится невообразимое.

Тупую, бессмысленную злобу ожесточённых звериными инстинктами людей, теряющих в стихийном бесчинстве войны своё человеческое лицо, передают документальные сводки нашей соликамской истории — воспоминания очевидцев.

Всё смешалось в страшной и безумной бойне. Примеров зверств и изуверств было немало как с той, так и с другой стороны. Но вот ещё один эпизод: одна из частных семейных трагедий.

Живут на селе два брата, один из которых на стороне белых, другой — у красных. У красного имеется гармонь. И вот, узнав, что белые наступают, он передаёт брату на хранение музыкальный

инструмент, а сам уходит в партизаны. Спустя полгода под натиском красных 18-й Тобольский сибирский полк Колчака отступает, и «белый» брат приходит к жене «красного» и возвращает гармонь.

Эх, братья! Эх, люди! Ни себя, ни родных не сберегли, исчезли в вихре всеобщего умопомрачения. А гармонь сохранили. Словно память о себе. Словно душу рода человеческого. Словно символ гармонии, которая всё же должна остаться среди нас, кто бы ни победил в той бессмысленной войне, что своих и родных чужими, врагами сделала. Как же точно и парадоксально вскрывает этот сюжет суть Гражданской войны и суть нашего к ней отношения.

с оль Победы

До следующей войны успело народиться и вырасти целое поколение соликамцев. Новое, первое поколение советских людей.

Июнь 1941-го. Белые ночи, выпускные вечера в школах, влюблённые катаются по Усолке на лодках, в кино крутят «Валерия Чкалова». Небольшой провинциальный городок, как оказалось, чрезвычайно важен стране — красная соль Пермского моря является ценным удобрением, да к тому же содержит магний. «Крылатый» металл нужен самолётостроителям. Огромный комбинат, построенный в считанные годы, превратил зачахший было купеческий городишко в крупный промышленный центр. Жизнь полна перспектив, нам нет преград ни в море, ни на суше...

О войне никто не говорит, но её дыхание в воздухе. С её началом в город потянулись бесконечные эшелоны — с оборудованием эвакуированных заводов и беженцами. Семь детских домов, тысячи детей воюющего Сталинграда принял наш город. Картины Русского музея и других сокровищниц русской и мировой культуры, два театра нашли здесь приют. В годы войны развёрнутое в городе военное училище штампует на краткосрочных курсах танкистов, многим из которых не суждено пережить первого боя.

К станкам на заводах встают женщины и подростки. Нельзя на фронт, но можно промить фашиста прямо отсюда, из далёкого города на границе Европы и Азии. Ведь именно здесь Гитлер хочет установить границы своего тысячелетнего рейха. Лети, снаряд, с приветом от простых уральских девчонок.

Соликамскому магниевому, чтобы дать больше «крылатого» металла, нужен обогащённый карналлит. Много карналлита. И шахтеры рискуют

О наградах и орденах никто тогда не думал. Работали, не считаясь ни с временем, ни с трудностями. Рабочих рук не хватало, трудились по 12 часов без выходных, без отпусков. А нередко случалось, что после смены на 3-4 часа шли в зольное отделение на выгрузку угля или песка.

...Уже в первой год войны нам было дано указание об ограничении энергии. А как нам ограничиться? Шахты и частично без электричества не оставили, и солемельницу, и фабрики... А другие цеха? Взять хотя бы «Литисотку», открывшуюся в войну в дровяках для горняков. Тогда мы ещё не знали, что за продукцию здесь производят. Но приказ был чёткий — ни при каких обстоятельствах не отключать. А когда в цехе № 500 какой-то взрыв произошёл, столько шума было. Лишь после войны узнали, что здесь выпускали дымовые шашки.

Из воспоминаний Евдокии Степановны Герасимовой.

Здание бывшей городской женской 8-классной гимназии, где в годы войны размещался один из госпиталей.

Сотрудники госпиталя №3137 и бойцы Советской армии, находившиеся на излечении в 1944 году в г. Соликамске. ГАРФ.

жизнями, чтобы фронт получил новые самолёты, переходят на более опасный способ добычи — буро-взрывной. Так среднемесячная добыча карналита на СКК при меньшем числе людей увеличилась в семь раз.

Одновременно на комбинате налаживают производство нашатырного спирта. Нашатырь нужен не только для того, чтобы приводить в чувство особо чувствительные натуры. Неприятного запаха средство нужно фронту для создания дымовых завес. Освоен и выпуск пищевой соли из каменной.

Как-то коллектив смены попросил меня сходить за солью в цех химических препаратов. беру противную горсть, смотрю, а соль-то мелка-мелка, как порошок. Спрашиваю, куда она така? В госпиталь, на раны идёт, — пояснил мне. Из воспоминаний Евдокии Степановны Герасимовой.

Начинают поступать раненые и больные. Занят госпиталем санаторий, занят Дом воеводы, занят учительский институт. Пять госпиталей едва успевают штопать и возвращать на передовую бойцов — палаты переполнены снова и снова. Раненые всё прибывают, их так много, что даже страшно — кто же остался на фронте? Девчонки выступают перед ранеными с концертами. Сотни горожан становятся донорами. В соликамских госпиталях было поставлено на ноги более 26 тысяч бойцов.

Всё для фронта, всё для Победы — даже наша соль!

Раненым нужна соль — прекрасное асептическое средство. А фронту нужен порох — прекрасно «успокаивающий» фрицев порошок. И всего за несколько месяцев в Боровске вырастает пороховой завод, эвакуированный из Луганска, — завод №577. Здесь изготавливают заряды для «катюш», наводящих на врага смертельный ужас.

Соликамск, затаив дыхание, ловит свежие сводки Совинформбюро. Беспристрастный, как положено, но пробирающий до мурашек голос Левитана оптимизма не вызывает: фашист рвётся к Волге, пытается задушить Ленинград. О том, что в блокадном городе тысячи людей ежедневно умирают от голода, а на Дону немецкая артиллерия, танки, авиация перемальва-

ют десятки тысяч красноармейцев, радио не сообщает. Цензура не пропускает, чтобы не сеять паники и упаднических настроений.

А паники нет. Соликамские школьники метают гранаты, разбирают и собирают винтовки, изучают азбуку Морзе, зарабатывают деньги на соликамский самолёт. А магниевики — аж на целую эскадрилью. Девчонки осваивают автодело. Парни учатся, чтобы записаться в Уральский добровольческий танковый корпус. Парни взрослеют и уходят на фронт. Подрастают другие — и тоже уходят. Иногда даже становится страшно, а кто же останется ковать победу в тылу?

А с фронта идут долгожданные треугольники писем, оттуда же чёрной полноводной рекой плывут похоронки: «Ваш муж, Ваш брат, Ваш сын героически пали в боях за нашу Советскую Родину...».

Те ребяташки, что для боёв подрасти не успевают, собирают грибы и отправляют на фронт. Шьют тёплые вещи, кисеты, пишут письма от раненых солдат домой.

Не все раненые могут вернуться на фронт: многие остаются без глаз, без ног, без рук. Чтобы инвалиды не чувствовали себя обузой, приносили пользу стране, горсобес организует курсы бухгалтеров, сапожников, парикмахеров, портных.

В этой лихорадочной, больной деятельности, в полуобмороке от усталости и недоедания нет ни капли пафоса: только желание жить и победить.

Соликамск. 9 мая — День Великой Победы. «Спасибо за Победу!», — благодарит ветеранов глава города Сергей Девятков.

Москва, Кремль, председателю Совнаркома Союза СССР тов. Берия от уполномоченного ГКО (Государственного комитета обороны) Савченко.

Завод №577 Наркомата боеприпасов производит нитроглицериновые пороха. Завод новый, введенный в эксплуатацию в августе 1942 года, до сих пор не имеет достаточного количества рабочей силы для выполнения всевозрастающей производственной программы.

Для выполнения майской и июньской программы в размерах, заданных ГКО от 12 мая, не хватает 700 человек технологических рабочих главным образом для миномётной линии. Обращение завода и парторганизации в Наркомат боеприпасов по этому вопросу не привело к положительным результатам. Источники мобилизации внутри района исчерпаны.

Тяжелое положение также на заводе и с транспортом. Завод работает десятый месяц и до сих пор не имеет ни одной лошади и всего 7 автомашин...

Прошу Вас оказать помощь заводу.

А во время бури в апреле 1943 года, когда ещё конца-края не видно проклятой войне, когда немец, едва оправившись после Сталинграда, скалится вновь и вновь, падает шпиль Соликамской колокольни. Уже летом, после Курской дуги, станет ясно, что этот год — переломный в ходе сражений. Восстановят звонницу только после войны — сейчас некогда да и некому.

Тридцать тысяч соликамцев призваны на фронты Великой Отечественной войны. Тысячи из них не вернутся в родной город уже никогда. За эту Победу они отдадут самое дорогое, что есть, — свои жизни. Они умирают героически и нелепо, в бою и ещё только по дороге на передовую, так и не узнав запаха пороха; отступая летом 41-го, когда кажется, что поражение неизбежно, и у стен Рейхстага... Их жизни на алтарь Победы — великая жертва ради нашего будущего.

Пять тысяч соликамцев за свой подвиг награждены орденами и медалями. Двенадцать среди них удостоены высшей награды Родины: первые среди равных — Герои Советского Союза.

Дмитрий Фёдорович ЧЕБОТАРЁВ (1920-1943)

Указ о награждении от 07.08.1943 г. (посмертно)

Наводчик 45-миллиметрового орудия 212-го гвардейского стрелкового полка (75-я гвардейская стрелковая дивизия, 13-я армия, Центральный фронт), гвардии младший сержант.

В 1943 году призван в Красную Армию Соликамским райвоенкоматом. 6 июля 1943 года гитлеровцы предприняли наступление на станцию Поныри Курской области. Расчет 45-мм пушки, где Чеботарёв был наводчиком, подавил четыре огневые точки противника и уничтожил до ста гитлеровцев. Чеботарёв, зная возможности своего маломощного орудия, подпускал танки врага почти вплотную и бил без промаха в гусеницы. Всего в том первом и последнем для себя бою Чеботарёв подбил семь танков и штурмовое орудие. Оставшись в одиночку и будучи раненым, он успел подбить восьмой танк. Погиб от взрыва снаряда.

Григорий Григорьевич ШУМКОВ (1920-1993)

Указ о награждении от 17.10.1943 г.

Командир роты 705-го стрелкового полка (121-я стрелковая дивизия, 60-я армия, Центральный фронт), старший лейтенант. Родился 5 октября 1920 года в деревне Парасино Соликамского района, работал бухгалтером в райсельхозотделе.

27 сентября 1943 года рота Шумкова на подручных средствах переправилась через Днепр в районе села Глебовка Киевской области. Захватив плацдарм, стрелки отразили несколько контратак противника. Умело маневрируя, командиру удалось сохранить своих солдат в бою с многократно превосходящими силами немецкой пехоты и танков. Используя фактор внезапности, стремительной атакой освободил от фашистов близлежащий

населённый пункт, обеспечив своим войскам беспрепятственную переправу. В уличной схватке Шумков был тяжело ранен, почти потерял зрение, но продолжал руководить боем.

После войны жил в Соликамске. Был на административно-хозяйственной работе.

Николай Трофимович ШЕРСТОБИТОВ (1922-1944)

Указ о награждении от 30.10.1943 г.

Пулемётчик 685-го стрелкового полка 193-й Краснознамённой стрелковой дивизии 65-й армии Центрального фронта, красноармеец. Родился в 1922 г. в селе Городище Соликамского района Пермского края. Работал в колхозе.

В действующей армии — с августа 1941 года. Особо отличился при форсировании реки Днепр 15 октября 1943 года в районе села Каменка.

Переправляясь на плоту, Н.Шерстобитов вёл пулемётный огонь. Когда плот был разбит, а пулемёт утонул, воин достал его со дна реки и принял участие в бою за плацдарм. Он одним из первых высадился на западный берег Днепра и бросился в немецкие траншеи, где удерживал оборону до подхода основных частей. Погиб 23 июля 1944 года в бою за освобождение Белоруссии.

Василий Афанасьевич СУСЛОВ (1921-1998)

Указ о награждении от 20.12.1943 г.

Командир орудия 5-го гвардейского воздушно-десантного артиллерийского полка (10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, 37-я армия, Степной фронт), гвардии сержант.

В ночь на 1 октября 1943 года В.Суслов со своим расчётом преодолел Днепр в районе села Переволочна. Закрепившись на плацдарме, отражал контратаки противника. Огнём из своего орудия уничтожил три танка, четыре автомашины, двенадцать огневых точек и больше роты автоматчиков. При отражении последней танковой атаки подбил ещё четыре танка. Когда орудие оказалось разбитым, Суслов, несмотря на контузию, гранатами подбил ещё один танк.

После войны жил в Соликамске. Долгие годы трудился электрослесарем на Соликамском магниевом заводе. В Соликамске на доме, где жил Герой, установлена мемориальная доска.

Николай Иванович АНТОНОВ (1918-1995)

Указ о награждении от 15.01.1944 г.

Командир пулемётной роты 218-го гвардейского стрелкового полка (77-я гвардейская стрелковая дивизия, 61-я армия, Центральный фронт) гвардии старший лейтенант Николай Антонов отличился в сентябре 1943 года в районе села Комарина Гомельской области Белоруссии. При переправе через Днепр Антонов получил задание: огнём своей роты отвлечь внимание противника от действительного места переправы дивизии. Умелые

действия его роты на ложном участке форсирования Днепра способствовали успешному преодолению реки батальоном на главном направлении.

Константин Фомич ШУВАЛОВ (1912-1999)

Указ о награждении от 15.01.1944 г.

Парторг стрелкового батальона 467-го стрелкового полка (81-я стрелковая дивизия, 61-я армия, Центральный фронт), лейтенант.

До войны работал в Соликамске начальником автобазы в Усольском ИТЛ (Усольлаг).

В ночь на 26 сентября 1943 года в составе первой группы Шувалов форсировал Днепр у деревни Глушец Гомельской области. После гибели командира десанта принял командование на себя. В боях на плацдарме парторг находился на самых опасных участках, организуя отражение контратак. Был тяжело ранен. За пять суток, пока не переправились основные силы, группа Шувалова отразила 22 атаки превосходящих сил противника.

О награждении Звездой Героя Шувалов узнал уже в Москве в госпитале им.Бурденко. После выздоровления вернулся на фронт, дошел до Берлина, участвовал в освобождении Праги.

Василий Иванович КУЗНЕЦОВ (1894-1964)

Указ о награждении от 29.05.1945 г.

Командующий 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта, генерал-полковник. Родился 15 января 1894 года в селе Усть-Усолка.

В декабре 1941 года 1-й ударная армия Западного фронта под командованием Кузнецова успешно действовала в контрнаступлении под Москвой. В 1942 году Кузнецов командовал 63-й армией на Сталинградском и Донском фронтах. В апреле-мае 1945 года части 3-й ударной армии под командованием В.И. Кузнецова приняли активное участие в Берлинской операции. За умелое руководство армиями в контрнаступлениях под Москвой и Сталинградом, в Берлинской и других операциях, личное мужество и отвагу генерал-полковнику В.И.Кузнецову присвоено звание Героя Советского Союза.

Именем Героя названы улицы в Москве и в Соликамске. В Москве установлен памятник В.И.Кузнецову.

Пётр Егорович КОНДРАТЕНКО (1923-?)

Указ о награждении от 22.07.1944 г.

Сапер 1122-го стрелкового полка 334-й стрелковой дивизии 1-го Прибалтийского фронта, сержант. В армию призван из Соликамска в 1940 г. На фронте — с июля 1941 г. Был ранен шесть раз.

За одну ночь 23 июня 1944 года в боях под Витебском Кондратенко обезвредил 387 мин, открыв четыре прохода для наших войск через минное поле, обезвредил вражеский дот, обеспечив нашей пехоте дальнейшее продвижение вперед. 26 июня 1944-го сержант Кондратенко в бою уничтожил 18 гитлеровцев и несколько вражеских солдат взял в плен.

Валентин Иванович ЕЛЬКИН (1923-1944)

Указ о награждении от 22.07.1944 г. (посмертно)

Командир звена 908-го истребительного авиационного полка (141-я истребительная авиационная дивизия, Южный фронт, ПВО), младший лейтенант. Родился в селе Усть-Боровая.

8 июня 1944 года В.Елькин вылетел на Ла-7 с аэродрома Проскуров на перехват вражеского самолёта и сбил его. В это время самолёт Елькина атаковала пара «мессершмитов». Лётчик был ранен в руку и ногу. Тем не менее он сбил один самолёт врага. Когда кончились боеприпасы, В.Елькин пошёл в лобовую атаку на второй истребитель. Самолёты упали вблизи деревни Кужницы. Первый и последний бой Валентина Елькина длился всего 8 минут...

В городах Хмельницкий и Усолье ему установлены памятники.

Пётр Евстафьевич ЛАВРОВ (1922-1945)

Указ о награждении от 31.05.1945 г. (посмертно)

Механик-водитель танка 269-го танкового батальона (23-я танковая бригада, 9-й танковый корпус, 3-я ударная армия, 1-й Белорусский фронт), старший сержант.

В июле 1941 года был призван в Красную Армию Соликамским райвоенкоматом. Боевое крещение получил под Сталинградом в ноябре 1942 года. С 14 апреля по 1 мая 1945 года в боях на подступах к Берлину и на улицах гитлеровской столицы уничтожил семь орудий и двенадцать пулеметных точек противника. В уличных боях за Рейхстаг под огнём врага отбуксировал подбитый танк. Был тяжело ранен, скончался 1 мая 1945 года.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм Лаврову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Николай Александрович ЛАДКИН (1923-1945)

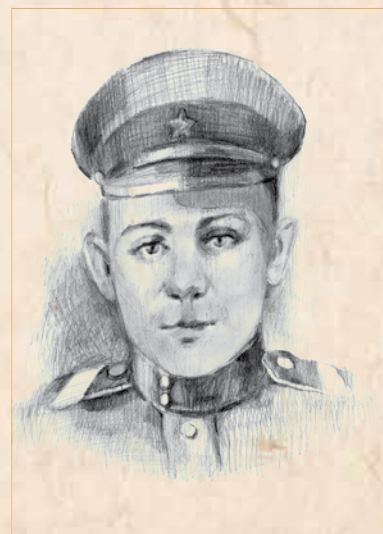
Указ о награждении от 29.06.1945 г. (посмертно)

Командир орудия 21-го гвардейского артиллерийского полка (2-я гвардейская стрелковая дивизия, 2-я гвардейская армия, 3-й Белорусский фронт), гвардии младший сержант.

Родился 26 ноября 1923 года в селе Усть-Боровая — ныне черта города Соликамска Пермского края. Работал на целлюлозно-бумажном комбинате.

В декабре 1941 года был призван в Красную Армию Соликамским райвоенкоматом. 7 февраля 1945 года в районе города Прейсиш-Эйлау (Багратионовск Калининградской области) при отражении вражеской контратаки на высоту 89,6 его расчет уничтожил семь пулемётов, два миномёта, противотанковое орудие, много гитлеровцев. Ладкин был дважды ранен, но, оставшись один на высоте, продолжал вести огонь по врагу из автомата до последнего дыхания.

В Соликамске установлен памятник, а на доме, где жил Герой, — мемориальная доска. Его именем названа улица в Боровске.

Константин Герасимович РОДЕНКО (1923—1985)

Указ о награждении от 19.04.1945 г.

Командир орудия 224-го артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии 43-й армии 3-го Белорусского фронта, сержант. В Красной Армии — с 1944 года. До этого работал на Соликамском калийном комбинате.

В апреле 1945 года в боях на подступах к Кёнигсбергу (Калининград) прямой наводкой уничтожил четыре станковых пулемёта, наблюдательный пункт, 75-миллиметровое орудие и около полусотни гитлеровцев.

9 апреля под огнём противника расчёт сержанта Роденко, построив мост через канал, первым ворвался в опорный пункт Модиттен. Развернув орудие, артиллеристы уничтожили два станковых пулемёта и тяжёлый танк врага. Когда кончились снаряды, Роденко гранатами уничтожил семнадцать гитлеровцев, был ранен, но остался в строю. Стойкость и мужество расчёта Роденко дали возможность овладеть Модиттеном.

Николай Ильич БОРИСОВ (1915-1995)

Квалер Орденев Слава: III степени — приказ от 25.12.1944 г.

II степени — приказ от 06.03.1945 г.

I степени — Указ от 29.06.1945 г.

Командир отделения взвода пешей разведки 801-го стрелкового полка (235-я стрелковая дивизия, 43-я армия, 3-й Белорусский фронт), старший сержант. Родился 16 мая 1915 года в Соликамске, работал в райколхозсоюзе.

На фронте — с ноября 1942 года. Орденом Славы III степени награждён за подвиг, совершенный 20 ноября 1944 года в районе литовского селения Карлехоф. Борисов, прикрывая товарищей, забросав врага гранатами, обеспечил группе захвата возможность взять «языка».

В конце января 1945 года в боях юго-западнее города Тильзита в Восточной Пруссии он с разведывательной группой уничтожил большое количество вражеских солдат, нескольких взял в плен. Награжден орденом Славы II степени.

В апреле 1945 года в боях за город Кёнигсберг, ныне Калининград, старший сержант Борисов с отделением истребил семнадцать гитлеровцев, шесть взяли в плен. На окраине города он первым ворвался в здание, занятое врагом. Был ранен.

В 1945 году вернулся в Соликамск. Трудился на железнодорожной станции Рудник сцепщиком вагонов, затем пожарным.

Соликамская земля дала стране двенадцать Героев Советского Союза. Их подвиги помнят не только здесь, помнит вся Россия, помнит «Белоруссия родная, Украина золотая»... Именем командарма генерала Василия Кузнецова названы улицы в Соликамске и в Москве. Имя лётчика Елькина присвоено центральной площади Усоляя.

Нам хотелось бы вспомнить поимённо каждого из 30 тысяч наших земляков, защитивших человечество от зла, отстоявших наш мир. К сожалению,

нию, с большинством из них мы уже не встретимся на улицах Соликамска. Но слава о них будет жить, пока будет жив хоть один человек, берегущий память о подвигах героев.

Наша ненависть к фашистам, выстраданная в боях и голоде разрухи, омытая кровью воинов, слезами вдов и сирот, растёт и укрепляется день ото дня...

Соликамск до дыр зачитывает номер «Красной звезды» от 24 июля 1942 года, передаёт из рук в руки, из слова в слово краткий призыв Ильи Эренбурга: «Убей!». Поводом для этой статьи, по словам автора, стали письма из Германии, обнаруженные у убитых солдат вермахта, из которых становится очевидным намерение немцев «превратить наш народ в рабов».

Сегодня даже читать эту статью-заклинание страшно, а тогда это была проза жизни. А соликамцев ещё ждёт жестокое испытание — на человечность.

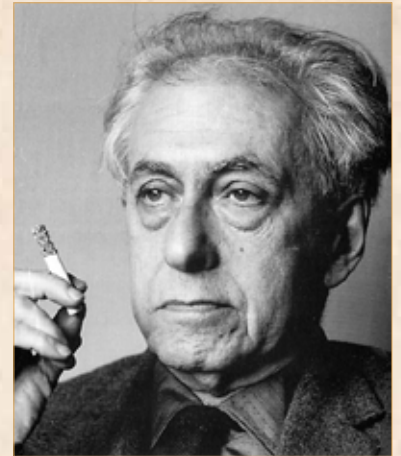
В марте 1943 года создаётся Березниковский фильтрационный лагерь НКВД №241, куда вскоре доставляют первую партию пленных — 2500 человек. Они будут заняты на лесозаготовках, в строительстве, будут работать в калийных шахтах Соликамска.

Но немцы в Соликамске появляются много раньше. Согласно Указу №21-160 Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 года в Соликамск прибывают двенадцать тысяч немцев от 14 до 60 лет. Им доверили ответственную работу — строительство порохового завода.

Не только переселенцы и пленные вливались в соликамский тыл. Многие оказались здесь, будучи мобилизованными по воинскому призыву. Молодые ребята отправлялись на фронт, нередко — добровольцами, нередко — не достигнув ещё призывного возраста, а оказались в глубоком тылу, и вместо оружия им вручили кирки, лопаты, ломы и кувалды. Но если назвали это «трудовой армией», почему же на строительство завода №577 их водят строем и под вооружённой охраной?

Машина тоталитарного режима не терпит даже намёка на инакомыслие или собственную, слишком заметную позицию. «Трудармейцы», «спецпереселенцы», «враги народа»... Сколько человеческих судеб перемолото в пыль и развеяно по ветру! Скрипит по-залаженному мельница Усольлага, её жернова плохо разбирают, что под них попадёт. Разбираться некогда: «По закону военного времени»... В страшных цифрах войны государства со своим народом скрываются исковерканные судьбы, трагедии целых семей, поколений.

«Сталинским соколом» величали, а потом пустили зернышком промеж сталинских жерновов», — так с горечью говорил о себе летчик

Илья Эренбург (1891-1967), советский писатель и публицист.

Мы помним: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятие. Отныне слово «немец» разряжает ружьё. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем удивлять. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьёт твой сосед, ты не понёс угрозы. Если ты не убьёшь немца, немец убьёт тебя. Он возьмёт твоих и будет мучить их в своей оккупированной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. Если на твоём участке затихнет, если ты найдёшь бос, убей немца до дна. Если ты оставишь немца жить, немец повесят русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего бессмысленнее немецких трунов. Не считай дней. Не считай вёрст. Считай одно: убитых тобой немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

Илья Эренбург, «Красная звезда» от 24 июля 1942 года.

Герой Советского Союза
Василий Афанасьевич Меркушев.

Соликамскстрой ИТЛ НКВД СССР.
Общий вид лагеря. 1944 г. ГАРФ.

Эмблема ФГУП «Соликамский завод «Урал».

Из приказа от 7 марта 1942 г.,
С.Круглова, зам. наркома НКВД.
Т.т. Бойкову, Поташнику.

Во втором и третьем районах
«Соликамбумлага» среди прибывших в
1941 г. рабочих колонн из немцев резко
увеличилось число нетрудоспособных.
Установлено, что после двухмесячного
пребывания в лагере группа трудоспособных
снизилась с 3294 человек до 435, а также
увеличилось число с пониженной (на 50%)
трудоспособностью.

Такое положение свидетельствует о том, что
уже в самом лагере прибывшая физически
годная рабочая сила в сравнительно
небольшой период времени ослабляется в
результате безответственного отношения
лагеря к сохранению рабочего фонда
и правильной организации трудового
использования и бытового устройства
рабочих колонн...

Вы лично несёте ответственность за
проведение оздоровительных мероприятий
и сохранение рабочего фонда.

Василий Меркушев, сосланный на соликамский остров «Архипелага ГУЛАГ».

Герой Советского Союза, командир истребительного авиаполка, гвардии подполковник Меркушев был сбит и попал в плен. Судьба пощадила его, чтобы бросить потом в более страшное пекло — годы физического и морального унижения в своей собственной стране. Уже после войны — 23 февраля 1949 года — Василий Афанасьевич был арестован, объявлен предателем Родины и отправлен в Соликамск.

В его письме Сталину есть такие строки: «Я чист душой. Вот моя правда. Если нет мне больше доверия, прошу меня расстрелять...».

Василия Меркушева амнистировали уже после смерти вождя, 1 июня 1954 года. Ему вернули звание Героя Советского Союза, Золотую Звезду Героя, два ордена Ленина, ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, восстановили воинское звание. Но только в 2002 году, через двадцать восемь лет после смерти, Герой был полностью реабилитирован.

...А Соликамский пороховой завод в сплочении всей свободной и несвободной рабочей силы дал фронту первую продукцию уже 8 августа 1942 года. За годы Великой Отечественной «почтовый ящик №577» отправил на фронт 265560 зарядов к легендарным «катюшам» и 13656500 миномётных и артиллерийских зарядов. Всё для фронта!

Орден Великой Отечественной войны, которым предприятие награждено за вклад в Великую Победу, — это награда и тем, кто строил завод, тем трудармейцам, что покоятся в безымянных могилах.

Из двенадцати тысяч строителей завода от голода, холода, нечеловеческого обращения погибли 7300. Даже для «запечных дел мастеров» из НКВД — это «большие потери». Не потому, что каждая человеческая жизнь бесценна, а потому, что с такими потерями скоро и работать некому будет. Придётся изыскивать новые резервы.

В Соликамском УНКВД очень хорошо понимают, что значит нести «личную ответственность», да ещё и в условиях военного времени. Поэтому на-

правляют часть трудармейцев строить подсобное хозяйство. Под него выделены бесплодные чёрные пески речки Чёрной в пригороде Соликамска.

Немцы с присущей им скрупулёзностью берутся за дело. Вырубают лес, строят бараки, сараи, амбары, вручную корчуют пни и чуть ли не на санках завозят единственное доступное удобрение — торф. Соли плодородия гражданам, как считалось, «второго сорта», конечно же, никто не выписывает. Но уже осенью, назло системе, всем смертям назло, чёрные, только теперь от торфа, пески дают первый урожай...

И всё же в послевоенные годы тысячи немцев нашли здесь кров и сумели построить свою дальнейшую жизнь. Пришлые, не по своей воле, люди, как не раз уже бывало, вопреки глухонемой политике государства быстро стали своими, научились говорить, слышать и понимать друг друга, потому что язык горя, страданий и лишений, изнурительного труда и простых человеческих радостей сближает и объединяет почище любой дипломатии.

А вскоре немецкий архитектор Филипп Тольцинер, полным черпаком хлебнувший лиха Усоляга, продолжит отстраивать полюбившийся ему Соликамск, подарит этому городу немало своих идей и архитектурных замыслов. И снова чужое станет своим. И появится здесь тихий и уютный «маленький Берлин» — как ещё одно доказательство культурного взаимопонимания и прорастания друг в друга.

Пройдя со всем миром лихие години испытаний, застыла посреди Соликамска Соборная колокольня — символ нашей стойкости, нашей непобедимой высокой правды, нашего единения и покаяния, нашей многослойно-противоречивой жизни, всё же устремлённой в общее будущее. Как все мы, приклонила звонница голову и застыла в горестной скорби и вечной памяти о той неоценимой жертве, которой оплачено каждое утро, мирно плывущее над золотом куполов и крестов древних величественных храмов.

Сталинские репрессии чёрным крылом накрыли наше Отечество, наш Соликамск. Через узилища «Усоллага» прошли более трёхсот тысяч человек. Для многих из них соликамские пересылка и лагерь стали воротами на пути к страданиям, смерти и забвению.

... Холодные глыбы гранита оплетены колючей проволокой, словно сердце, окаменевшее от боли. Алые гвоздики каплями крови дрожат на черном от скорби постаменте. Птица-печаль расправила свои крылья.

31 октября 2008 года сотни соликамцев пришли на открытие мемориала жертвам политических репрессий. Для многих из них антироман «Вишера» Варлама Шаламова, прошедшего ад верхнекамских лагерей, — не литература, а жизнь и судьба.

Трудармейцами называли советских немцев, которые в годы Великой Отечественной войны были мобилизованы, в том числе, и из действующей армии, для исполнения принудительной трудовой повинности. Мобилизации подлежали все немцы-мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины — от 16 до 45 лет. Освобождены были только беременные женщины и матери, имеющие детей в возрасте до трёх лет.

В основном трудармейцы работали на объектах НКВД, в угледобывающей промышленности, на объектах наркоматов боеприпасов, в строительстве.

Мобилизованные размещались в специальных лагерных пунктах НКВД. По производственному принципу формировались отряды по 1500-2000 человек, которые делились на колонны по 300-500 человек, а колонны — на бригады по 35-100 человек. Во главе отрядов стояли работники НКВД. Бригадирами назначали вольнонаемных. На должность бригадира мог быть назначен немец из числа трудармейцев.

В 1948 году трудармейцев закрепили в местах ссылки в качестве спецпоселенцев. Вся жизнь трудармейцев была поставлена под контроль спецкомендатуры: без ее разрешения нельзя было поехать в отпуск, к родным, на учебу. В 1955 году эти ограничения были сняты, но вплоть до 1972 года негласно запрещалось возвращаться в родные места тем советским немцам, которые были выселены из режимных местностей и прифронтовых районов СССР.

Реабилитация российских немцев последовала только в конце XX века. В 1989 году Верховный Совет СССР принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». В 1991 году был принят Закон РФ «О реабилитации репрессированных народов».

УМИРАТЬ НЕЛЬЗЯ...

Заклопит перед наступлением говорил, что на этом самом месте назад без малого полтора-два года с Наполеоном схлестнулись. Трупов, говорил, до неба навалило, а так никто и не победил. В смысле, наши отступили, и французы потом тоже. Трупов и сегодня хватает... не до неба, конечно, но вот ок, башку весь расчёт лежит. И Коле, командиру, жить тоже осталось совсем немного, а в башку мысли дурацкие лезут. Прёйшиш-Эйлау, вот ведь как же здорово! Высота 89,6 как-то лучше звучит.

Замполит перед наступлением говорил, что на этом самом месте назад без малого полтора-два года с Наполеоном схлестнулись. Трупов, говорил, до неба навалило, а так никто и не победил. В смысле, наши отступили, и французы потом тоже.

Трупов и сегодня хватает... не до неба, конечно, но вот он, рядом весь расчёт лежит. И Коле, командиру, жить тоже осталось совсем немного, а в башку мысли дурацкие

лезут. Прёйшиш-Эйлау, вот ведь дал господь имечко! «Высота 89,6» — как-то лучше звучит.

Фрицы налегают, патроны заканчиваются, щит всмятку, левое колесо всмятку, лафет погнулся, на честном слове орудие держится, мороз, пальцы коченеют. Хреново на чужой земле помирать, хоть и на высоте. Да ещё и в таком виде — весь в ожогах, полуголый. Куда вы прёте, окайнные?

Старший сержант Ладкин уже не бережёт патроны, чуть ли не в упор расстреливает немцев, но вместо кро-

вавой закопчённой снежной мешанины видит зелень травы, подёрнутую чёрным дымком. За частокол Соли Камской уже прорвались ногойцы и сейчас убивают солеваров, а солевары убивают ногойцев, и ни единого звука, кроме звона в ушах, потому что от взрыва фугаса у Коли, сына солеvara Усть-Боровского завода, лопнули барабанные перепонки.

На мгновение старший сержант приходит в себя. Пальцы не гнутся, изо рта вырываются редкие столбики пара. Умирать нельзя.

...Умирать нельзя, думает девка с рогатиной, выскакивая из-за угла избы навстречу конному татарину. Пока десяток не ухайдакаю — помирать нельзя. Этот первый. Второго ей убить не удаётся, потому что стрела торчит у неё из горла.

...Поселение мирное: ни воеводы, ни дружины. Впрочем, зимой ни воевода, ни дружина не спасли Чердынь от набега. Приходится стоять. Так думает гончар. Он через узкие бойницы горящего дома умудрился достать своего пятого татарина. Дым ест глаза, дышать уже невозможно, одежда тлеет. Умирать нельзя.

...Если умереть, то кто останется, кто тут всё в божий вид приведёт? Красноармейцы Иртеговы, не братья даже, а соседи, пробираются к своим. Холодно, кругом колчаковцы, а им, кровь из носу, надо попасть на тот берег Камы. По пути, чтобы отогреться и поесть, заглядывают в родную деревню, тут-то их и вяжут. Что Михаила, что Еким умирать не хотят, просят земляков взять на поруки, а иначе и жёнам, и матерям, и дочкам вся эта сволота белая жизни не даст. Иртеговых расстреливают через две недели, в борьбе за кузницами.

...Дочки, матери и жёны убитых коммунистов, поротые уже за опасное родство, везут их — а заодно и ещё двоих, неизвестных — хоронить, а сами думают: так умирать нельзя.

...— Нам, голубчики, умирать никак нельзя, — мать писала: школа для инвалидов, открытая при одном из соликамских госпиталей, только начала действовать, а народу уже — с полсотни. Сапожное ремесло преподаёт какой-то слепой да обгоревший, из местных, говорят — танкист. Мы победим, к бабушке не ходи, а на шею у государства сидеть — этого, я думаю, ни один из вас не желает. И хотя война нас значительно укоротила, пользу мы ещё принесям. Итак, те, у кого есть руки...

...Руки нам Господом для инструмента дадены, а не чтобы ружьё держать. Умирать — это большого ума не надо, ты вот жить попробуй. Вот железная дорога, к примеру. Тут — белые, там — красные, какого ляда её не взорвать? А потому что нельзя! Встанет страна без железки, и кто бы ни победил — всё равно проиграет. Господь мир создал не для красных и белых — для людей. И железка тоже для людей. Как ты её построишь, если умрёшь? Даже Христос воскрес, потому что мёртвые ничего сделать не могут.

...Шатаясь, как пьяный, Ладкин чуть ли не в полный рост пробирается к покорёженной пушке. Достает из

ящика осколочный, заряжает, закрывает затвор, досылает снаряд в казённый — и стреляет наобум. Земля вздрагивает, старший сержант даже не глядит, куда ушёл снаряд, выбрасывает гильзу. Хватается за горячий металл руками, чтобы вернуть чувствительность пальцам. Звон в ушах, тошнота, озноб, но, пока подмоги нет, — падать и умирать нельзя.

...На пятый день, когда город сожжён дотла, приходит неожиданная подмога, и изрядно уже потрёпанных ногойцев гонят прочь. Еле живые защитники Соликамска падают. Город мёртв.

...— Ну и что — шпиль с колокольни упал. Старый был, вот и упал. Новый вырастет. Это я вам говорю — вырастет! Блокаду прорвали? — Прорвали. Мы тут, не поверите, сами когда-то на осадном положении были — кочевники кругом, а тут сплошь мирные жители. Выстояли однако. И Ленинград выстоял. А вы говорите — шпиль. Новый отрастёт, вот война только кончится. А теперь: шило в руки — и за дело. Разумеется, если руки целы...

...И вам пока нас никто не слышит, замечу: война — это позор. Для всех. Потому что Господь говорил: плодитесь и размножайтесь, а не убивайте и умирайте. И вовсе это не религиозная пропаганда. Даст Бог — Гражданской всё и закончится. Вы ведь не поверите — мы же в девятом году хотели через Соликамск дорогу железную до Ухты и Архангельска тянуть! И через Чердынь тоже, да! И перед самой германской почти договорились, да вот, поди ж ты, — война, революция... Так может, сейчас, когда всё успокоится, начнём? Ну ведь благое ж дело!

...Ладкин хочет отогнать вредные буржуазные видения, но уже не может. В автомате последний диск, он выпускает его и уже не видит, что очередная контратака немцев захлебнулась, потому что помощь уже подоспела. Он уже там, в сгоревшем деревянном городке, вытаскивает из схронов баб с еле живыми ребятишками, среди которых видит свою мать и малых сестрёнок, помогает привести в себя почти мёртвых, но не собирающихся умирать мужиков, хоронит тех, кто осады не пережил. Умирать нельзя.

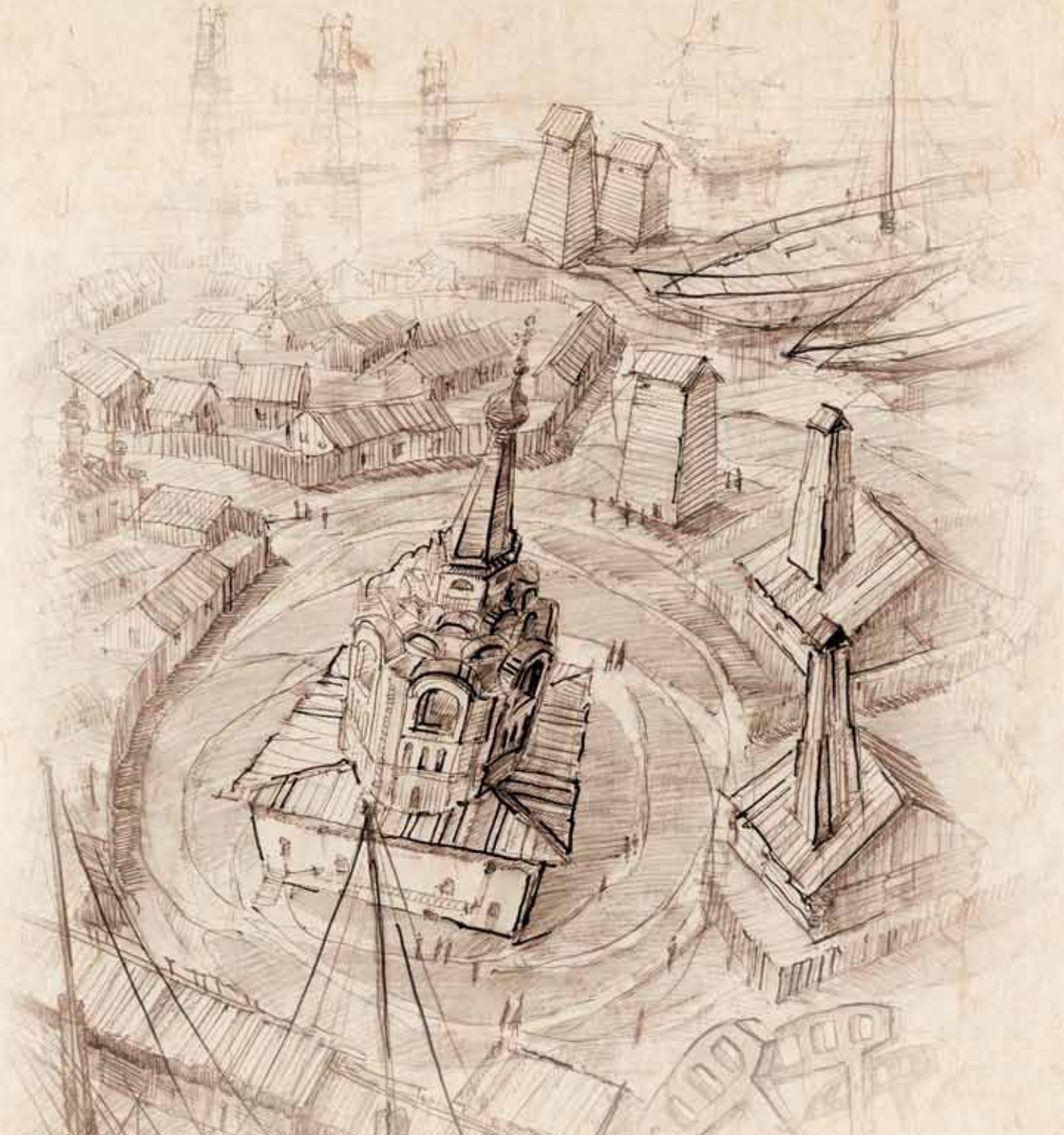
Вместе со ссыльными и пленными немцами он вновь устраивает город. Ходит в родную боровскую школу, что рядом с церковью, с отцом тачками возит соль на баржи. Играет на гармонии, учит инвалидов, как одной рукой вести бумажные дела, а одной ногой — плясать. Уплывает в Японию с золотом Колчака от причала родного сульфитно-целлюлозного комбината, — комсорг машет платочком, оркестр выдувает «Прощание славянки». Помогает колокольне отрастить новый шпиль...

И лежит недалеко от высоты 89,6, прейсиш её зйлау, единственный победивший в этой местности со времён Наполеона. В отдельной могилке у польского местечка Бранево.

555

ГОРЬКАЯ
ПРАВДА

Часть IV

На берегу Пермского моря

Герб Соликамска, 1783 г.

Указом российской императрицы Екатерины II от 17 июля 1783 года высочайше утвержден герб города Соликамска. Описание герба гласит: «В верхней части щита герб Пермский. В нижней в золотом поле, соляной колодезь, с опущенным в него ведром для вынужия соли, и с означенными на оном соляными потоками».

Слово «соль» сказалося на разных языках. Наибольшее влияние произошло в языках, взаимодействующих с романскими и греческими цивилизациями, пока соль была в цене. Часть жалования римских воинов (*salarium argentum* — «деньги на соль») выдавалась солью (лат. *sal*); отсюда произошло английское слово *salary* («заработная плата»), равно как слово «солдат». Римляне также предпочитали солить зелень, в результате чего латинское слово, обозначающее соль, вошло в состав нового слова *salad* (салат). На варварской латыни *salata* обозначало «солёный».

Соль здесь везде: под ногами и в воздухе, в имени города, который она же и породила. Её белесую пыль ветры разносят на все стороны света. Колодезь «для вынужия соли» на гербе запечатлел промысел, который положил начало всему, что есть в этом городе и вокруг него.

Соль встречает вас уже на самом въезде в город вывороченными наружу внутренностями Пермского моря. Терриконами высятся перемолотые природой и жерновами горного дела время, корни и монстры доисторического периода. Этот безжизненно-лунный ландшафт — всё, что осталось от гумуса, послужившего питательной средой для появления нашей цивилизации. Порода, поднятая человеком с земных глубин, вместе со своим радужным великолепием отдала ему волшебную силу солей древнего моря.

На гранях добытых здесь бесчисленного числа кристаллов магическим образом преломляются эпохи и судьбы человечества. Что, впрочем, совсем неудивительно: ещё совсем недавно, и довольно долго, наша «пермянка», по значимости стояла в одном ряду с презренным металлом или шкуркой соболя, являясь одной из мировых валют своего времени. А в Поднебесной из соли изготавливали самые настоящие деньги. Как сообщал Марко Поло, итальянский путешественник XIII века, для этого рассол кипятился в небольших котлах. Через час соль принимала вид теста, и из него делают нечто в форме пирожков... После пирожки «клеямили» портретом китайского императора, чтобы они уподобились настоящим металлическим монетам, и зажаривали на горячих черепицах.

Не являясь едой, соль благодаря своим асептическим, консервационным свойствам породила к себе особое отношение. Как самое ценное, её вместе с огнём охотники испокон веку оставляют в своих таёжных заимках для случайных путников.

Даже не верится, что эта скромная помощница кулинара, сегодня — самая дешёвая из всех известных пищевых приправ, послужила причиной нескольких кровопролитных войн и бунтов. В 1648 году в Москве случился «Соляной бунт», — одно из наиболее крупных массовых выступлений низших и средних слоёв посадского населения, городских ремесленников, стрельцов и дворовых людей. Поводом для восстания стало введение двумя годами ранее налога на соль, что вызвало её подорожание с пяти копеек до двух гривен с пуда, резкое сокращение её потребления. Поскольку соль в тот период была основным консервантом, то в связи с её подорожанием срок хранения многих продуктовых запасов резко сократился. Это и вызвало всеобщее возмущение.

Но факт, что Соль Камская возникла благодаря ей, ни у кого не вызывает сомнения.

Интересна гипотеза, приоткрывающая истоки соляного промысла. По мнению ряда лингвистов, самой убедительной этимологией для слова «варяг» (участника «соленого промысла») следует считать слово «варя» (процесс выварки соли от затопки печи до выноса соли на сушку). Учёные, поддерживающие эту гипотезу, ссылаются на «документы русского промысла», в которых слово «варь» — это «вываренная из рассола соль». А слово «варец» для XVI столетия — это «солевар».

Кстати, в источниках того же века указывается, что Балтийское море «доселе удерживает у русских свое название, именуясь Варецкое море, то есть Варяжское море».

С ОЛЯ-ВОЛЯ

«**П**оморский город... Провидение проявляется даже в том, что определению даты основания Соли Камской мы обязаны мореходу, участнику первой русской кругосветки. В своей книге «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей», опубликованной в 1821 году, Василий Берх сообщил, что получил от Соликамского городского головы Акинфия Трофимовича Ливонова (помните, чуть выше, в рассказе о войне 1812 года, сей достойный муж также упоминается) документ, в котором было указано, что основали город в 1430 году соляным промыслом купцы братья Калининковы.

Документ, на который ссылается исследователь и мореход, до нас, увы, не дошёл, но авторитет Берха в краеведении Прикамья подобен скале, поэтому нам остается верить его слову: «Что написано пером...». И коль верно предание про Калининковых, то и они были далеко не первыми, кто надумал черпать соль из бездонных глубин древнего Пермского моря.

Ещё за столько же лет до них древние обитатели здешних мест делали то же самое. Только они выпаривали соль ещё более примитивным способом — складывали раскаленные на костре камни в ямы, где отстаивался рассол.

По большому счёту, процесс «вынудия соли», которым пользовались ещё древние коми-пермяки, надолго определив особенности развития промысла и региона, к середине XVII века коренных изменений не претерпел. Разве что последователи Калининковых раскаленных камней в яму с рассолом уже не кидают. Конечно, кой-какие приспособы промышленными людьми в то время уже используются. Если коротко, то рассол добывают из колодца с помощью кожного ведра или дере-

Вологодские торговые люди Калининковы завели солеварение возле Верх-Боровского при реке Боровой и поставили там пять труб. Скучность рассолов подудила их скоро оставить место сие и переселиться около 1430 года на реку Усолку, где они и нашли больше способов для продолжения своих промыслов.

*Василий Берх,
«Путешествии в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей».*

Берх Василий Николаевич (1781-1834) — участник первого русского кругосветного плавания на корабле «Нева», автор книги «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей».

В 1811-1821 гг. В.Н.Берх служил советником в Пермской казенной палате. Он первым научно описал памятники архитектуры Соликамска, Чердыни, Ныроба, произвел археологические раскопки в Пянтеге, Уроле, Искоре, собрал уникальные документы, среди которых писцовые книги Чердынского и Соликамского уездов XVI-XVII вв. И.И.Яхонтова и М.Ф.Кайсарова.

Баржа для погрузки соли на р. Усолка.
(Фото 1914 г.). СКМ.

вянной бадьи, привязанных к журавлю. Поднятая на поверхность жидкость по желобам стекает на большую сковороду — цырен, установленный над печью в варнице. В течение нескольких часов на медленном огне вода выпаривается. За сутки, в зависимости от крепости рассола и опыта варца, с одного цырена получали 60-70 пудов соли, которую складывали в специальных амбарах. Весной соль грузили на баржи и отправляли по Каме. И так изо дня в день, из года в год.

Своим многопудовым авторитетом промысел подчиняет себе весь уклад соликамской жизни. Город живёт по своему календарю: варничный год состоит из 264 дней — 22 варничные недели по двенадцать выварочных дней, который заканчивается весенним паводком, когда плоскодонные посудины, вместимостью в полста тысяч пудов соли, могут подняться по Усолке до самой торговой площади.

Варницы замирают, и на пару недель эпицентр жизни смещается к соляным причалам. Пока стоит большая вода, вся соль, вываренная за год, должна быть погружена на баржи и отправлена вниз по Каме, а потом — по матушке Волге. Наблюдая с противоположного берега Усолки за погрузкой очередной баржи, мы отмечаем, насколько чётко промысел определил и архитектуру, и планировку города. По берегу высятся, словно сторожевые, десятки рассолоподъемных башен, за которыми город, как за каменной стеной. И уже издали становится понятно: чем больше башен, тем больше соли, чем меньше соли, тем беднее живет город. Тут же выстроены и варницы, и соляные магазейны с причалами для барж, по сходням которых снуют соленосы...

Первые сведения о добыче соли относятся к ранней поре человечества. Об этом, например, говорят находки орудий каменного века (100-200 тысяч лет до н.э.) в древних соляных рудниках Прикарпатья. Соль также добывали сжиганием некоторых растений в кострах; а образовывавшуюся золу использовали в качестве приправы. Древние римляне и греки получали соль естественным испарением морской воды из искусственных прудов. В центральной Европе, где солнце не такое жаркое, вынуждены были выпаривать соль из морской воды или воды минеральных источников — соляных ручьев. Кельты Люнебурга выпаривали соль над кострами в подвешенных глиняных горшках уже за 500 лет до н.э., пока не уничтожили окрестные леса.

Отправляющиеся из Москвы, проследовав пятьсот левк, достигают реки Камы и города, называемого Соль Камская. Здесь, из весьма гудюких колодезь, черпаются соленая вода, ее вливают в железные сосуды и пенью, отопленной под-землею, выпаривают в соль. Место это есть конец России и начало Сибири. Отсюда к югу простираются горы, весьма длинные, но не особенно высокие: они отделяют Россию от Астраханскую землю от Калмыцкой.

*Альбрехт Доддинг,
«Правдивое описание нашего далекого путешествия из Москвы через город Тобольск, главный город Сибири, которое я сам совершил, привлекая наглядно в 1666 году, в обществе 46 офицеров, для полного осведомления любителей, как это ниже следует».*

Нелегкий промысел отложил свой отпечаток на соленосах и в прямом смысле: в любом уголке России их узнавали по... ушам, покрасневшим от соли: «А-а-а, пермяк-солено ухо пожаловал!».

Сегодня осталось только это беззлобное прозвище, известное всей России, да юморной памятник в центре Перми, к которому каждый желающий может прильнуть, чтобы сфотографироваться на память. Оттопыренные огромные уши из латуни торчат в разные стороны, а между ними — лицо фотографируемого, с расплывшейся до ушей улыбкой. Весело, смешно!

Соленосам же было не до смеха: мужики тягали мешки весом по пять с половиною пудов, бабы — по три пуда.

Легко уложить в несколько книжных строк промысел, который все соки и жилы тянет, а пот такой вышибает, что покрепче рассола будет. Самое трудное в этом деле — строительство рассолоподъемной скважины, которая саженой в сорок, не меньше, выходит. Для начала надо лопатой выбрать колодезь глубиной саженой в десять. Тот, кто обыкновенный колодезь в огороде строил, знает, что это такое. Он хотя, по сравнению с соляным, и неглубок, и в обустройстве попроще будет, но пока до воды докопаешься, гляди в оба, чтобы тебя не завалило. Или газы какие вдруг пойдут... А бывает, уже и сруб установишь, а глядишь, вода или пропала вовсе, или к употреблению непригодна. Да мало ли что ещё произойдёт...

А рассолы-то ещё ниже залегают. И когда соляной колодезь строишь, главное, этот самый водоносный слой миновать. Иначе, хана — вода всё дело загубит. Для того чтобы не допустить её притока в будущую соляную скважину, наши предки в выкопанной яме устанавливали деревянную трубу — матицу с внутренним диаметром примерно в локоть, через которую дальше начинали бурение.

Один из способов, это когда бур с железным зубастым наконечником с высоты бросают в матицу, а затем, насколько могут, поворачивают с помощью человеческих либо лошадиных сил. Затем поднимают его на поверхность, выбивают из него набившуюся породу и вновь с силой бросают на встречу соли.

Бурение скважины могло продолжаться не один год, требовало больших усилий и капитала. Когда сама скважина была готова, над ней устанавливали рубленые башни высотой с современную пятиэтажку, своей архитектурой очень напоминавшие башни деревянных крепостей.

При этом строительстве никто не гарантировал удачного завершения. Риск, конечно, есть, как и в каждом начинании: выгорит дело или прогорит. А прогореть может в самом прямом смысле — пожары с завидной регулярностью испепеляют город.

Хотя, какие ещё нужны гарантии, когда, во-первых, у каждого устроителя есть целый набор верных примет, по которым он определяет место для бу-

Рассолоподъемная башня Усть-Боровского солеваренного завода представляет собой квадратный сруб в основании девять на девять метров, и достигает высоты 16 метров. Венчает её четырехскатная тесовая кровля. Декоративное убранство башни ограничивается простым по стилю карнизом под свесом кровли.

Примечательно, как отмечает исследователь Сергей Кульбиков, что это мощное сооружения выстроено без фундаментов.

В 1635 году, июня 2 дня, загорелась варница Нижегородскаго выхода Якима Патокина; от нея пожар распространился на соседних варница и на дома и до такой степени истредил посад, что по выражению летописцев осталось «малое дело посаду в трех местах».

*Александр Луканин, протонерей,
«Церковно-историческое и археологическое
описание 1.Соликамска», 1856 г.*

дущего соляного колодца. Во-вторых, рассолы на Усолке настолько крепки и залегают настолько неглубоко, что аж дух перехватывает! Порой кажется: копни поглубже, и соль сама наружу полезет. Быть у колодца и не напитокся — это не про нас. Кто же откажется от барышей, кои сулит кажущееся совершенно верным начинание?!

В-третьих, соль — товар сам по себе справный, стратегический, с таким не прогоришь. Это «нефть и газ» древних времён, а солевары — самые что ни на есть, «олигархи», которые «сидят на трубе». Например, именитые люди Строгановы из Нового Усоляя, что двадцатью верстами ниже по Каме. Уже будучи в силе, оказали они денежное вспоможение взошедшему на престол Михаилу Романову, получив от молодого царя множество милостей, среди которых и право «писаться с -вичем» — с полным отчеством. Поэтому соль — это не только деньги, но также признание и уважение в обществе.

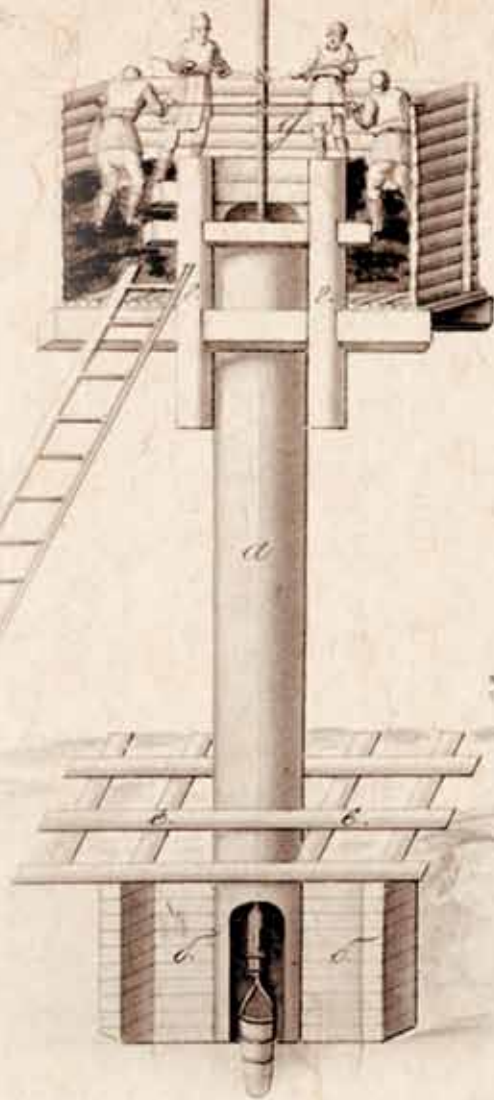
Как одно из следствий царского благоволения, к концу XVII века «пермянка» захватила уже две трети отечественного рынка. Тех же самых Строгановых привлекают уже и в Европе, с которой они, помимо соли, успешно торгуют и хлебом, и железом, и пушниной. Одно цепляет за собой другое, другое — третье. Так наворачиваются снежным комом состояния у вчера ещё тягловых людей, к которым сегодня и государь с почтением, которые уже давно сами власть на местах покупают и свои законы устанавливают...

По тем временам, в понимании простого человека, Строгановы — олицетворение желанной, почти никем не ограниченной свободы и власти. Свобода от произвола всякого, кто тебя чуть выше сидит, а выше посадского и дьяк приказной избы, и воевода, и «гость» денежный, даже кабатчик... И каждому поклонись.

Строгановы же своим примером решают эту извечную проблему просто: до Москвы далёко, а тут я сам себе и тебе, и тебе, и всем вам, — господарь! И не надо никуда идти «встречь солнцу», искать за Камнем края, где не дотянется до тебя никакая власть. А то, бывалые люди поговаривают, по Бабиновской дороге далеко на восток уже, до самого моря, власть московская своих служивых людей разослала. Нигде от них спасу нет.

Ну как тут устоять перед таким соблазном, как не черпануть от соляного промысла свободы, если уж не себе, то своим детям хотя бы, когда живой образец перед глазами?! И получается, что на самом-то деле не соль люди ищут в земле прикамской, не богатство и почести, а волю. Порой притяжение это совершенно неосознанно, что, однако, силы его не умаляет.

Свобода требует больших денег, изнурительного труда до солёного пота и терпения. Строительство, заготовка топлива, оплата труда и налогов — небыстрый оборот капитала. Но магия соли-воли так крепка, что самое обычное дело, когда солеварни строят в складчину, и одной варницей владеют три-четыре семьи с посада.

Фрагмент чертежа первоначального устройства рассолоподъемной трубы и загонки матичного дерева. Рисунок из альбома «О каменной соли в Усольских Владельческих солеваренных промыслах открытой», 1831 год.

Панорама с. Новое Усолье
(фото нач. XX в.).

Колокольня и торговые ряды
г. Усолье (проект реставрации, XXI в.).

Строительство соборной колокольни в Усолье начали в 1730 году «соликамские подрядчики Рязанцев, Котельников и Кожин и за сию с основания кладку взяли 120 рублей».

Звонница имеет высоту около 50 метров. Шестиярусная башня до пожара 1842 года венчалась высоким шпилем с флюгером.

В 1832-1835 гг., нижний ярус колокольни был застроен каменными торговыми рядами, в связи с перепланировкой города и для укрепления наклонившейся колокольни.

Памятник архитектуры Российской Федерации.

Разведанное место настолько обильно рассолами, что есть где развернуться и «гостям», как называли в то время пришлых людей, купцов, отягощенных капиталами... И Соль Камская для них — это уже второй шаг к свободе по пути, проторенному Строгановыми.

Удивительное дело! Между строгановским Усольем и Соликамском вроде бы так много общего: территориальная близость, общий промысел, формирующий уклад жизни и культурные традиции. Но при всей схожести, наверняка не для красного словца, подмечены явное соперничество и непохожесть городов-соседей: «Соликамск-городок — Москвы уголок», а вот «Усолье-град — Петербургу брат».

Москва и Петербург — это не просто две российские столицы. Это совершенно два разных мироустройства. Закованному в камень холодному Петербургу с его чёткой прямоотой улиц, противостоит Москва с её радиально-кольцевой планировкой вокруг Кремля. Городу европейскому, пограничному, устремленному в Европу, противостоит исконно русский, связующий запад и восток. Две столицы — как два пути-дороги развития нашей истории. И сознание жителей двух соседних уральских городков устойчиво ориентировано на столицы, соответственно, и на механизмы их развития. Видимо в этом есть какой-то свой, тайный замысел истории. Истории России, Соликамска и Усожья...

Где та точка, в которой пути-дороги Соликамска и Усожья разошлись? Может, изначально, когда земли по Каме были пожалованы Строгановым и Усолье становится их столицей?! И уже тогда совершенно ясно, что двум соляным столицам не то что сосуществовать, а даже просто стоять рядом, ужасно тесно. И если бы не разыгравшаяся в начале XX века в отечественной истории драма, неизвестно ещё, чем бы это их «переглядывание» через Каму обернулось...

Но вот вновь столица России — Москва. А Усолью на несколько лет перепал от Соликамска штандарт уездного города. Но не смогло оно его удержать, как и промысел, который окончательно угас к середине прошлого столетия. И сегодня по улицам Нового Усожья — маленького, по большей части деревянного городка с богатой историей, как и триста лет назад, бродят коровы и неторопливо течёт провинциальное бытие. А на самом его крайнем острове, на камском берегу «Петербургского брата» стоят Палаты Строгановых, как память об утраченном соляном величии.

от расцвет а до закат а

Соль, Кама, лес, рабочая сила, деньги, дорога в Сибирь — всё необходимое для развития промысла сошлось в нужном месте и в нужное время. Журавли рассольных колодцев вдоль Усолки множатся, и к концу XVII века в городе, на посаде и в уезде действует около двух с половиной сотен солеварен. Они вываривают в год, по одним данным — пять с половиной, по другим — до семи миллионов пудов соли. Разница при подсчётах принципиального значения не имеет — это всё равно вдвое, втрое больше, чем все остальные солеварни России вместе взятые.

И Соль Камская расцветает. Не в силах переварить свалившиеся, словно с неба, сверхдоходы, богобоязненные солепромышленники часть отправляют обратно — жертвуют на храмы: Богоявления, Воскресения и Преображения, Иоанна Предтечи... Именно с Соликамской земли пошло по Уралу и далее, в Сибирь, белокаменное зодчество.

Но даже священные дары не уберегли самих дарителей от неожиданных испытаний и бедствий. Первый удар по соликамской идиллии, даже не удар, а так, предвестник грядущих перемен, пришёлся на 1696 год. Тогда Григорий Строганов предпринял очередную попытку расширить свою империю.

Соль к тому времени уже изрядно обогатила Строгановых: на их предприятиях работает около десяти тысяч вольных рабочих и до пяти тысяч кре-

Соликамск. Надвратная церковь
Михаила Малеина (1731-1734 гг.)
Свято-Троицкого мужского монастыря
(фото начала XX в.).

Соликамск очень красивый, большой город, где много именных купцов. Особого внимания в нем заслуживают соляные варницы. Там имеется более пятидесяти соляных колодцев, глубиной от 25 до 35 локтей. Из воды этих колодцев ежегодно вываривают огромное количество соли.

...Соль отправляют отсюда в громадных, специально построенных для этой цели ладейх или судах. Каждое из них берет от 800 до 1000 ластов, т.е., от 100 тысяч до 120 тысяч пудов... На каждом судне насчитывается от семисот до восьмисот рабочих...

Суда плоскодонные и построены без железных гвоздей или железа вообще. А только из дерева.

...в Соликамске его царское величество имеет много соляных варниц, на которых содержатся и оплачиваются более 20 тысяч рабочих... Вырабатываемая здесь соль, чиста и прекрасна для употребления.

...Большая река Кама... шире Везера в Германии, и вода в ней выглядит как родниковая.

*Эбергард Избрандт Идес и Адам Бранд,
«Записки о русском посольстве в Китай» (1692-95 гг.).*

Здание бывшего начального мужского училища и детского приюта, построенного и содержащегося на средства купца первой гильдии И.А.Рязанцева (1910 г.).

1
2 | 4
3

1. Здание железнодорожного вокзала г.Соликамск.
2. Памятная доска.

3. Прибытие первого поезда на станцию «Соликамск».
4. Современные поезда.

постных, а земли в одном только Прикамье у них около восьми миллионов десятин.

Ну, скажите, люди добрые, зачем такому «олигарху», в чьей вотчине, размерами со средневропейское княжество, уже половина прикамских варниц, ещё и лёнвинские?! Солить, что ли? Правда, с хозяевами промысла — гостями Филатьевыми — всеильному Строганову договориться так и не удалось.

«Отец наш, Остафий Иванов Филатьев, — твердили в голос Василий и Алексей, — купил этот промысел в 1680 году, обустроил, как след. Деньги вложил в пустое место немалые, силы все оставил здесь, надорвался. Да и мы нонче его расширили, один на десятую варницу поставили, деньгу опять же немалую вложили.

Подумай сам, Григорий Димитрич, про ту цену малую, что ты даёшь, что батюшка наш сказал бы? Плюнул да и проклял бы нас, вот те истинный крест... Поэтому при всём уважении никак не можно...». На том разговор тогда и закончили.

Но уже на следующий год промысел Г.Строгановым был захвачен. К этому, как сейчас бы сказали, рейдерству Григорий Дмитриевич подготовился основательно и склонил-таки на свою сторону князя Тюфякина, прибывшему в Верхнекамье по государеву поручению для нарезки земель. А соликамский воевода Хилков у него уже давно прикормлен...

Расчёт «олигарха» оказался точен, но даже он не ожидал такой прибыли от своей затеи. Соликамский мир захвата им Лёнвинских промыслов не стерпел — взорвался, и после известного уже нам побоища на воеводском дворе полтора десятка семей соликамских солеваров были выселены в Азов на вечное житьё.

«Одним выстрелом убил двух зайцев. Ловко получилось», — усмеялся про себя Строганов. Уже вскоре это устранение конкурентов предоставило ему большие преимущества. Для соликамцев же высылка окажется цветочками по сравнению с тем, что произойдёт всего через десять лет...

А в 1705 году удар нанёс Государь Пётр I, который ввёл государственную монополию на соль. По значимости этот шаг стоит, пожалуй, вровень с учинённым в этом же году в Соликамске по царской воле массовым бритьём бород.

И если гладкость щёк для горожан равносильна краху основ мироздания, то монополия сокрушает промысловые устои Соли Камской. По царёву указу промышленники обязаны сдавать соль в казну по цене 6 копеек за пуд. В дальнейшие годы цена повышалась, достигая когда 24, а когда и 29 копеек. В 1740 году единая продажная цена была под-

Царь Пётр I бреет бороды боярам.

Дождавшись первого воскресенья, градоначальник шлёт жителям Соликамска повестку звать к обедне в (Троицкий) собор: есть-де указ от двора государева такой, который должно выслушать все и после неведения его отнюдь себя не оправдывать. Когда догосужение было совершено, воевода велит народу приостановиться, сам входит на амбон и громко проглаголет роковую думалу за подписью «Пётр». Ужас взял православных, сведавших, чего требует император. Лишь только огорченная толпа повернула к дверям церкви, вдруг встретилась насилие. Солдаты схватывают каждого взрослого мужчину: один из стражей держит за руки, другой остригает ему усы и дороду, третий, припавши вниз, обрезывает полы кафтана выше колен. У редких жертв достало смелости оборонять свое лицо и платье; большая часть несчастных, не обращая внимания на иудей наряда, торопилась ловить валившиеся из-под ножниц клобы волосы и прятать. Позднее многие заבעжали положить с собою в град свои дороды.

Рубен.

нята до 40 копеек за пуд. Но это уже не помогло. Итогом государственного регулирования стало разорение мелких соледобытчиков, что способствовало ещё большему расцвету соляных империй Строгановых, Турчаниновых, Суровцевых.

Именно в эти годы расцветает на всю Россию и соликамский ботанический сад Григория Демидова, который, впрочем, к соляным промыслам, как и ко всему горному делу, на которое отец его положил жизнь, оказался весьма равнодушен.

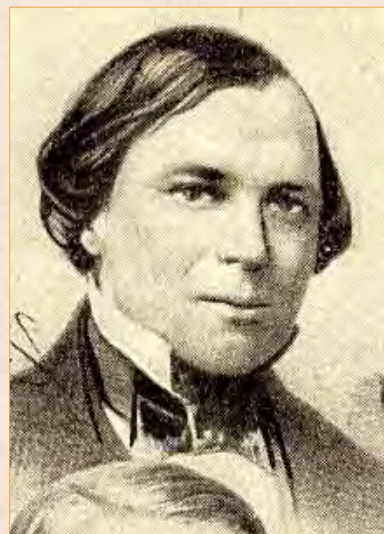
Но, пожалуй, самый сокрушительный удар Соликамску нанесли в 1747 году конкуренты, когда на озёрах Эльтон и Баскунчак началась добыча соли открытым способом.

И как когда-то уральская соль потеснила «морянку», выпариваемую на берегах Белого моря, так нынче и астраханская, которая обходится казне в восемнадцать раз дешевле «пермянки», решительно выдавливает её с рынка. Неиссякаемые запасы соленой воды, для добычи которой уже не требуется дорогостоящего бурения, — главное преимущество озёрных соляных промыслов. И этого многие соликамские солепромышленники пережить были не в силах. Итогом полуторауголового государственной монополии на соль и открытия новых месторождений стало сокращение солеварен в Прикамье с 249 до 67.

Но это только начало конца. Во втором десятилетии XIX века дошло до того, что производить соль в Соликамске стало уже настолько невыгодно, что её завозят соседи из строгановского Усолья. А в 1816 году в городе закрывается и последняя солеварня. И теперь о некогда обширном промысле и былом величии Соли Камской напоминает лишь соляной колодезь на гербе города. Да карта Департамента горных и соляных дел от 1819 года, на которой соляные промыслы в окрестностях Усолья и Соликамска значатся как самые развитые, где добывают половину всей российской соли.

Турчанинов вместе с Демидовыми, женившись в 1731 году на дочери крупнейшего местного солепромышленника Павла Суровцева, «сделали город сей лучшими и завиднейшими между всеми Закамскими городами. Обладая оба великими капиталами и отличным вкусом, украсили они его многими великолепными зданиями».

*Василий Берх,
«Путешествии в города Чердынъ и Соликамск для изыскания исторических древностей»*

Павел Иванович Мельников-Печёрский (1818- 1883) — известный русский писатель, этнограф-беллетрист. В 1837-39 годах отбывал ссылку в Пермской губернии. Служил учителем истории и статистики. На основе уральских впечатлений написаны «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» и эпопея «В лесах. На горах».

Какое-то грустное чувство овладело мной, когда я посмотрел на это обвалившееся великолепие: улицы пусты, заросли травой, на каждом шагу видно разрушение.

Купцы оставили Соликамск, и этот некогда великолепный город превратился ныне в полуразрушенное селение, в котором остались только некоторые следы его былого богатства.

*Павел Мельников-Печёрский,
«Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь».*

Людмилинская скважина.

Растут этажи древнего города.

к о Нсервы време Ни

Но рано, ох как ещё рано ставить крест на соликамском промысле. Во второй половине XIX столетия промысел, как и Соликамск, вновь и вновь отстраивавшийся после многих пожаров, возродится. Словно мифическая птица Феникс. Воплощением этого возрождения стал, в частности, Усть-Боровской солеваренный завод, который мы можем видеть и сегодня на северной окраине Соликамска.

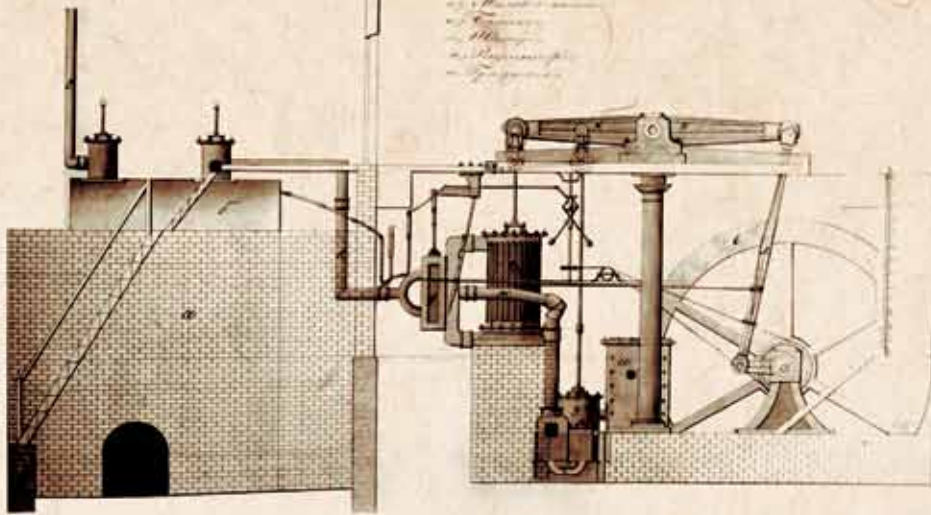
Завод был основан в 1878 году вятским купцом В.Рязанцевым и стал одним из крупнейших предприятий Прикамья своего времени. В 1916 году на заводе работает около 180 человек, а четыре скважины и двенадцать варниц в лучшие времена дают более полутора миллионов пудов соли в год.

Этому способствует технический прогресс, который не миновал стороной камские промыслы. Благодаря буру Фабиана и новым проходческим технологиям рассолоподъемные скважины строятся быстро, а их глубина достигает 170 метров. На такой глубине крепость рассолов вдвое выше средних российских показателей.

Традиционных соликамских «журавлей», использовавшихся для поднятия рассола, давно уже сменили поршневые насосы на конской тяге. А в 1809 году на промыслах в Дедюхине была установлена первая в Прикамье паровая машина. Подобные были установлены и на Усть-Боровском сользаводе, пока их не сменили электрические собратья.

А вот до свободы, справедливости, или хотя бы сносных условий существования, солеваренному пролетариату всё так же далеко. Пропасть между «владельцами заводов, газет, пароходов» и народом в России и в Соликамске к началу минувшего века разверзлась непреодолимая.

Так, в 1905 году на сользаводе возникла ячейка РСДРП, которую возглавил уже известный нам Александр Кухмаков, помощник электро-монтажёра.

Фрагмент чертежа паровой машины. Рисунок из альбома «О каменной соли в Усольских Владельческих солеваренных промыслах открытой», 1831 год.

На 1 января 1906 года в усть-боровской партиячке насчитывается уже около ста партийцев. Чего только не придумывала соликамская полиция, чтобы накрыть подпольщиков.

Парадокс такой революционной борьбы в том, что она происходит на самом виду: в маленьком Соликамске все всё друг про друга знают, а в Усть-Боровой и подавно.

Поэтому-то исправник, не выбирая выражений, грозитя пойманному с запрещённой литературой товарищу Кухмакову арестовать его и повесить на первом же суку, но при этом не может даже наградить его оплеухой, — и это тоже закон маленького городка, где все друг другу приятели, кумовья, сваты либо просто знакомые.

Да и соликамские «проделки» с листовками и собраниями в понимании местных надзирающих чинов ни в какое сравнение не идут с баррикадами на Пресне в Москве. Соликамские парики и переодевания жандармов в женское, прокламации и обыски, глупые шпики и курьёзы, приключаящиеся с ними, — словно кадры из кинофильма «Юность Максима».

Но уже вскоре всем станет не до смеха. Идеи всеобщего равенства и братства, свободы и воли овладели умами солеваров всерьёз и надолго. Первая русская революция подавлена, провозглашена манифестом царя и им же распущена Вторая Государственная Дума. Владимир Ленин избран соликамцами делегатом на лондонский съезд РСДРП. Большевики окончательно отмежевались от партийного меньшинства, и то, что это уже не просто внутривнутрипартийный междоусобищник, не буря в стакане воды, видят ещё немногие.

Дальше — больше. Революционное движение не может отступать или топтаться на месте... Шаг вперед, два шага назад, — это не по-ленински. От прений в Думе стороны переходят к террору. Убит

Я завёл разговор, что скоро будут выборы во Вторую Государственную Думу и я считал, что везде на заводах организуют в социал-демократическую партию. Видите. Для чего это нужно, чтобы дальше делегатов прошло от рабочих. Когда придёт большинство представителей в Думу от рабочих партии, то дальше будут отстаивать интересы рабочих в Думе.

*Александр Кухмаков,
из воспоминаний о рабочем революционном движении в
1905-06 годах и его участии в этом движении.
Из фондов СКМ.*

*П*олиция хотя и знавала, что рабочие устраивают собрания, но накрыть ни разу не смогла. Однажды нас предупредили: будьте осторожны, сегодня к вам придёт маскированная полиция в женских и нищенских костюмах, и не принимайте их в квартиры, они будут проситься ночевать, а потом или желательно распросить домашних хозяек — не разболтают ли что-нибудь про своих мужей.

И действительно, в часа три после обеда идёт по заводской линии пожилая женщина и первый же рабочий, попавший ей на встречу спросил: куда тётяшка держит путь? Она вместо ответа отвернулась от него и закрыла лицо. Так и прошла вплоть до квартиры урядника....

На другой же день поставлен был к моей квартире полицейский с винтовкой... И этот пост продолжался до тех пор, пока урядник не переехал сам в верхний этаж дома, в котором я жил...

Урядник снял квартиру и съёл меня, как лаварь и думал, что в моей квартире собираются рабочие. Но ему не удалось выследить. А мы нарочно даже у урядника на носу сделали собрание.

*Александр Кухмаков,
из воспоминаний о рабочем революционном движении в
1905-06 годах и его участии в этом движении.
Из фондов СКМ.*

1	2	3	4	5	6
---	---	---	---	---	---

1. Венцы расслоподъёмной башни.
2. Расслоподъёмная клетка.
3. Варницы Усть-Боровского сользавода.

4. Соляной ларь.
5. Контора Усть-Боровского сользавода.
6. Фрагмент цырена (плоская ёмкость для выпаривания рассола).

О расправе над провокатором. Был он из Боровой, когда понял, что оставаться ему больше нельзя, то ударил. В 1911 году вернулся, чтобы проверить обстановку. Пришёл на солязавод на Ивановскую варницу (от конторы третья)... Кочегар его сразу узнал. Предатель одошёл все варницы. Затем все рабочие, бывшие в это время на заводе, пришли в Ивановскую варницу. Сперва разговаривали. Он допытывался, помнят о нём что-то или нет. Затем рабочие предателя напояли и стукнули кубалдой по голове. Тело его сунули в топку варницы. Смородило дело. Когда настало время выжигать соль и пришли надзиратели, то спросили: «Что смородит?» Рабочие ответили: «Да крыса бегала, мы её бросили в топку». До сих пор не известно, кого бросили в топку, хотя рабочие знали имя смородшего предателя.

*Александр Ануфриев,
из воспоминаний. Из фондов СКМ.*

Транспортировка соли
на Усть-Боровском заводе. СКМ.

Простота и монументальность архитектурных форм Усть-Боровского солязавода, выдающиеся конструктивные достоинства и большая художественная выразительность этого своеобразного деревянного ансамбля ставят его в один ряд с шедеврами зодчества.

*Гершен Канторович,
архитектор, «Заслуженный работник культуры РФ».*

премьер Пётр Столыпин. По всей России революционные экстремисты разных мастей выносят смертные приговоры своим политическим оппонентам, грабят банки — деньги нужны для новых взрывов, призванных развалить трон самодержавия.

В этой круговерти ни государю, ни парижским эмигрантам нет никакого дела до нищих уральских солеваров, которые шьют брюки из мешковины и за свой сволочный труд получают по тридцать копеек за день. Так мало-помалу копится недовольство и ненависть, сжимается в пружину энергия русского бунта, «безжалостного и беспощадного», и в наших солеварнях.

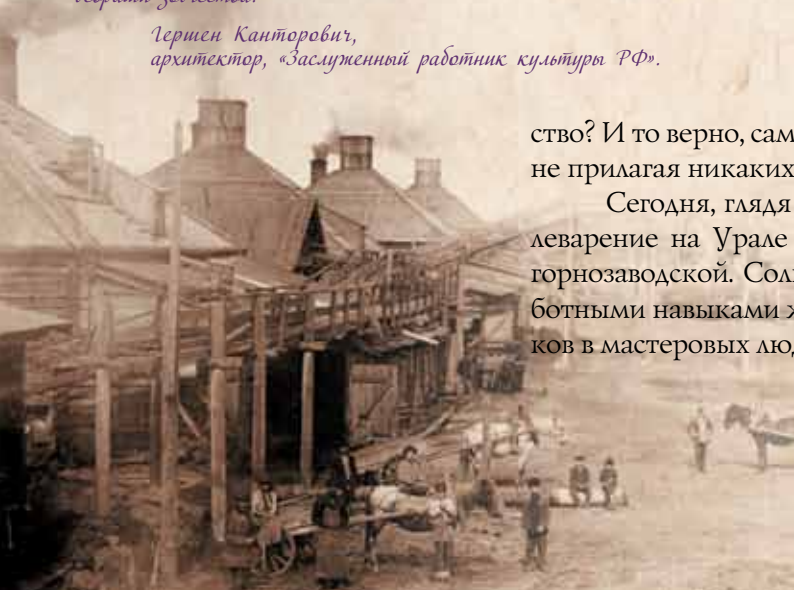
Это были первые раскаты грядущей грозы. А что случится с Россией в роковом для неё 1917-м, мы уже знаем. Февральские лозунги: «Свобода, равенство и братство!» уже в октябре сменяют призывы всё раздать и поделить: землю, фабрики... И вскоре в топку революции, гражданской войны, коллективизации, репрессий жизни и судьбы людские валят будут уже без разбору. Свидетелем этих и других потрясений вступающего в свои права века и стал Усть-Боровской солязавод..

Много воды утекло с тех пор вниз по Каме, миллионы пудов «пермянки» дал последний в Прикамье солязавод. Много повидав на своём веку, состарились, как и солевары, стены цехов, складов и варниц. Последняя рабочая смена покинула его территорию 1 января 1972 года. И сегодня скважины, рассолоподъёмные башни, соляные лари, варницы и соляные магазинны XIX столетия — это музей не только соли, но и нескольких, полных драматизма, эпох.

«Великий консерватор» словно остановил здесь, на берегу Камы, время и донёс до наших дней всю цепочку соледобычи, практически не изменившуюся с допетровских времён. Даже могучая поступь индустриализации, по большому счету, не нарушила здешнего уклада. Последнее слово техники на солязаводе прозвучало в середине прошлого столетия — варницы с дров были переведены на уголь. Но в сравнении с паровыми машинами — это уже пустяки.

На фоне крупнотоннажного производства Соликамского калийного, чьим цехом в последние годы своего существования был солязавод, кому придёт в голову модернизировать изживающее себя производство? И то верно, само быстрее помрёт. Так калийщики, сами того не ведая, не прилагая никаких усилий, оказали бесценную услугу потомкам.

Сегодня, глядя с беспристрастных высот истории, мы понимаем: солеварение на Урале положило начало абсолютно новой цивилизации — горнозаводской. Соль земли позволила сколотить капиталы, напитала рабочими навыками жителей края, превратив их из землепашцев и охотников в мастеровых людей.

Первый в России

Если вам скажут, что родина самовара не Тула, как вы были уверены до сих пор, а Соликамск, то не сомневайтесь, верьте. Считать так есть все основания. И, к слову сказать, Соликамская земля немало явила из того, что может с гордостью называться «первый в России».

...Год от года растёт производство на столичном Пушечном дворе, где льют орудия и колокола для всей России. Уже отлита Царь-пушка, но пока ещё не пришло время Царь-колокола отца и сына Моториных. Своей меди на Руси нет, а привозной даже на самое необходимое не хватает. А тут ещё и введение в оборот медных полушек и пятакв дополнительного сырья требуют.

Для борьбы с дефицитом правительство в течение XVII века организует около двух десятков экспедиций для сыска медных, оловянных, серебряных и железных руд.

В 1618 году в Верхнекамье ведать руду из Москвы снаряжена экспедиция, которой руководят Чулок Бартенев и подьячий Таврило Леонтьев. Не случайно она направлена в наши края.

Находки в окрестностях Соликамска бронзовых блях и подвесок с диковинными ящерицами, животными с человеческими головами и рогами наводили на мысль, что литье это было не привозное, а местными умельцами изготовленное из подручных же руд. Значит, здесь и надобно их искать.

Однако за восемь лет экспедиция, потратив огромную по тем временам сумму — 944 рубля 23 алтына 1 деньга, руды так и не сыскала.

Самое удивительное, что к этому времени Европа уже совершенно уверена, что Русь-то медной рудой богата. Слух об этом дошел до Лондона ещё в 1557 году и не на шутку всполошил тамошнее купеческое общество,

Пермский звериный стиль — бронзовая художественная пластика VII в. до н.э. — XII в. н.э.

Большинство сюжетов пермского звериного стиля находят свое объяснение в мифологии финно-угорских народов Европы и Сибири, являясь своеобразной иллюстрацией к мифам и легендам, объясняющим возникновение мира и человека, его отношения с богами, героями, духами.

«Золотым веком» звериного стиля называют период ломоватовской культуры (VII-IX века). В этот период оформляются сложные литье композиции, объединяющие человека, животных, птиц, а также фантастических существ.

Металлургами были женщины, в пользу такой версии говорят находки литейных формочек в женских захоронениях.

Ме дворяне, не служа Великому Государю и не имея крестного целования, медной руды не сыскали для своей бездельной корысти и имели от того многие посулы и поминки.

Медный колчедан.

которое затребовало от своих поверенных в Москве образцы русской меди с обстоятельными о них сведениями. Разговоры те, как оказалось, были не беспочвенны.

В феврале 1633 года царь Михаил Федорович посылает в Соль Камскую для «сыску меденой руды» во главе со стольником Василием Ивановичем Стрешневым стольника же Григория Волкова, Кирилла Арсеньева, иноземца Елисея Коёта, а также рудознатца Александра Иванова Серебряника.

Через 14 месяцев они рапортуют: дескать, нашли, Государь, богатую медную руду. За то, что поиски оказались успешными, все они и их помощники были щедро награждены. Александр Иванов за то, что «он у Соли Камской меденую руду обыскал», был пожалован тканями, соболями и деньгами на огромную по тем временам сумму — более 100 рублей.

Стольники Иван Стрешнев, Янакльч Челищев, Григорий Волков, Кирилл Арсеньев и жилец Матвей Рябинин были награждены сукнами и куницами на сумму около 24 рублей каждый за то, что они «посланы были с стольником с Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли Камской для сыску медной руды и у дела были безотступно, и за всякими наемными людьми надсматривали, и в посылки для медной руды посланы».

Особенно щедро был пожалован Великим Государем иноземец Елисей Коёт. Его награда заметно отличалась от наград русских людей. Он получил сукна, соболей и серебряный позолоченный кубок, общей стоимостью около 127 рублей: «то, что «посылай на его Государеву службу с окольников Васильем Ивановичем Стрешневым к Соли Камской для меденые руды и, будучи у его Государева сыскного дела, мединые руды радел».

О значении для государства этих находок можно судить по награде, которую получил возглавлявший экспедицию Василий Иванович Стрешнев: две шубы, одна ценой 200 рублей, другим — 200 рублей 4 алтына 4 деньги, кроме пуговиц, серебряный позолоченный кубок с чеканкой стоимостью около 32 рублей, деньги в сумме 220 рублей, а также в Ростовском уезде село Дружинино с деревнями «660 чети в вотчину».

У Григоровой горы в окрестностях Соликамска, где экспедиция Стрешнева нашла руду, в 1634 году и был основан первый в России медеплавильный завод. А за ним потянулись и другие. Так, к началу XVIII века вдоль Рифейских склонов доброю пригоршнею оказалось рассыпано ожерелье горных заводов числом около двухсот.

Добыча руды на Григоровой горе велась шахтами-«подкопами» — короткими штольнями. В них горные рабочие «уламывали» только самые богатые слои медистого песчаника толщиной от одного до трех пальцев. Нижние слои толщиной в ладонь и верхний примерно в пол-аршина — не выбирали, хотя количество металла в них было во много раз выше, чем в руде, взятой из центра пласта. При таком подходе производительность Пыскорского медеплавильного завода, расположенного на территории тогдашне-

Старая штольня в окрестностях Григоровой горы, в которой добывался медистый песчаник.

го Соликамского уезда, составляла, даже смешно сказать, — около шестисот пудов меди в год.

А в XVIII веке небедный уже сользаводчик Михайла Турчанинов решает, как сейчас принято говорить, диверсифицировать свой бизнес — ставит подле Соликамска Троицкий медеплавильный завод. До этого он лишь поставлял руду в казённый пыскорский завод. Хотя в Пыскоре завод основали чуть ли не за сто лет до Троицкого, функционировать он начал только в 1722 году, а через восемь лет на рынке появилась уже турчаниновская медь. Однако сырьё оказалось «слабым», и завод не отличался рентабельностью, хотя в лучшие годы отливал до полутора тысяч пудов меди за год. Так бы промысел и зачах, если бы не будущий деятельный зять Михайлы Филипповича Алексей.

Алёшка Васильев с малолетства служил у Турчаниновых, начинал с мальчика на побегушках. Однако сметливость и проворство мигом приподняли его до должности приказчика, и вскоре он стал правой рукой хозяина. Стоит заметить, что тот не зря приблизил к себемышлёного паренька: наследников у Турчанинова не было, только единственная дочь Федосья, которая давно уже была на выданье. Будучи ещё в силе, Турчанинов натаскивал приказчика, учил его всем промысловым хитростям, обхождению с равными, крепостными и вольнонаёмными, как счёт деньгам вести и как дело из рук не выпустить. Промысел рано или поздно надо будет передать, так пусть он попадёт в руки рачительного хозяина.

Женившись после смерти хозяина на его дочке, и, приняв фамилию жены, новоявленный Турчанинов за дело взялся хватко. И имя его вскоре загремит на всю Россию, являя собой пример, пожалуй, самого успешного из всех соликамских заводчиков. За что ни берётся Алексей Фёдорович, всё приносит доход, всему он находит применение.

Тот же медеплавильный завод. Можно, конечно, и простой рудой, и медью торговать. Но чем глубже передел, тем больше барыш. И Алексей Турчанинов при Троицком заводе создает Талицкую фабрику медной посуды. Памятуя об опыте родоначальника династии Демидовых — кузнеца из Тулы, соликамцы начинают выпуск самоваров, сбитенников и прочей медной утвари. Как только не изощрялись соликамские мастера, создавая и самовар-печку, и самовар-бочонок, и самовар-походный сундучок, и даже самовар в стиле ампир. В Туле же про чудо-самовары прознали попозже.

При всей стратегической значимости меди для Государства Российского отношение к ней, по крайней мере как к платёжному средству, недоверчивое. Ещё памятен «медный бунт» 25 июня 1662 года.

Это же надо такое удумать, диаволы: налоги в казну собирать серебром, а жалованье выдавать медью, да при том деньгу фальшивую чеканить наравне с царскою. Да столько начеканить её, что за рубль серебром дают семнадцать медными!

Этот бунт, как и преждебывший «соляной», жестоко подавлен, мелкая сошка из фальшивомонетчиков наказана, крупные — в очередной раз

Один из первых российских самоваров. Изготовлен на заводе А.Ф. Турчанинова (сер. XVIII в.). Егорьевский историко-художественный музей.

Самый древний самовар, которому около 3700 лет, найден в Азербайджане. Приборы такого типа давно были известны в Китае, но они не служили для приготовления чая. Родиной самовара в России является Соликамск.

О появлении первых документально зафиксированных самоваров в России известно следующее. В 1778 году на улице Штыковой в Туле братьями Иваном и Назаром Лисицыными изготовлен самовар в первом в городе самоварном заведении.

Уральский самовар. СКМ.

Латунная посуда производилась на Троицком заводе А.Ф. Турчанинова в 1740-е гг. Уже в это время здесь отмечено изготовление посуды «цветными видами исперещенной», не имевшей аналогов. Латунная посуда «под фарфор» отличалась особым изыском, но, как и хрупкие фарфоровые изделия, требовала бережного обращения — из-за росписи. Редкие сохранившиеся образцы с оригинальной и трудоемкой декоративной отделкой подтверждают эксклюзивный характер ее изготовления.

Л.А. Петрова,
«Медный век» России. Художественная
медь Урала. 1730-1770».

откупились. Но вскоре чеканка серебряной монеты была возобновлена, а медные деньги из обращения изъяты.

Вот и получается, как валюта она у бедняков доверия не вызывает, и в богатых домах супротив столового серебра — второй сорт. А о царских покаях ей тогда вообще думать не пристало.

Однако не всё золото, что блестит. Не имея особых возможностей выделиться из числа прочих стремящихся в столицу, ко двору, но обладая острым умом и сообразительностью, предприимчивый Турчанинов решил столицу покорить своим путем. Превратив самое обычное в непривычное.

Как, например, начал же Григорий Демидов в соликамских широтах выращивать ананасы для государынь-императриц...

Обаять столицу

*Матушка Елизавета Петровна любила получать подарки, кои, выв-
ражая свои верноподданнические чувства, посылали ей со всех концов Рос-
сийской империи купцы, промышленники, дворяне и помещики. Не только,
конечно же, чтобы порадовать государыню, но и для того, чтобы напо-
нить императрице, что есть-де такой, служащий ей верно и беззаветно.*

*Вот и ныне, в начале месяца января года от Рождества Христова
1753, смотрела государыня Елизавета, что прислали ей подданные в каче-
стве новогоднего подарка.*

*— А вот, матушка, погляди, какой предивный столовый сервиз при-
слал тебе промышленник Турчанинов, — сказал канцлер Бестужев, пода-
вая знак внести подарок.*

*— Турчанинов? — переспросила императрица. — Тот, что все соле-
варни в Соликамске держит? Алексей?*

— Он, государыня.

— Ну посмотрим, что же сей славный муж нам прислал...

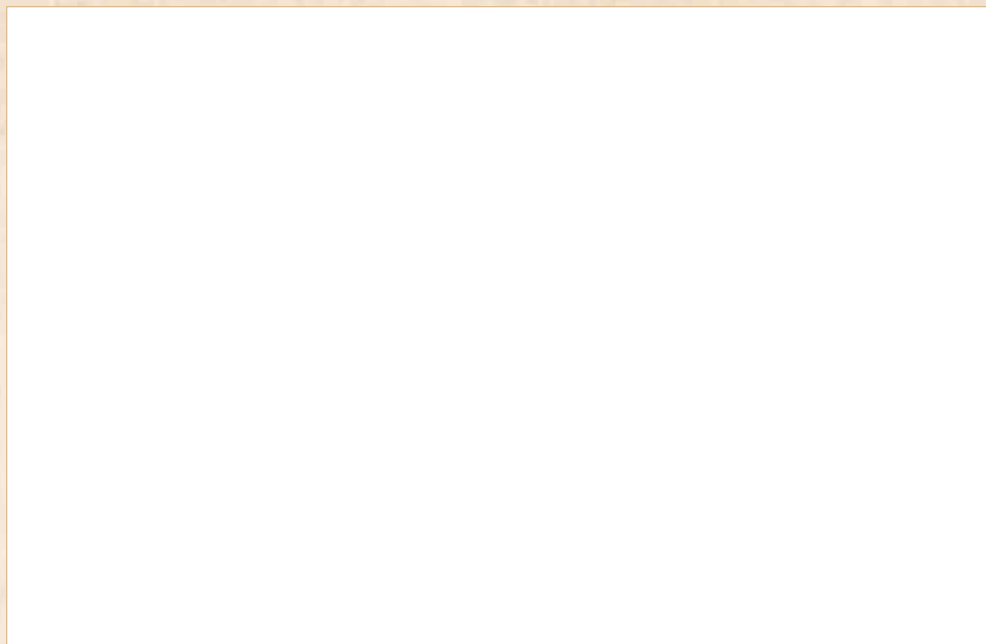
*— Бог ты мой, какая замечательная работа. Порадовал, — произ-
несла государыня. — Где же он такую прелесть-то достал, а, Бестужев?*

*— А достал он его на своем Троицком плавильном медном заводе,
Ваше Императорское Величество, — хитро улыбнулся канцлер.*

*— Так он сам такое диво выпускает? — удивилась Елизавета. — Бо-
гата талантами земля Рассейская..*

*Императрица не забыла приметный подарок, и 30 марта того же
года Сенат выдал Алексею Фёдоровичу Турчанинову патент на чин кол-
лежского асессора «в ранге сухопутного капитана за службу его солепро-
мышленником и фабрикантом Троицкого плавильного медного завода».*

Благодаря сервизу соликамские медники получают признание и за-
каз на изготовление настенных светильников для дворца в Царском Селе.
Однако провинциал Турчанинов на этом не успокаивается и заходит на
столицу с другого боку.

Медь — это не только металл. Основной карбонат меди — зелёный минерал, который в народе зовут малахитом. Именно мастеровые турчаниновских заводов придумали делать из малахитового камня предметы декора, достойные императорского дворца. А украшений из малахита не чурались не только героини бажовских сказов. Даже придворные модницы вскоре будут щеголять друг перед другом украшениями, изготовленными уральскими камнерезами.

За заслуги перед Отечеством Екатерина II вскоре пожаловала Алексею Турчанинову дворянство и герб с серебряной цаплей. Эта бдительная птица стала фирменным клеймом изделий Турчаниновских заводов и была не менее знаменита, чем соболю Демидовых.

В 1773 году завод из-под Соликамска был перенесён в Екатеринбург, а в 1796 году этим же маршрутом последовала и «металлическая фабрика для дела посуды и вещей».

Однако с медеплавильного заводика Турчанинова история соликамской металлургии только начинается. Так, по логике, предложенной нам самой природой, металлургия, пересекаясь с солеварением и принимая от него эстафету, становится одним из главных соликамских промыслов. Но об этом чуть позже.

Малахитовая ваза. Эрмитаж.

в с Пышка

С приходом XX века аппетиты бога войны вспыхивают с новой силой. Мировым империям тесно на Земном шарике и Марс требует новых жертвоприношений. Учёные и конструкторы придумывают всё более совершенные способы отъема жизни. Уже изобретено автоматическое оружие, танки, самолёты.

В погоне за человеческими жизнями растёт и спрос на магний. И вот «фейерверочный металл» безобидных фото-блицев уже применяется в осветительных ракетах и зажигательных смесях. Дальше — больше. Легкие и прочные сплавы магния незаменимы для встающей на крыло авиации, а также в автомобиль- и танкостроении. Всем уже ясно, что грядущие войны — войны моторов.

Это прекрасно понимают и в молодой стране Советов, в окружении которой друзей немного. И защита социалистических рубежей — ещё одна причина, почему надо срочно разрабатывать только что открытое Верхнекамское месторождение. Кроме солей плодородия, здесь покоятся бескрайние залежи природного карналлита — сырья для магниевого производства — двойная соль хлористого магния и хлоркалия.

Так древнее Пермское море предопределило место будущего завода, как, впрочем, и многое из того, что случилось и случится ещё в соликамской истории. На промплощадке первенца калийной промышленности начинается строительство магниевого производства. Для обеспечения его сырьем летом 1931 года в районе будущих Березников заложен второй, карналлитовый, рудник.

Соликамские ананасы заводчика Демидова и первый медный рудник на Григоровой горе, турчаниновские медеплавильный завод, сервизы и самовары... При всём соблазне первенствовать не только в соли, но и в цветной металлургии мы всё же должны признать, что СМЗ, вступивший в строй 14 марта 1936 года, стал только вторым в СССР производителем магния. За полгода до этого первые чушки «крылатого» металла выдало Запорожье. Но к 1941 году «второй» выдаёт уже семьдесят процентов отечествен-

Соликамский магниевый завод.
Здесь производят крылатый металл.

ного магния, а с началом войны остаётся и единственным — завод с Украины эвакуирован в Соликамск.

У Великой Отечественной на магний аппетит особый. Сигнальные ракеты, зажигательные бомбы и снаряды — это понятно. Магний необходим для производства ракет и перископов для подлодок. Для того чтобы бить врага не только на земле и на море, Красной Армии как воздух нужны тысячи самолётов. Для этого двух с половиной тысяч тонн «крылатого» металла в год недостаточно. Осенью 1942 года заводу поставлена задача государственной важности — в полтора раза увеличить выпуск продукции. Легко сказать, но как сделать, если не хватает всего самого необходимого: специалистов, мощностей, электроэнергии.

В переработку идёт лом трофейной техники с паучьей свастикой на бортах, но сырья всё равно не хватает. Поэтому в Москве принято решение — строить в Березниках, где действует карналитовый рудник, ещё один магниевый завод. Нарращивая свои объёмы, СМЗ помогает «младшему брату» кадрами, опытом, технологиями. И здесь уже в 1943 году получен первый магний-сырец. Этот полуфабрикат для более глубокого передела везут в Соликамск.

Эра реактивной авиации, покорения космоса, телевизоров, холодильников, стиральных машин и пылесосов требовала всё больше магния. Без него невозможны освоение атома и создание ЭВМ. Первые следы на Луне человеческая цивилизация оставили колесами лунохода, изготовленными по технологии соликамских металлургов из ударопрочных циркониево-магниевых сплавов.

Научно-технический прогресс требует новых сверхлегких и сверхпрочных металлов. И в лабораториях Соликамского магниевого разрабатывают технологию получения титана. Этот металл не боится ни сырости, ни морской воды, ни даже разъедающей практически всё «царской водки».

Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» награждены 2359 работников Соликамского магниевого завода.

В честь 40-летия Великой Победы, в 1985 году Соликамский магниевый завод награждён орденом Отечественной войны I степени.

Царская водка — смесь концентрированных азотной и соляной кислот. Растворяет большинство металлов, в том числе золото, поэтому и названа алхимиками царской водкой, так как золото считалось «царём металлов».

Помимо титан (Ti) также не растворяет рутений (Ru), родий (Rh), тантал (Ta), иридий (Ir).

1 | 2 | 4
3 | 5

1. Передел рафинированного магния.
2. Получен первый титан.
3. Выплавка миллионной тонны магния.

4. Цех.
5. Слитки магния из юбилейной плавки.

Цех Титановой губки.

Металлический ниобий используется при создании жаропрочных сплавов, применяется в качестве антикоррозийной добавки для нержавеющей стали, предохраняет сварные швы от разрушения. Применяется в атомной энергетике.

Металлический тантал обладает высокой температурой плавки. Кроме электро- и радиотехники, применяется в хирургии, поскольку не раздражает живой ткани и при вживлении не нарушает жизнедеятельность организма.

Такой металл нужен для самолётов и подводных ракетноносцев, химпрома и медицины. Все наработки по получению тетрахлорида титана Соликамский магниевый по приказу Министерства цветной металлургии передаёт соседям в Березники. «Младший брат» окажется прилежным учеником и, освоив новое производство, уверенно пойдёт в гору. Да так широко зашагает, что кой-кому «наверху» покажется, что «учителю» за ним не угнаться, и почти на два десятилетия СМЗ станет структурным подразделением Березниковского титано-магниевого комбината.

В 1972 году на СМЗ запускают производство редкоземельных металлов — тантала и ниобия. Сами специалисты называют редкозёмы «витаминами промышленности». Без них не получить современных конструкционных материалов — сверхпрочных, сверхтвёрдых, сверхмагнитных, сверхжаростойких.

Старейшее из действующих сегодня в мире магниевых производств накануне юбилейного для Соликамска года выдало миллионную тонну продукции. А годом ранее «ветеран» произвёл первый в своей жизни губчатый титан в промышленных объёмах.

Титан открывает перед соликамскими металлургами если не космические, то уж точно заоблачные перспективы. Это и космос, и «оборонка», и суперпротезы, и нанотехнологии.

Открытие новой страницы в судьбе завода прошло довольно буднично: традиционная для такого случая красная ленточка, митинг, слова благодарности строителям и напутствия магниевикам. Вернее, уже и титанщикам.

Бело-голубой флагман Соликамского магниевого — цех титановой губки, выстроенный всего за два с небольшим года, лучше всего рассматривать с объездной дороги. Не производственный комплекс, а корабль, океанский лайнер, готовый отправиться в дальнее плавание по всё-таки живому Пермскому морю.

в торое дыха Ние

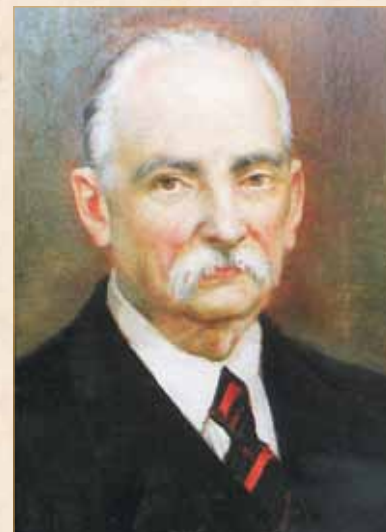
В 1816 году, когда в Соликамске упадок промысла в Соликамске привёл к закрытию здесь последней солеварни, «Казанский листок» опубликовал малозаметную статью С.Попова, в которой сей географ указывал, что иногда в белоснежной выварочной «пермянке» наблюдаются красноватые примеси, придающие ей горький вкус. Но на эту заметку никто особого внимания не обратил..

До революции в Российской империи о своей калийной соли даже не думали. А когда с началом Первой мировой ввоз калия из Германии прекратился, деревня во всю глотку закричала: «Караул!» И тут вспомнили про соликамскую скважину: «Где та «Люда»?!

...Управляющий Троицкого солезавода Николай Рязанцев, озабоченный ростом конкуренции на рынке соли, в 1906 году предпринимает попытку «глубинного бурения». Так появляется Людмилинская скважина. К большому разочарованию, рассол из нее оказался горьким, а значит, соль не пригодна для пищи.

Провизор А.Власов в 1910 году делает анализ породы и подтверждает предположение Рязанцева о содержании в соли примесей калия. Николай Павлович отправляет образцы породы в Петербург — своему земляку и коллеге Ивану Глушкову. Тот проводит анализ и в 1907 году делает доклад в императорском Русском техническом обществе. Однако руководитель химической лаборатории Геологического комитета в Санкт-Петербурге Гальфгаузен не разделив оптимизма коллег, через четыре года заявил, что процент калия в образцах ничтожно мал.

То ли немец Гальфгаузен был подкуплен калийным синдикатом, то ли традиционная безалаберность — сейчас уже не важно, но Рязанцев не сдаётся, а отправляет образцы в различные инстанции и учреждения и терпеливо ждёт ответа. Идёт Первая мировая, и правительству не до научных изысканий. Однако академик Николай Курнаков решается на экспедицию в Соликамск и получает образцы породы, богатые калием и магнием.

Николай Семёнович Курнаков (1860-1941) — выдающийся русский физикохимик, академик Петербургской академии наук и АН СССР, создатель физико-химического анализа.

Нахождение калиевых соединений в соликамских отложениях... может представлять большой промышленный интерес.
Николай Курнаков, академик.

Павел Иванович Преображенский (1874-1944) — российский геолог, первооткрыватель крупнейшего в мире Верхнекамского месторождения калийно-магниевых солей. Министр народного просвещения в правительстве А.Колчака (1919-1920).

Преимущество соликамского открытия перед зарубежными заключалось в расположении солей на относительно небольшой глубине — 100-150 метров, тогда как в Германии они были удалены от поверхности на 250 метров, а во Франции и Испании — на 500-600 метров, что, естественно, усложняло их добычу.

Но были и недостатки — близость Камы сказывалась на повышенной обводненности соленосных залежей, тонкий слой водонепроницаемых пород, большое наличие плавбунов и рыхлых отложений.

*И. Покровский,
«Ежегодник Уральского областного совнархоза», 1926 г., №№5-6.*

Но о дальнейших исследованиях не может быть и речи — началась революция, а за ней — Гражданская война.

Кафедру геологии и минералогии Пермского университета возглавляет профессор Преображенский. Павел Иванович к этому времени успел и на государственной службе отметиться, и в колчаковском правительстве министром просвещения поработать, и в тюрьме за это отсидеть.

Предложение академика Н.Курнакова и Геологического комитета исследовать соликамские залежи Преображенский принял не раздумывая и уже летом 1924 года прибывает в Соликамск главным геологом экспедиции.

Как вспоминали очевидцы, первую скважину пробурили 3 сентября 1925 года. А 6 октября 1925 года на глубине 92 метра бур, вскрыв Верхнекамскую кладовую плодородия, поднял первый керн сильвинита. Обнаружено почти идеальное для разработки месторождение — мощные, почти горизонтально залегающие пласты при небольшой глубине залегания.

Как подсчитали уже позже, Верхнекамское месторождение — второе в мире после Саскачеванского в Канаде. Запасы каменной соли здесь составляют 3,8 триллионов тонн — это более 31 процента всех разведанных мировых запасов калия. Так высохшее 250 миллионов лет назад Пермское море дало второе дыхание городу. Но до того, чтобы начать черпать от него, потребуется ещё много времени и сил.

7 ноября 1927 года, в десятую годовщину Октября, профессор Преображенский и академик Курнаков под гром духового оркестра вывезли первые тачки земли с площадки будущего добычного ствола первого отечественного калийного рудника в Соликамске.

А ровно через год в Соликамск прибыл первый поезд. Все понимали: без надёжного и регулярного железнодорожного сообщения калийного комбината не выстроить.

Вскоре правители новой России зачастили в Соликамск по долгу службы. Всесоюзный староста Михаил Калинин, нарком тяжпрома Серго Орджоникидзе, пламенный революционер и легендарный кавалерист времен Гражданской войны Клим Ворошилов и ещё десятки функционеров едут сюда один за другим — на строительство СКК. В эпоху индустриализации Соликамский калийный — первенец отечественной горно-химической промышленности — в одном ряду с легендарными Днепрогэсом, и Магниткой.

Возводимый ударными темпами комбинат нужен не только селу, но и всей Советской России. Стране катастрофически не хватает финансов, и экспорт удобрений позволит быстрее окупить вложенные в его строительство на первом этапе огромные деньги — более 1,3 миллиона рублей.

Певец русской природы Константин Паустовский, прибывший в верховья Камы по заданию «Рабочей газеты», чтобы осветить развернувшееся здесь строительство, сравнивает ход работ с неукротимым течением Камы, восхища-

Наступающий мир требует и абсолютно новой организации жизненного пространства строителя коммунизма. Так рождается идея Калийграда, которую совершенно категорично поддерживает профессор Н.Шадлун.

Сторонники этой идеи, по сути, предлагают модернизировать прежний «горнозаводской» принцип формирования городской среды, когда населенный пункт строится вокруг предприятия и вся его жизнь полностью подчинена производственному циклу.

Баракы и дома — рядом с проходной, ясли, магазины, столовая — всё под боком, чтобы ничто не отвлекало рабочего человека от трудового подвига. А то, что же получается? Пешком из поселка Карналлитовго до стройплощадки калийного комбината топать часа полтора, не меньше. Это какая же у рабочего класса в сумме выходит трата трудодней и сил?! Непорядок, не по-советски. Решительные шаги в борьбе с этим «разбазариванием» в Соликамске нынешняя застройка местами сохраняет до сих пор.

«Сегодняшний день, — это, конечно, важно, но что мы оставим потомкам?» — задает в возникшей дискуссии вопрос оппонент «Калийграда» академик Н.Курнаков. Он убежден, что архитектурные исторические памятники Соликамска должны перейти в пользование новым поколениям, то есть, город нужно сохранить в его историческом облике.

Сегодня, глядя на храмовое великолепие древнего города, только за одно это мы можем сказать одному из столпов отечественной калийной отрасли большое спасибо.

19 апреля 1930 года Соликамский калийный комбинат выдал на-гора первые бады сильвинитовой руды. И уже 1 мая со станции Соликамск ушли первые пять вагонов калия. Эти первые килограммы и тонны руды и возвести о введении в строй первой очереди комбината мощностью полмиллиона тонн. Старинный город и его соляной промысел получают «второе дыхание».

Но, несмотря на очевидный успех, зарубежные наблюдатели дают совершенно неутешительный прогноз: «Ещё много воды потечёт вниз по Каме, — сообщает ганноверская газета «Пролетарий» в номере от 31 октября 1931 года, — прежде чем русские калийные предприятия заработают как следует... Русская калийная промышленность не сумеет стать конкурентоспособной немецко-французской».

Много воды утекло с тех пор... Прогнозы... На то они и прогнозы, чтобы не всегда сбываться. Всего через пару лет будет пущена химическая обогатительная фабрика, перерабатывающая сильвинит в хлоркалий, и рудник выйдет на долгожданную промышленную добычу. Значимость этого подтверждает и орден Трудового Красного Знамени, которым в 1971 году был награжден первенец отечественного калия.

Но Первым калийным «второе дыхание» соликамского промысла не закончилось. В конце 60-х годов Всесоюзной ударной комсомольской стройкой стала пло-

В начале 1934 года строительство комбината было завершено. Два вертикальных шахтных ствола диаметром 5 м каждый прорезали земные толщи. Одна из шахт была пройдена на глубину 260 м, вторая — на 300.

Соликамский калийный комбинат представлял собой крупное предприятие, объединяющее шахты, где происходила добыча сырых калийных солей, солемельницы (здесь соль размалывалась и обогащалась) и химфабрику. Проектная мощность комбината составляла 4500 тонн сильвинита в сутки. Химическая фабрика перерабатывала ежесуточно 3500-4000 тонн сильвинита.

Для сравнения: крупнейшие калийные комбинаты Германии в то время имели следующие мощности: Хайленгероде — 3000 тонн в сутки, Хамторф и Бисмарксгааль — 2500 тонн в сутки каждый.

Ольга Маркелова, Жанна Агапова,
«Соликамский калийный комбинат —
первенец калийной промышленности на
Урале».

Старый Соликамск требует с его лагунами, церквями и полуразрушенными каменными зданиями миллионов затрат, предназначенных на Новый Соликамск. И вот мы стоим перед дилеммой: или одескровать Новый Соликамск — город рабочих масс, во имя придания культурного и благоустроенного вида Старому Соликамску, или, наоборот, дать правильную перспективную установку — работать на сегодняшний день.

Николай Шадлун, профессор.

Подпись.

Соликамское калийное рудоуправление №2.

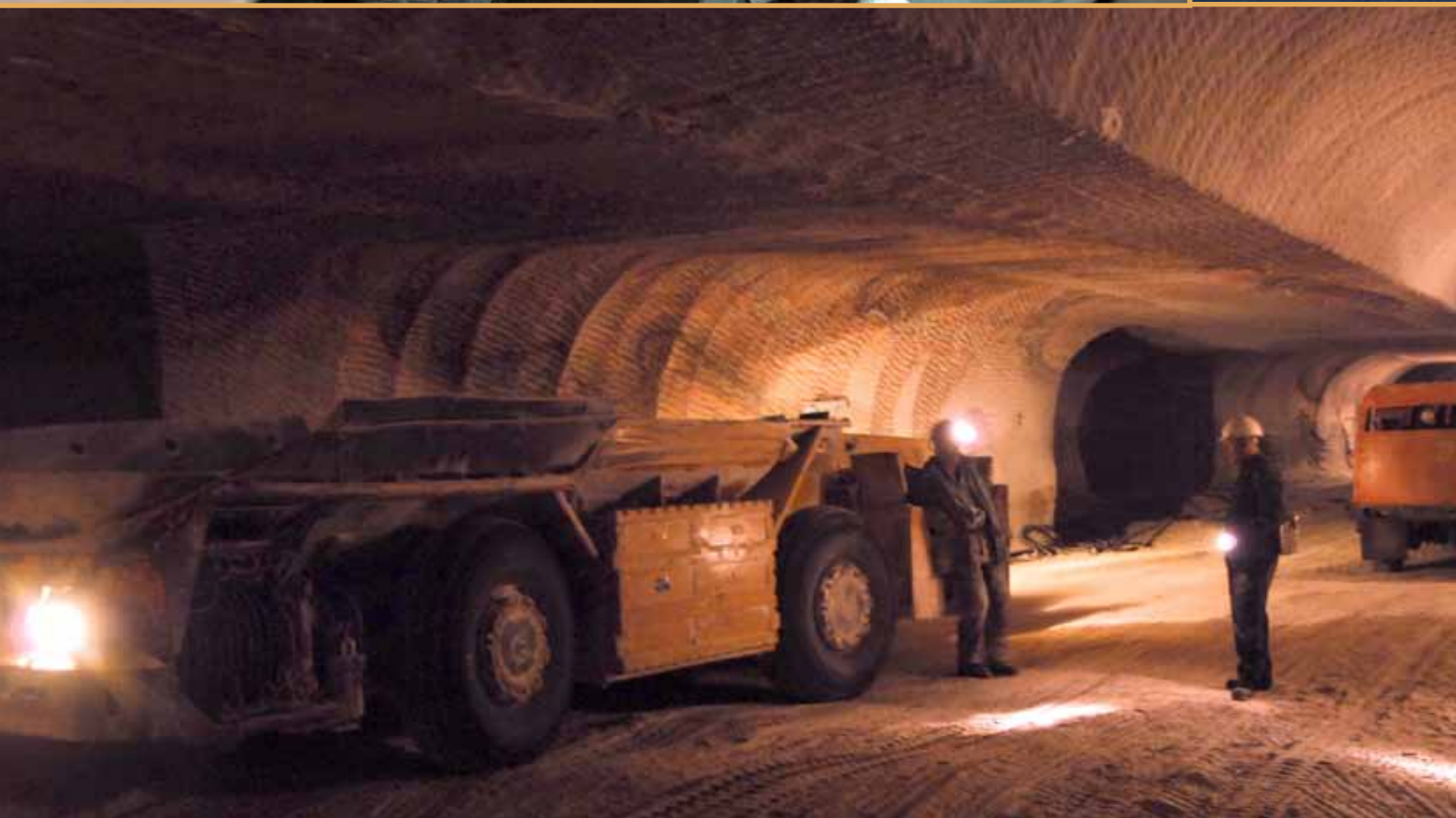
щадка, где не по дням, а по часам рос Южный горно-обогатительный комбинат (ныне СКРУ-2). В 80-е был пущен и Новосоликамский калийный завод (СКРУ-3). Сегодня в планах калийщиков строительство ещё одного мощного горно-обогатительного комплекса — в Половодово. Пермское море своими несметными запасами обеспечило соликамский промысел на несколько столетий вперёд.

Так Людмилинская скважина стала одним из главных символов Соликамска. А сегодняшний гигант мировой калийной промышленности — соликамское ОАО «Сильвинит» мощностью шесть миллионов тонн удобрений в год, и соседний березниковский «Уралкалий», если подойти с историческими мерками, — наследники скромной «прабабушки» отечественного калия.

Появление Верхнекамского месторождения солей (ВКМС) относят к Пермскому периоду, последнему периоду Палеозойской эры. Более 250 миллионов лет назад в результате сухого климата и уникальных природных условий образовалось месторождение, верхние слои которого и являются источниками рассолов.

Соляная залежь имеет форму линзы, его площадь равна 8,1 тыс. км². Длина составляет 205 км (от устья реки Косьвы на юге до с. Вильгорт на севере), ширина — 55 км (от правого берега реки Камы на западе до посёлка Яйва на востоке). Внутри контура толщи поваренной соли лежит залежь калийно-магневых солей протяжённостью 137 км при ширине до 41 км, площадью — 3,7 тыс. км². Толщина соляного пласта местами достигает 550 м.

1 | 3
2 | 4

1. Смена спускается в шахту.
2. На дне древнего Пермского моря.

3. Идет готовый продукт.
4. Работает комбайн «Урал».

На Что годится ёлка

Для чего же годится простая ёлка, кроме дров, раз украшение дома на Новый год и Рождество советской властью отменено вместе с самими праздниками?! Годится она, например, для производства целлюлозы, которая идёт на изготовление бумаги и производства бездымного пороха.

А поскольку леса у нас много и рек, чтобы этот лес сплавать, тоже вполне достаточно, Совнарком в 1936 году решает построить в Соликамске сульфитно-целлюлозный завод.

Работы идут ни шатко ни валко, пока в 1938 году за дело не берётся главная строительная компания того времени — ГУЛАГ. Тысячи человек, уголовники и политические, знают своё дело — выжить. И в марте 1941 года на заводе получена первая продукция — сульфитная целлюлоза и оберточная бумага. С началом Великой Отечественной основной продукцией завода стало сырьё для производства пороха, миллиметровая и светочувствительная бумага, прокладочный картон. После войны предприятие будет перепрофилировано. На соликамской бумаге долгие годы многомиллионными тиражами пять раз в неделю будут выходить главные советские газеты — «Правда», «Известия», «Труд».

В начале 60-х годов прошлого столетия компартия сказала своё вежливое: «надо», соликамцы ответили: «есть», и ленинградскому «Гипробуму» тут же поручено разработать проект реконструкции Соликамского ЦБК. Хотя назвать это реконструкцией можно лишь с большой натяжкой. Предстояла самая настоящая революция. Предприятие, затерявшееся в уральской тайге, должно было стать самым крупным в мире производителем газетной бумаги. Для этого в Соликамске предстояло построить две газетные фабрики с четырьмя скоростными машинами, способными отливать около полумиллиона тонн бумаги в год.

Но гладко было на бумаге... Сначала проектанты затянули с разработкой технического проекта. Маловато силенок для такого объекта оказалось и у Соликамского строительно-монтажного треста №8: ни техники, ни людей, ни должного опыта. Да и откуда им взяться, если предприятие ещё первую пятилетку не разменяло?!

Да и сами бумажники не смогли организовать строителям фронт работ в условиях действующего производства. Тому были свои объяснения: стройка стройкой, но текущий план по выпуску бумаги никто не отменял.

В итоге план строительно-монтажных работ 1962 года по новой бумажной фабрике был выполнен менее чем на треть. Пуск, первой из двух, быстроходной японской буммашины «Мейва», первоначально запланированный на 1964 год, оказался под угрозой срыва.

За невыполнение плана в эти годы ярлыком «враг народа» уже не награждают, «к стенке» не ставят, кровью вину искупать не заставляют. Но дают возможность по партийной линии исправить ситуацию.

Так, в самый провальный для стройки момент директором завода назначается первый секретарь Соликамского горкома М.Бусыгин. Подобный «переход на другую работу» только подчеркивает значимость объекта. Это же подтвердил и ЦК ВЛКСМ, объявивший СЦБК ударной комсомольской стройкой. Благодаря этому статусу Соликамск уже к середине 1963 года получает из госрезерва 250 единиц автотракторной и специальной строительной техники, дефицитные стройматериалы. Работы на стройплощадке организуются в две-три смены.

1 | 3
2 | 4

1. Бумагоделательная машина.
2. На территории ОАО «Соликамскбумпром».

3. Нарезка рулонов.
4. На лесобирже.

И в 1965 году была введена в строй первая из двух запланированных газетная фабрика — две быстроходные буммашины, равных которым в СССР ещё не было. Кстати, именно с «японками» был связан один казус.

Военная тайна

Западные спецслужбы Соликамском интересовались со времён Робинзона. Неудивительно, что в XX веке город, где работают крупнейший в Европе пороховой завод и производство «крылатого» металла, словосочетание «военная тайна» окутывает словно дымка. А Соликамск уже долгие годы «закрывает» для иностранцев.

И на тебе, в шестидесятые годы сюда почти на год переселяются четыре инженера из капиталистической Японии. А, надо сказать, с этой страной у СССР после окончания в 1945 году войны, мирного договора не было. Как от потомков самураев, прибывших на СЦБК для шеф-монтажа двух бумагоделательных машин ограждать нашу «военную тайну»?

Ладно бы, если она была маленькая и за семью печатями... Но в то время об испытаниях на полигоне завода «Урал» новых порохов соликамцы узнавали первыми в мире. Грохот стоял такой, что окна дребезжали.

Поэтому на время очередных испытаний японским инженерам обязательно устраивали поездку за город: за грибами, на рыбалку, полюбоваться памятниками Чердыни. Один раз главный по японским чудо-машинам — господин Дзихеи Исудзука — заблудился. Часа через три его нашли. Так до конца и не выяснили, что он делал всё это время. «Ладно, если спал, — ломали головы те, кому надо, — а если...».

Вот и выходит, с одной стороны, не отменять же из-за японцев испытания на «Урале»? С другой, и газетная бумага стране нужна не меньше. Как быть?

Может, поэтому, а может, просто совпало, но вскоре испытания порохов были перенесены на полигон под Нижний Тагил. Сказать точно почему, сегодня никто не может. Тайна, одним словом.

А японские специалисты в наших лесах больше не терялись.

Как оказалось, на СЦБК карьера Михаила Бусыгина только начала взлет. В 1966 году за пуск двух быстроходных бумагоделательных машин будущий союзный министр, будущий кандидат в члены ЦК КПСС, будущий депутат Верховного Совета СССР награжден орденом Ленина.

17 сентября 1966 года за большой вклад в развитие целлюлозно-бумажной промышленности Соликамский ЦБК был награжден высшей государственной наградой СССР — орденом Ленина.

Бумагоделательная машина
ОАО «Соликамскбумпром»

А через пять лет вступили в строй ещё два «быстрохода» — финские «Вяртисиля».

Испокон веков Соликамск — город-труженик. И орден Трудового Красного Знамени, которым он был награжден 24 июля 1980 года «за успехи в хозяйственном и культурном строительстве, большой вклад в развитие целлюлознобумажной промышленности и производство минеральных удобрений» — оценка труда многих поколений жителей Соли Камской.

Парадокс: может быть, не каждый живущий на всё ещё необъятных просторах Государства Российского знает сегодня о Соликамске больше того, что это местечко где-то на долгом кандалном пути многострадального народа и родина пресловутого «Белого лебедя». А вот внимание и пристальное наблюдение за судьбой города со стороны зарубежья, и ближнего и самого дальнего, не ослабевает и обусловлено, разумеется, совсем иными интересами. Да и в наших столичных кругах, тех, что к власти поближе, Соликамск, как и всегда, на виду и на слуху, он остаётся яркой и значительной точкой на экономической и политической карте страны. Его государственную, стратегическую важность переоценить трудно: одно слово, поморский город в самом сердце России! Город — перекрёсток, определяющий успешность многих дорог и начинаний России в международных отношениях, во всём мировом пространстве.

Вглядываясь в живую историю Соликамска, мы снова и снова возвращаемся к главному вопросу: в чём тайна, сила и предназначение нашего поморского города?!

Все заповедные таинства и архетипические смыслы сошлись здесь, а это значит, Соликамск не случайное, не временное место жительства на земле, а предначертанное свыше и предугаданное людьми. В Откровении своём Иоанн говорит о Граде Небесном: «И увидел я новое небо и но-

ОАО «Соликамскбумпром».

вую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21:1-2). Если представить себе отражения небесного эйдоса здесь, на земле, то, возможно, одно из них - это и есть наша Соль Камская, рождённая прежнеем, ушедшим морем, оставившим нам в наследство соль самой жизни. Так и живём — на берегу, на меже, на границе времён, миров, религий, на пересечении дорог, культур и идей.

Ничего большего, что оставило Пермское море, здесь человеку и не надо, ни на что большее он и не посягал. Неисчерпаемые недра, полноводные реки и безграничная тайга — вот тот источник, от которого завещано было питаться человечеству из века в век на этих берегах. Соликамцы исправно и добросовестно чтут этот завет и по сей день, обустроивая своё бытие по велению самой природы и в согласии с ней.

Человек, веками структурируя пространство города, начиная с первого соляного колодца и первого храма, возводит здесь дом и храм своей души. Город разбегается кругами по горизонтали, обрастая по границам, словно крепостными стенами, корпусами заводов. Город связан с подземным миром, там память предков, там во тьме бесценные сокровища, необходимые для продолжения родов и поколений. Но неизменно высоким остаётся центральный холм, сакральное место города, из которого растёт звонница - вертикаль города к небу, к Божественному свету. Этот свет не раз нисходил на город: то святостью Николая Чудотворца, чей лик охраняет пуце стен и воинства, то чудесным свечением Образа Сретенья в подклете самой колокольни. Этот тихий свет разливается в нашей любви к сокровенной, но такой щедрой и прекрасной душе родного Соликамска.

Время не стоит на месте... Или это мы не стоим на месте. Продолжаем двигаться вперёд, расширять свои границы, бежать «встречь солнцу», возводить свои вертикали. Сколько их ещё появится в славном Соликамске — высоток, шпилей, башен, поднимающих нас над землёй. Ведь за плечами ещё совсем немного времени, а впереди - целая жизнь!

МСБЕ ЭЙФЕЛЬ "ОТДЫХАЕТ"!

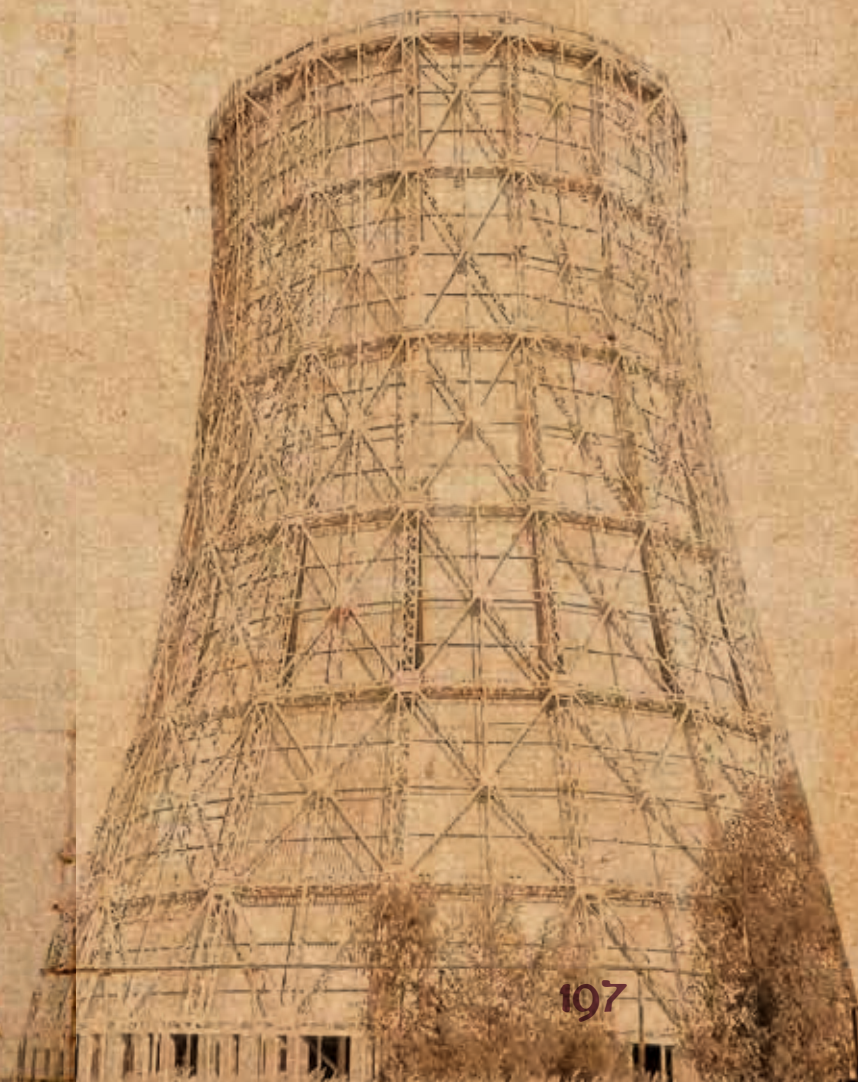
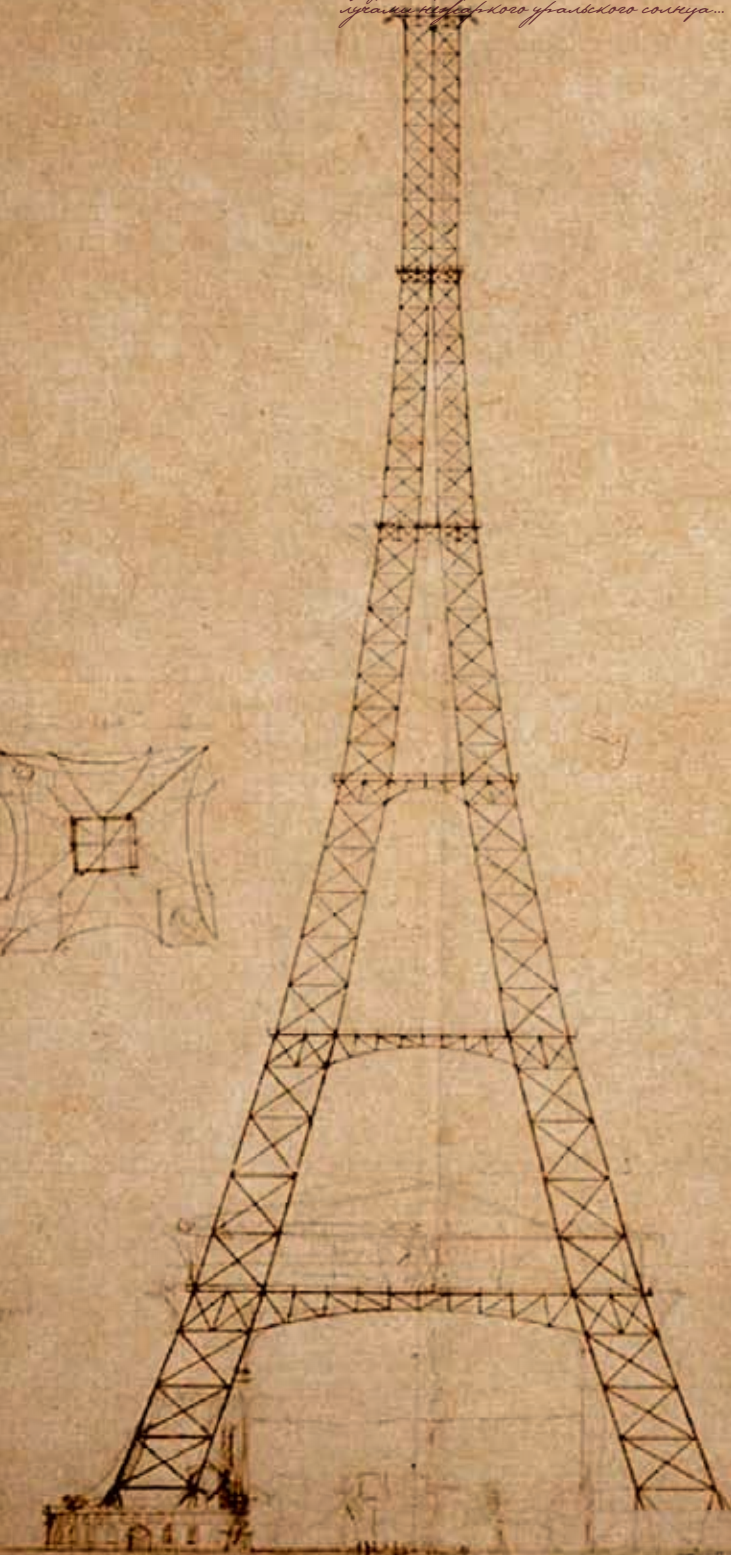
Башенная градирня «Соликамской ТЭЦ» с площадки звона колокольни, несмотря на десяток кило- метров, что их разделяют, — как на ладони.

Ажурные ребра сеточки, плавный, изящный силуэт, золотистый металлический блеск под яркими лучами нежаркого уральского солнца... Шутка ли — 64 метра металла и железобетона.

Башенная градирня «Соликамской ТЭЦ» с площад- ки звона колокольни, несмотря на десяток кило- метров, что их разделяют, — как на ладони.

Ажурные ребра сеточки, плавный, изящный силуэт, холодный металлический блеск под ярки- ми лучами нежаркого уральского солнца... Шут- ка ли — 64 метра металла — вровень с колоколь- ней! И все это — творение рук строителей Соли- камского строительного треста, гордость каждо- го, кто принимал участие в ее сооружении. Этакая перекличка двух соликамских вертикалей, привет зодчим прошлого от потомков, которые тоже не лы- ком шиты.

В городе уже несколько лет спорят: на что же все-таки похожа боровская башня?! Одни утвержда- ют, что на вулкан, над жерлом которого парит облач-

ко тумана. Вот такой технократический вулкан в черте города, на берегу Камы.

Более азартные сравнивают градирню с гигантским карточным домиком. Да только карты эти — со стальными рубашками. Романтики настаивают на схожести уникального объекта промстроя с Эйфелевой башней, которая в минувшем году отметила своё 120-летие. Наша, правда, помолоче будет раз в тридцать.

Но дело не в возрасте. Когда соликамская махина неожиданно встает перед тобой в полный рост, понимаешь, что мсье Эйфель «отдыхает»! Наша башня, конечно, ниже росточком будет, но градирня, как вы понимаете, строилась не для красоты или всеобщего удивления, а для пользы дела.

Так-то оно так, но даже немного обидно: зачем бумкомбинат «запрятал» это «седьмое чудо света» у себя за забором?! Да на градирню экскурсии водить надо!

В 2005 году в «Соликамскбумпроме» решили свою «дочку» — ТЭЦ — «подмолодить». Необходимо было повысить мощность теплоцентрали, обеспечивающей теплом и горячей водой не только завод, но и половину Соликамска.

В ходе этой модернизации и предстояло построить башенную градирню — сооружение для охлаждения оборотной воды с зеркалом орошения 1600 «квадратов». Плюс насосную станцию и сеть трубопроводов.

Если бы нам все же довелось попасть сюда на экскурсию, то гид с высшим техническим образованием рассказал бы примерно так:

- Процесс охлаждения воды в градирне происходит за счёт испарения её части при стекании тонкой плёнкой или каплями по специальному оросителю, вдоль которого в противоположном движению воды направлении подаётся поток воздуха. Затем охлажденная вода поступает обратно в технологический процесс выработки электроэнергии, образуя замкнутый цикл. Данный способ охлаждения является наиболее экологически чистым.

Но поскольку, как мы с вами уже поняли, в ближайшее время экскурсий не предвидится, а рассказать об этом уникальном объекте читателям книги кто-то должен, попробуем это сделать.

Башенная градирня — объект сложный. Нужно собрать, как пазлы, «карточный домик» в шесть ярусов из 96 огромных стальных ячеек весом в пять тонн каждая да ещё и под отрицательным уклоном...

А прибавьте сюда ещё и «начинку» — чашу-основание диаметром 50 метров и внутренний железобетонный каркас, хитросплетения двух с половиной километров труб разных диаметров — от пяти сантиметров до полутора метров.

До того момента как соликамские строители приступили к работам, это была совершенно неизвестная для них работа. Последние лет десять-пятнадцать в Прикамье градирни никто не строил, и вряд ли кто возьмется в ближайшее время. В былые годы такие объекты возводили специализированные предприятия, да вот только где они после эпохи «перестроек» и «лихих девяностых»?! Поэтому осваивать новые технологии Соликамскому строительному тресту пришлось самостоятельно и в сжатые сроки.

- Смонтировать объект предстояло с марта по август, а в последующие два месяца провести испытание трубопроводов, — рассказывает главный инженер ЗАО «Соликамскстрой» Владимир Ошканов, «заслуженный строитель России». — В холода нельзя: если вода замерзнет, то трубы просто разорвет. Строить можно только при плюсовой температуре.

Складывать «карточный домик» строители начинали осторожно — с половины карты в сутки. Затем стали ставить по одной. Потом дело пошло, руки, что ли, дрожать перестали, — улыбается Ошканов удачному сравнению, — начали собирать по три карты в сутки. А самый верхний ярус вообще собрали за 72 часа.

Можно только представить, каким «пяточком» с высоты в 60 метров земля кажется. Ветер так и норовит сорвать спорящих с земным притяжением монтажников. Отсюда, если разогнать облака рукой, строителям настоящего и будущего Соли Камской хорошо различима старшая сестра — соликамская колокольня, которая уже три столетия подпирает небо в этой части Вселенной.

P.S. У древнего Соликамска богатое и славное прошлое.

Оно бережно и с большой любовью собиралось и хранилось не одним поколением профессионалов. Его история — это невероятная цепь случайностей, совпадений и закономерностей. Бывает, что и в ней нет согласия: достоверные свидетельства спорят друг с другом, вступают в нешуточные схватки за истину. А истина — есть ли она вообще? Этим архиважным философским вопросом давно уже отболело расколотое, но отчаянно рефлекслирующее сознание современного человечества.

Не многие из нас досконально знают документальную историю Москвы или Санкт-Петербурга. Но в своём стремлении постичь наши столицы, в своей любви к ним мы доверяем живым образам этих городов, созданным поэтами, писателями, художниками. Однако ещё в средней школе нам убедительно доказали, что Петербург Достоевского совсем не похож на Петербург Ахматовой, а Москва Белого — иная, чем у Булгакова.

Сегодня не надо доказывать: истина может быть у каждого своя, а настоящая, живая история и культура начинаются не в архиве и учебнике, а в сознании творчески мыслящего человека.

Эта книга — попытка воссоздания и оживления души Соликамска, какой она видится и чувствуется авторами.

Если полагаться не только на ускользающие и бранные вещи, события, факты, а доверять их образам, смыслу, идеям, которые, в свою очередь, через нашу культурную память восходят к универсальным архетипам, эйдосам, то Соликамск может открыться нам как архетипическая мифологема, универсальная модель города, а также и место производства смыслов, создания и функционирования символов. Наш город — это оформленность, ограда, крепость, помогающая выстоять перед Ничто, Пустыней, Степью, Лесом. Это порядок, противостоящий хаосу, очеловеченное пространство, антропологически осознанное бытие, человеческое измерение Космоса. Как и любой город — это попытка восстановления утраченного рая. Как и любой город, он начинается с храма, т.е. не с земли, а с небес. Он даёт человеку возможности пути, свободы, выбора, риска, поскольку это пространство становления, место, откуда можно уйти и куда можно вернуться.

Здесь встречаются, пересекаются два пространства: географическое и семантическое, символическое пространство сознания (город-текст, город-символ, язык города, знаки города). В этом пересечении возможно увидеть и лицо Соликамска, его сакральную историю, его небесный архетип, прообраз, которому он пытается соответствовать.

Вот поэтому мы сделали следующий шаг: за архетипическими чертами Соликамска мы попытались увидеть его неповторимое зна-

чение и лицо, мы постарались понять его личный характер, разгадать его смысл, читая, словно древнюю и мудрую книгу. Ведь под книгой, текстом, который следует «расшифровать», мы понимаем не только рукописные творения авторов, но и произведения искусства, исторические события и другие объекты, которые «поддаются» пониманию. Помните, в романе Битова «Пушкинский Дом» один из героев, не утративший настоящей, нефальшивой связи с культурой, не просто «надевает рубашку — он понимает рубашку». И мы не хотим просто «надеть на себя свой город», спрятаться и потеряться в созданной кем-то одежде, мы хотим оживить Соликамск по-своему, вступить с ним в диалог и выведать тайну сокровенного текста.

Путь постижения этой тайны — это не внешнее наблюдение, а реконструкция исторического времени путём вчувствования, личного сопереживания, соучастия и осознания.

Чувственно и интеллектуально созерцаемым явлением, текстом стали для нас улицы Соликамска, хранящие следы далёких предков, архитектура, иконы, сам воздух города, его жители, их устные и письменные рассказы, свидетельства, воспоминания, архивные документы, рефлексии о Соликамске других людей — мы вправе опираться в своём движении к душе города на любые источники, мы не дифференцировали их по степени «правды», мы с благодарностью внимали любым голосам и мнениям.

Разумеется, самая суть явления, божественная, независимая от субъекта, точки зрения, времени и пространства, не может открыться нам — мы не Боги. Но мы — люди, и мы отважились выдвинуть свою гипотезу, своё творческое осмысление внутреннего содержания, судьбы и тайны Соликамска. Возможно, иногда это было похоже на «воспоминание небывшего», но из осколков наших размышлений, прозрений, фантазий и иллюзий мы всё же постарались сложить цельную мозаику бытия, устойчивую концепцию смысла, провести ясную линию судьбы древнего поморского города с божественно-колокольным именем Соликамск.

Нам кажется, что каждая такая попытка и есть факт культуры — рождение новой, качественно иной формы мысли и чувствования.

«Багряга», отпечатки в отложениях древнего Пермского моря четверть миллиарда лет назад.

Содержание

От авторов	4
Часть I. Со своей колокольни.....	7
Сон древнего города.....	10
Семь раз «всемер»	22
Соликамские вертикали.....	25
Огонь, вода и.....	28
«Минуй нас пуще всех печалей...»	31
Поклон с почтением.....	36
Любить по-русски	39
В ногу со временем, или Опередившая эпоху	49
Волосатая звезда	55
Часть II. История под ногами.....	59
На перепутье	62
Третьим будет.....	67
Такая вот, брат, арифметика.....	75
Лики истории	79
Бабинов и Робинзон	87
Сад у дороги	92
Дорога в будущее	97
Девки в озере купались	103
Часть III. Война и мы. Свои чужие.....	107
Жить на фронтире.....	109
Шведский след	113
«Постой-ка, брат мусью!»	119
Первая мировая	128
Кумачовые дни	133
Красно-белый террор	138
Соль Победы	141
Умирать нельзя.....	152
Часть IV. На берегу Пермского моря.....	155
Соля-воля	158
От расцвета до заката.....	163
Консервы времени	170
Первый в России	175
Вспышка.....	182
Второе дыхание.....	187
На что годится ёлка.....	194
Мсье Эйфель «отдыхает»!.....	201
P.S.	204

Поморский город Соликамск

580-летию Соликамска посвящается

Руководитель проекта и главный редактор
О.Ю. ОПУТ ИН

Авторский коллектив:
О.Ю. ОПУТ ИН, И.В. ПАВЛОВА (кандидат филологических наук),
С.В. ХОРОБРЫ Х,
при участии А.С. ЛУКЪЯ НОВА

технический редактор
С.В. ХОРОБРЫ Х

Редактор
И.В. ПАВЛОВА

Художник
Н.А. ЕЛИЗАРОВА-ФУФАЧЁВА

Художественное оформление, ретушь и компьютерная вёрстка
В.В. СИДОРОВ

Корректор
Л.Ф. СКРЯБИНА

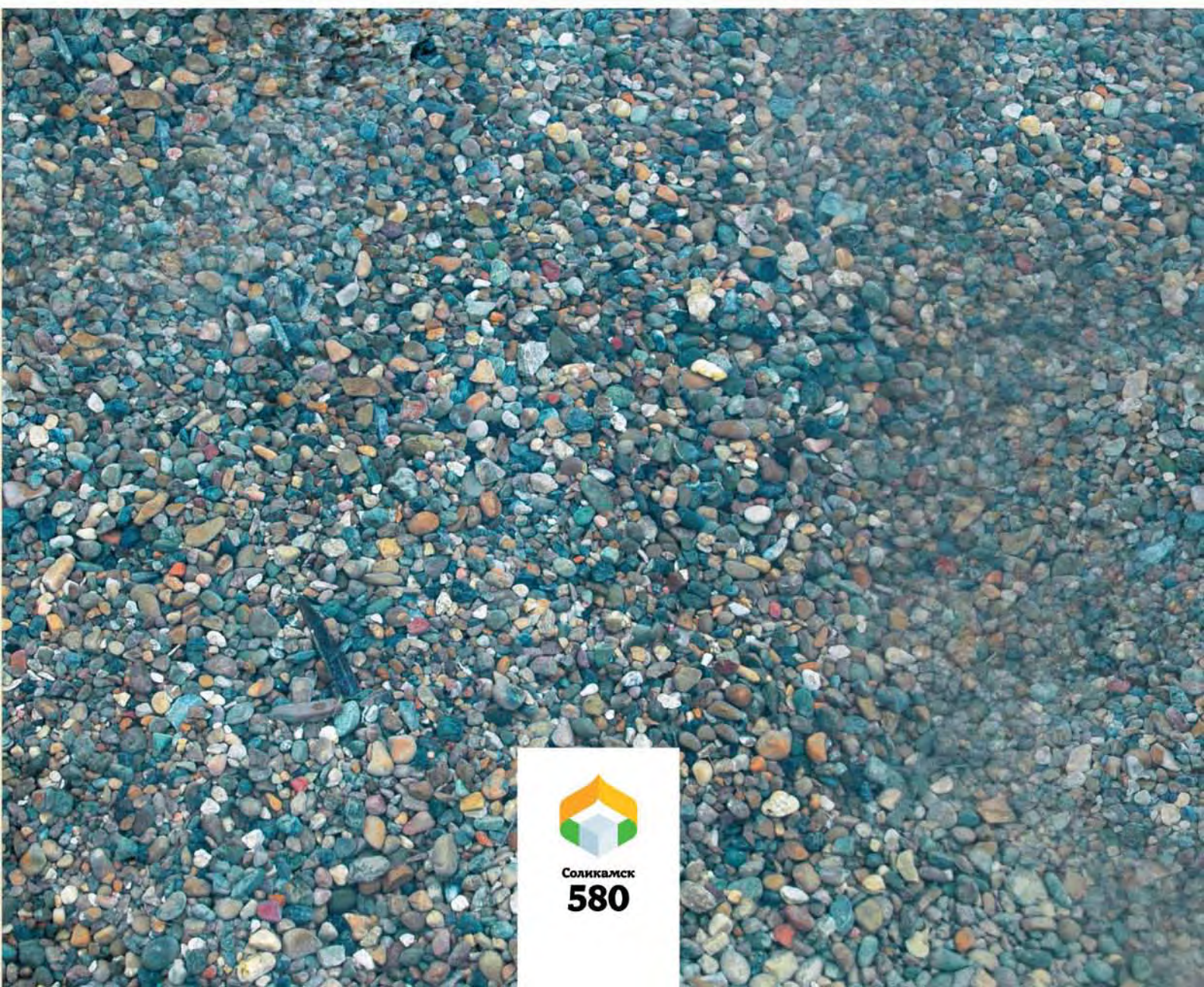
В книге использованы фотографии Гарая АЛЛАХВЕРДИЕВА, Виктора БРАНДМАНА, Анастасии МЕЛЮХИНОЙ, Олега ОПУТ ИНА, татьяны ТАРНОВСКОЙ, Станислава ХОРОБРЫ Х, а также фотоиллюстрации и материалы из фондов МУК «СОЛИКАМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ», МУК «УСОЛЬСКИЙ историко-архитектурный музей «ПАЛАТЫ Ст РОГАНОВЫ Х», фотоархивов газет «БУМАЖНИК», «ЗА КАЛИЙ», «СОЛИКАМСКИЙ РАБОЧИЙ», «Ст РОИТ ЕЛЬ СОЛИКАМСКА», которым авторский коллектив выражает искреннюю признательность за помощь в работе над книгой.

ISBN 978-5-904907-01-3

© Администрация г.Соликамск, 2010.
© Опутин О.Ю., 2010.
© Павлова И.В., 2010.
© Хоробрых С.В., 2010.
© Лукьянов А.С., 2010.
© Елизарова-Фуфачёва Н.А., 2010.
© Сидоров В.В., 2010.

Подписано в печать 24.05.2010 г. Формат 70х90 1/8. Бумага мелованная, 170 г/м². Печать офсетная.
Гарнитура «Lazurski». Усл. печ. листов 26. тираж 2000. Заказ №1476.

Отпечатано: ООО ИПК «Соликамск».
618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 15. т.ел.: (34253) 7-49-53.

Соликамск
580